

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

2020. № 3.

Tom 3

Society & Security Insights

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2020. №3
Том 3

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

**УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издается в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева**

Главный редактор журнала

С.Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О.Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д.А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2020

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2020. №3
Vol. 3

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2020

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University,
Consultant for the Division of Collaboration with Civil Society Institutions of the Department of Internal
Policy at the Altai territory Governor's Office (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А. Вакру**, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)
- С. Бакли**, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)
- А.М. Есдаулетова**, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- Н.О. Байгабылов**, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- О.В. Калдыбаева**, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- И.Н. Молодикова**, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)
- Т.З. Козлова**, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)
- Т.Н. Юдина**, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)
- А.Ю. Мягков**, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)
- В.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)
- Т.М. Дадаева**, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия)
- О.Т. Лойко**, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)
- С.П. Парамонова**, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)
- Г.В. Жигунова**, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)
- Л.А. Осъмук**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)
- В.П. Шалаев**, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)
- Е.А. Попов**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- О.Л. Сытых**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- М.И. Черепанова**, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В.А. Должиков**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В.С. Бойко**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

- Alexandra Vacroux**, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)
- Cynthia Buckley**, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)
- Ardak M. Esdauletova**, Dr. Sci. (History), Professor at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Nurlan O. Baigabylov**, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Olga V. Kaldybaeva**, PhD (Sociology), Associate Professor at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Irina N. Molodikova**, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)
- Tatiana Z. Kozlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- Tatiana N. Yudina**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)
- Alexander Yu. Myagkov**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)
- Vera V. Orlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)
- Tatiana M. Dadaeva**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)
- Olga T. Loiko**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)
- Svetlana P. Paramonova**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)
- Galina V. Zhigunova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)
- Ludmila A. Osmuk**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)
- Vladimir P. Shalaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)
- Evgeniy A. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Olga L. Sythyk**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Marya I. Cherepanova**, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Vyacheslav A. Dolzhikov**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Vladimir S. Boiko**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- М.С. Имомзода** президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)
- Е.Б. Сыдыков** ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор
- М.М. Абишева** кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- С.В. Землюков** президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)
- С.Н. Бочаров** ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)
- Р.И. Райкин** проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
- С.И. Межов** доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Phylosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhev Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

**БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ
В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА**

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В ТРЕХ СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА) 13**

Д.А. Омельченко, С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕЯ РОССИИ
КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 35**

Е.А. Ходаковский

**АДАПТАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ СИРОТ В КЫРГЫЗСТАНЕ 41**

Р.Б. Салморбекова, К. Каримова

**ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ МИГРАНТОВ,
ЖИВУЩИХ И РАБОТАЮЩИХ В РОССИИ 52**

О.В. Суртаева

**ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В КЫРГЫЗСТАНЕ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ 73**

Ш.А. Айтиев

**ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И СТАБИЛЬНОСТЬ**

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 79**

А.А. Кайгородцев, Т.Ф. Кайгородцева

**РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОВЫШЕНИИ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН 90**

К.Е. Косыгина, В.С. Каминский

**СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) 112**

О.В. Борисова, С.А. Сарыглар, Д.К. Щеглова

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК
И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГДЫ И ЧЕРЕПОВЦА) 123**

Н.Н. Ясников

**ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
К МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ
И МЕЖЭТНИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ В РЕГИОНЕ 134**

Е.В. Шахова, Д.К. Щеглова

**СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И БЕЗОПАСНОСТЬ**

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА:
ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ 146**

Д.А. Ластовкина

ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА 167

Л. Н. Нацун

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 182

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 186

CONTENTS

SECURITY AND INTEGRATION IN THE ASIAN REGION

**DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY
AND THE NON-PROFIT SECTOR IN THE THREE SIBERIAN REGIONS
(BASED ON EXPERT EVALUATIONS) 14**

D.A. Omelchenko, S.G. Maximova, O.E. Noyanzina

**THE CIVILIZATION IDEA
OF RUSSIA AS A FACTOR OF GLOBAL SECURITY.....35**

E. A. Khodakovsky

**ADAPTATION AND SOCIALIZATION
OF SOCIAL ORPHANS IN KYRGYZSTAN 40**

R.B. Salmorbekova, K. Karimova

**EXPERT EVALUATIONS OF LIVING CONDITIONS
OF MIGRANTS LIVING AND WORKING IN RUSSIA 52**

O.V. Surtaeva

**THE CHANGE OF POLITICAL REGIME IN KYRGYZSTAN:
THE REASONS AND CONSEQUENCES 73**

Sh.A. Aytiev

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

**PROBLEMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY
IN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION.....80**

A.A. Kaigorodtsev, T.F. Kaigorodtseva

**ROLE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN INCREASING
ELECTORAL ACTIVITY OF CITIZENS.....91**

K.E. Kosygina, V.S. Kaminsky

**SOCIAL SECURITY IN THE ASSESSMENTS
OF YOUTH FROM THE VOLGOGRAD REGION
(ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH) 113**

O.V. Borisova, S.A. Saryglar, D.K. Sheglova

**RELATIONSHIP BETWEEN INNOVATIVE PRACTICES
AND SOCIAL CAPITAL OF THE EMPLOYED POPULATION
OF THE VOLOGDA REGION
(ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA AND TILES) 124**

N.N. Yasnikov

**DYNAMICS OF ATTITUDES OF POPULATION LIVING
IN THE ALTAI KRAI TOWARDS INTER-ETHNIC RELATIONS
AND MIGRATION SITUATION IN THE REGION 134**

E.V. Shakhova, D.K. Sheglova

**SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES
AND SECURITY**

**SOCIAL NETWORKS
IN THE CONTEXT OF SOCIAL CAPITAL:
A REVIEW OF FOREIGN THEORETICAL APPROACHES..... 147**

D.A. Lastovkina

WOMEN'S OF REPRODUCTIVE AGE HEALTH..... 168

L.N. Natsun

ABOUT AUTHORS 184

RULES FOR AUTHORS 188

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

SECURITY AND INTEGRATION IN THE ASIAN REGION

УДК 316.4.063.34

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В ТРЕХ СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

Д.А. Омельченко

 <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

С.Г. Максимова

 <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

О.Е. Ноянзина

 <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
e-mail: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-01

Для современной российской социальной политики характерно интенсивное развитие общественно-государственного партнерства как важного инструмента выявления социальных проблем и реагирования на них, повышения качества оказываемых населению социальных услуг, защиты прав и свобод российских граждан. Беря на себя часть государственных функций по оказанию социальных услуг населению, реализации социально значимых мероприятий, НКО чаще действуют успешнее и экономичнее, быстрее реагируя на потребности общества, предоставляя возможности населению

самому участвовать в решении собственных проблем, менять свою жизнь в лучшую сторону. Анализ динамических характеристик гражданского общества, проведенный авторами на основе результатов экспертных опросов в трех приграничных регионах Сибирского федерального округа (Алтайский край, Новосибирская область, Республика Алтай, n = 180), позволил выявить их структуру и взаимосвязь с особенностями функционирования некоммерческих организаций, их взаимодействиями с другими НКО и органами власти различного уровня. Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что процессы, происходящие в гражданском обществе, тесно взаимосвязаны и что оценка состояния и перспектив гражданского общества весьма субъективна и подвержена влиянию опыта эксперта и той организации, которую он представляет.

***Ключевые слова:** гражданское общество, некоммерческий сектор, взаимодействие государства и общества, экспертный опрос, сибирский регион, моделирование структурными уравнениями*

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY AND THE NON-PROFIT SECTOR IN THE THREE SIBERIAN REGIONS (BASED ON EXPERT EVALUATIONS)

D.A. Omelchenko

 <https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>

S.G. Maximova

 <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

O.E. Noyanzina

 <https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>

*Altai State University, Barnaul, Russia
e-mail: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

Contemporary Russian social policy is marked by intensive development of state-public partnership as an important instrument for identifying and responding to social issues, improving quality of social services, protecting rights and freedoms of the Russian citizens. Shouldering some of the state functions on the provision of social services, organization of socially significant events and activities, NPOs are often more efficient and effective, they react faster on social needs and provide population with opportunities to participate in resolution of their problems and change their lives for the better way. The analysis of dynamic characteristics of civil society, fulfilled by the authors on the base of expert evaluations in the three border regions of the Siberian federal district (the Altai region, the Novosibirsk oblast, the Republic of Altai, n = 180), allowed to reveal their structure

and relationships with peculiarities of the functioning and interaction with other NPOs and governmental bodies at different levels. Our findings suggest that processes in civil society are strongly interconnected, and that the assessment of their actual state and dynamics is very subjective, affected by professional experience and peculiarities of expert organization.

Keywords: civil society, the non-profit sector, state-public partnership, expert evaluations, Siberian regions, structural equation modeling

Введение

Гражданское общество является одним из центральных понятий, diskutiruemых в науке, политике, публичной сфере. Можно с уверенностью сказать, что его роль неуклонно возрастает, гражданский активизм становится значимой силой, считаться с которой вынуждены не только отдельные государства и правительства, но и все мировое сообщество. Очень емко и точно З.Т. Голенкова назвала гражданское общество одним из «центральных герменевтических ключей», «концептуальным кодом эпохи», а выделение гражданского общества как отдельного важного социального субъекта — «эпохальной истиной», объясняющей мир и то, как функционируют современные общества (Голенкова, 1997).

Концептуализация гражданского общества обычно строится на основе идей социальной сплоченности, солидарности, коллективных обязательств, позволяющих независимым гражданам интегрироваться в единое целое, реализовывать свою социальную субъектность. Так, Ю. Хабермас понимает гражданское общество как особую посредническую сферу между индивидами и государством, в которой осуществляется их коммуникация. При этом ключевым для понимания процесса формирования гражданского общества является понятие публичной сферы, основными признаками которой выступают открытая дискуссия, критика власти, транспарентность, независимость от государства. Институциональным ядром гражданского общества являются добровольные ассоциации, находящиеся вне государства и экономики, которые дают гражданам возможность управлять самостоятельно и действовать в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале (Хабермас, 2016).

Зарубежные исследования гражданского общества последних десятилетий испытывают существенное влияние глобализации, выходят за рамки частных теорий и развиваются в широком междисциплинарном и межпарадигмальном русле. Происходит осмысление и переосмысление процессов образования и устойчивого развития гражданского общества в странах, относящихся к разным волнам демократизации и транзита, возникает теория нового глобального транснационального гражданского общества, не замкнутого границами отдельных наций-государств, в этом процессе высвечивается роль других сфер — науки, культуры, религии (Boehnke, Rippl, Fuss, 2015). Ставится под сомнение и активно дискутируется и традиционная оппозиция между гражданским обществом и государством, появляются трактовки, считающие государство необходимым условием для развития граж-

данского общества, полагающие, что «сильное гражданское общество нуждается в сильном государстве и наоборот», а отношениями между государством и обществом становятся «отношения критического партнерства и взаимной поддержки» (Whaites 1996; Zaleski, 2006).

Отечественная теория гражданского общества складывалась на основе заимствований положений как англо-американской, так и европейско-континентальной традиций, их адаптации (не всегда удачной) к российским реалиям. В современной российской науке понимание гражданского общества довольно противоречиво, что в целом корреспондирует с общим состоянием дел в области исследований гражданского общества в мире, мультидисциплинарным «разноголосием», от каждой дисциплины привносящим свое видение, акцент на определенных аспектах изучения гражданского общества — правовых, социальных, культурных и т.д. Отсутствие академически четко определенного значения, большая связь с идеологией и политической прагматикой, определяющей интерпретацию, выступают, по мнению С. Кирдиной, основаниями в лишении «гражданского общества» статуса научной категории и восприятия его в качестве идеологемы, поскольку именно идеология, а не наука не только задает направления анализа, но и определяет характер и содержание понятия «гражданское общество», делает его носителем определенных ценностей. Взамен она предлагает использовать термин «гражданское участие», как менее идеологически нагруженный и более реально отражающий социальные процессы и социальные взаимоотношения между различными участниками отдельных социальных действий и общественных движений (Кирдина, 2012). Тем не менее это довольно радикальное мнение практически не находит поддержки, так как существует большой общественный, политический и научный запрос на исследования гражданского общества, его статических и динамических характеристик, «точечных», локализованных в конкретном времени и пространстве срезов и эволюционных изменений.

Рассматривая оценки, которые дают исследователи и эксперты состоянию гражданского общества в России, необходимо учитывать эффект темпоральности и четко осознавать, что тот или иной срез показателей характеризует определенный временной период, с присущими ему институциональными условиями и общественными настроениями. Так, в 1997 г. З.Т. Голенкова писала о состоянии гражданского общества, что оно не развито, находится в стадии формирования, многие его элементы вытеснены или «заблокированы», что в России основанного на принципах демократии гражданского общества нет, а есть лишь «отдельные элементы, вытесненные в небольшие оазисы автономной общественной жизни» (Голенкова, 1997: 25). В 2002 г. В.В. Петухов, выстраивая свой анализ на базе характеристик институциональной среды и оценок отношения населения к демократическим ценностям и институтам, формам гражданской самоорганизации, заключал, что сложившаяся в России инфраструктура и механизмы не являются значимыми агентами демократического участия, что системы социального партнерства и гражданские инициативы, не вписавшись в существующий партийно-политический порядок, «оттесняются на обочину политической жизни, а сама идея гражданского участия постепенно

делегитимизируется. Активность граждан канализируется в другие сферы, не связанные с общественной и политической жизнью, что связывается автором с современным характером развития российского общества, плюрализацией форм реализации жизненных интересов, тогда как политическая деятельность является уделом профессионалов, составляющих едва ли 1,5% самодеятельного населения страны (Петухов, 2002). В.Л. Римский (2007) спустя пять лет в целом пришел к похожим выводам, связанным со снижением общественного и политического участия. По его мнению, одной из главных причин социальной пассивности, нежелания проявлять гражданскую инициативу, становиться участником коллективных решений являются стереотипы, укорененные в сознании населения: люди по-прежнему верят в то, что действовать нужно только в случае крайней необходимости, они низко оценивают свои возможности влияния на власть и добиваться справедливости. Другой значимой причиной является банальный эгоизм, нежелание тратить свое время, физические и интеллектуальные усилия, другие ресурсы для решения проблемы, хотя случаи отдельных гражданских инициатив были довольно успешными. Исследование Фонда Эберта в 2010 г. показало, что в России все-таки есть и активные граждане и общественные организации, однако эти две важнейшие составляющие гражданского общества развиваются в отрыве друг от друга. Исследователи также отмечали, что россияне не видят возможности добиться изменений с помощью гражданской активности, что у населения отсутствует мотивация к гражданскому участию в рамках действующей инфраструктуры организаций, однако довольно распространена неформальная помощь. Кроме того, были отмечены репрессивное отношение государства к НКО, отсутствие у НКО преференций и стимулов для деятельности на благо общества, слабость парламента и закрытость государственного аппарата. Авторы заключают, что гражданское общество в России еще не выстроило значимые связи между гражданами и общественными организациями, а в отношениях с государством назрело понимание того, что «критическое взаимодействие» может давать более эффективные результаты, чем оппозиционная стратегия (Ланг, Хэртель, Бюрш, 2010).

Можно с уверенностью сказать, что за прошедшие годы ситуация существенно изменилась, сформировались новые подходы и механизмы общественно-государственного взаимодействия. Не только по данным докладов Общественной палаты Российской Федерации о развитии гражданского общества, которые отчасти можно рассматривать как демонстрацию успехов государства по поддержке некоммерческого сектора, но и в статьях критически настроенных экспертов отмечается, что в России наблюдается небывалый рост фондов и инициатив, крепнет и получает институциональное оформление волонтерское движение, развивается социальное предпринимательство, постепенно растет количество низовых гражданских инициатив, проектов активных граждан в сельской местности, культурного развития и благоустройства городской среды. НКО активно включают программы социального партнерства и оказания социальных услуг населению, проводят общественную экспертизу законопроектов, участвуют в общественном контроле за их реализацией. Растет профессионализм и организационная эффективность неком-

мерческих организаций: они стали более стабильно функционирующими, экономически более обеспеченными. Активно обсуждается участие НКО в реализации приоритетных национальных проектов, внедрение в деятельность НКО инновационных социальных технологий. Согласно мониторингам НИУ ВШЭ (2009–2018), выросли, и довольно значительно, уровни доверия населения к НКО (с 36% до 59%), участвующему в деятельности НКО населению (с 18% до 29%) (Ильин, 2017; Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, 2018; Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в России, 2019). В целом нужно признать, что у некоммерческого сектора появилось множество новых закрепленных в законодательстве возможностей участия как в разработке, так и претворении в жизнь мер и решений в области социальной политики.

Между тем экспертами отмечается, что состояние гражданского общества определяется не только количественными показателями его развития. Не в меньшей степени значимы социальные вопросы, на которые направлено внимание общества, участие общественности в поиске ответов на главные вызовы, стоящие перед страной. Большинство социологических исследований, проводимых как центрами национального уровня (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.), так и региональными социологическими центрами (нашими собственными исследованиями в том числе), показывают, что население по-прежнему озабочено проблемами уровня и качества жизни, социальной справедливости, преодоления социального и экономического неравенства, коррупции во всех эшелонах власти, однако эти проблемы, затрагивающие вопросы эффективности политического курса, государственного управления, являются для гражданского общества практически закрытыми, в лучшем случае доступно только такое их решение, как борьба с негативными последствиями.

Следует указать и еще на одну немаловажную типично российскую проблему взаимодействия между гражданским обществом и органами власти — это взаимодействие с органами местного самоуправления. В отличие от многих западных стран, где гражданская активность проявляется прежде всего на локальном уровне и затрагивает проблемы местного сообщества, результаты социологических исследований, проводимых в российских муниципальных образованиях, демонстрируют противоречия между политико-правовыми механизмами и реальным гражданским участием на уровне муниципалитетов.

В идеале местное самоуправление должно являться реальным инструментом реализации интересов населения, решения вопросов по удовлетворению разнообразных — бытовых, культурных, медицинских, образовательных и других потребностей, учитывающим культурную и этническую специфику населения, проживающего на одной территории. Это своеобразный «мост между государством и гражданским обществом», обеспечивающий адаптацию и успешное взаимодействие между ними (Уваров, 2008), который координирует интересы различных групп населения муниципального образования, выступает политическим центром, обеспечивающим достижение гражданского согласия (Тимофеев, 2005). Между тем проведенные в данной области исследования показывают, что инсти-

тут местного самоуправления, народной инициативы в России остается одним из наименее развитых, практика его реализации практически отсутствует, население является лишь потенциальным субъектом местного самоуправления, практикуя лишь некоторые форматы подобного гражданского участия, что отчасти объясняется общими проблемами гражданской культуры и национального менталитета, сформировавшегося за долгое время имперских и авторитарных режимов, «приучивших» население к принятию «готовых», спущенных сверху решений своих проблем. С другой стороны, эксперты обнаруживают готовность населения принимать участие в решении вопросов местного значения, что свидетельствует о нереализованном потенциале низовой гражданской активности, необходимости ее активизации, в том числе информационными, стимулирующими методами (Зуденкова, 2014; Трофимова, 2015). Таким образом, вопросы о том, куда, какими путями развивается гражданское общество, какие факторы определяют его качественные и количественные характеристики, от чего зависит уровень вовлеченности населения в деятельность НКО и каковы структурные барьеры, препятствующие качественному прорыву в некоммерческом секторе, являются не только сугубо научными, они вплетены в социальную практику. Ответам на эти вопросы, по крайней мере частично, посвящены результаты исследования, представленные в данной статье.

Методология исследования

В фокусе нашего исследовательского интереса находились изменения, происходящие в последнее пятилетие в сознании и поведении людей, функционировании государственных институтов, взаимодействиях между общественными организациями, органами власти и бизнес-структурами, а информантами стали руководители некоммерческих организаций в трех сибирских регионах — Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай (всего было опрошено 180 экспертов, в том числе в Алтайском крае — 74, в Новосибирской области — 58, в Республике Алтай — 48). По замыслу исследователей содержание и направленность этих изменений свидетельствовали о степени сформированности гражданского общества, его силе и слабости, наличии возможностей для его развития, осуществления эффективной деятельности по решению общественных проблем — или барьеров, препятствий, тормозящих данные процессы, провоцирующих конфликты.

Методически измерение представляло собой шкалирование по 15 показателям (характеристикам) гражданского общества, в том числе касающимся выраженности социальной активности населения (таблица 1). Каждый показатель оценивался с помощью динамической шкалы, градации которой указывали на наличие положительной динамики, изменений в лучшую сторону (1), отсутствие изменений (2) и отрицательную динамику, изменения в худшую сторону (3). Между тем вполне очевидно, что оценки экспертов и тех некоммерческих организаций, которые они представляли, в силу непосредственной включенности в оцениваемые процессы являлись субъективными и сами формировались под влиянием позитивного или негативного опыта и личности руководителя (или другого представительного лица),

и эта субъективность и факторы, которые определяли оценки экспертов, также представляли большой исследовательский интерес, позволяли понять, почему одни НКО давали именно такую оценку, в какой точке эти оценки пересекались и по каким критериям расходились в большей степени.

Таблица 1

Показатели состояния и уровня развития гражданского общества
в сибирских регионах

Код вопроса	Показатель
Q38_1	Высокий уровень социальной активности населения
Q38_2	Граждане осуществляют пожертвования на деятельность НКО
Q38_3	Население активно участвует в деятельности НКО
Q38_4	Свободные, плюралистичные и ответственные СМИ объективно освещают проблемы общества
Q38_5	Налажена поддержка гражданских инициатив
Q38_6	Отечественный бизнес социально ответственен
Q38_7	Законодательная власть принимает законы, защищающие права и интересы населения
Q38_8	Местное самоуправление — власть, имеющая полномочия и средства их осуществления
Q38_9	Полномочия между федеральным центром и регионами рационально разграничены
Q38_10	Партии — реальный инструмент формирования власти и лоббирования общественных интересов
Q38_11	Некоммерческий сектор качественно развит
Q38_12	НКО реально предоставляют социальные услуги населению
Q38_13	НКО активно проводят общественную экспертизу
Q38_14	Оценка деятельности органов власти с учетом общественного мнения проводится эффективно
Q38_15	Диалог государства и общества при принятии значимых решений ведется эффективно и публично

С результатами шкалирования было проведено математико-статистическое моделирование. Помимо основных оценок были учтены дополнительные параметры, такие как длительность функционирования некоммерческой организации, основные направления деятельности, наличие и качественный характер трудностей, с которыми сталкивалась организация, опыт и формы взаимодействия НКО с органами власти различного уровня, в особенности получения ими государственной поддержки для реализации деятельности организации, удовлетворенность от взаимодействия с властью и другими некоммерческими организациями. Предварительный анализ включал поиск и интерпретацию отдельных взаимосвязей, струк-

турирование множественных переменных, используемых для получения ответов на отдельные вопросы, в меньшее количество интегральных показателей (индексов, факторов). Далее выявленные статистические взаимосвязи были включены в общую модель, позволившую описать общую картину взаимодействия, взаимовлияния и взаимообусловленности между отдельными характеристиками гражданского общества в сибирских регионах.

Основные результаты исследования

Прежде всего отметим, что результаты экспертных опросов в трех сибирских регионах были в значительной степени гомогенными, несмотря на то что сами регионы значительно отличались друг от друга по параметрам социально-экономического развития и качеству некоммерческого сектора, траекториям развития гражданского общества (подробный статистический анализ в региональном разрезе см.: Максимова, Омельченко, Ноянзина, Суртаева, 2019).

Эксперты отмечали позитивные изменения в предоставлении НКО социальных услуг населению (54,8% положительных оценок), поддержке гражданских инициатив (51,0%), а также указывали на повышение уровня социальной активности населения (45,5%). Между тем стоит отметить, что по 11 из 15 показателей большинство (более 50%) экспертов указали на отсутствие значимых изменений. В частности 67,2% экспертов отмечали, что полномочия между федеральным центром и регионами по-прежнему далеки от рационального разграничения, 63,7% — что не происходит значительных изменений в эффективности оценки деятельности органов власти с учетом общественного мнения. Более 60% руководителей НКО, принявших участие в экспертных опросах, указали на то, что доля граждан, осуществляющих пожертвования на деятельность НКО, практически не меняется, что не наблюдают существенных сдвигов в улучшении российского законодательства в сторону защиты прав и интересов населения, в функционировании партийной системы и расширении полномочий органов местного самоуправления. По этим же показателям более пятой части экспертов дали оценки, свидетельствующие не только о застое, но и о негативной динамике, что в целом указывало на достаточно высокий уровень неудовлетворенности регионального некоммерческого сектора складывающимися отношениями между НКО и различными ветвями власти.

Корреляционный анализ по 15 показателям¹ выявил наличие нескольких констелляций переменных, в наибольшей степени взаимосвязанных друг с другом ($r > 0,7$, $p < 0,05$), которые могли бы являться некоторыми обобщенными переменными, используемыми для описания процессов, происходящих в гражданском обществе сибирских регионов. Требовалось более глубоко изучить структуру и содержание данных взаимосвязей, что было сделано на основе кластерного и факторного анализа.

¹ Поскольку в ходе предварительного сравнительного анализа оценок по отдельным показателям различий в региональном разрезе статистически достоверных различий выявлено не было (χ^2 , $p \geq 0,05$), то данные были сведены в единый массив, что позволило за счет большего размера выборки провести более качественные измерения и описать ситуацию в целом по всем трем регионам.

Обращаясь к процедурам кластеризации и факторизации, нам было нужно определить количество значимых факторов (кластеров), поскольку от этого зависело их содержание и, следовательно, интерпретация в рамках решения задач исследования. В своих действиях мы руководствовались общепринятыми в научной литературе стратегиями и рекомендациями, отраженными в наиболее используемых критериях оценки (Hayton, Allen, Scarpello 2004; Costello, Osborne, 2005). На основе параллельного анализа и показателей VSS (Very Simple Structure — наиболее простой структуры), MAP (Wayne Velicer's Minimum Average Partial), RMSEA, BIC и SRMR было принято решение оставить для интерпретации четыре фактора, которые были сопоставлены с четырьмя кластерами, полученными в ходе иерархического кластерного анализа. Результаты факторного и кластерного анализов практически совпадали, что свидетельствовало о значимости выявленных взаимосвязей, их объективного и достоверного характера, фиксируемого различными методами. Выделенные факторы имели следующую информативность: 21%, 21%, 13% и 12%, общая доля дисперсии, объясненной факторами, составила 67%.

Первый фактор описывал показатели эффективности партий и законодательной власти, наличия у местного самоуправления полномочий и возможностей для развития муниципалитетов и решения социальных проблем, рационального разграничения полномочий между центром и регионами, эффективности и публичности диалога между государствами и обществом при принятии решений. В целом это был фактор/кластер функциональности государственных институтов, эффективности выполнения ими основных задач по управлению государством на различных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), взаимодействию с общественными объединениями.

Ко второму фактору/кластеру были отнесены переменные, описывающие уровень социальной активности населения, участия населения в деятельности НКО, в том числе путем внесения пожертвований, развития некоммерческого сектора. Этот фактор можно условно назвать фактором «зрелости гражданского общества» в регионе.

Еще одну значимую группу переменных, подтвержденную по результатам обоих видов анализа, составили показатели свободы и объективности СМИ, поддержки гражданских инициатив и социальной ответственности бизнеса. Несмотря на свою разноплановость, все они характеризовали регионы с позиций реализации прав и свобод, выполнения гражданских (в том числе корпоративных) обязанностей перед обществом, т.е. имели прямое отношение к демократии и ее проявлениям.

В отношении последней группы результаты факторного и кластерного анализа расходились. В обоих случаях ключевой переменной являлась Q38_13 — «НКО активно проводят общественную экспертизу», однако в кластерном анализе она объединялась с переменной Q38_12 — «НКО реально предоставляют социальные услуги населению», а в факторном анализе — с переменной Q38_14 «Оценка деятельности органов власти с учетом общественного мнения проводится эффективно». Мы сочли результаты факторного анализа более последовательными и по-

нятно интерпретируемыми, и данный фактор получил название «общественный контроль».

Проекция переменных на оси факторов и индивидуальные оценки (рисунок 1) позволяют увидеть, что оценки экспертов были весьма различны и значительная их часть располагается в зонах отрицательных значений по всем факторам (положительные значения по фактору соответствовали положительной динамике, нулевые — отсутствию изменений, а отрицательные — негативным изменениям), что свидетельствовало о большом количестве представителей некоммерческих организаций, не удовлетворенных сложившейся ситуацией с состоянием институциональных условий и гражданского общества в целом.

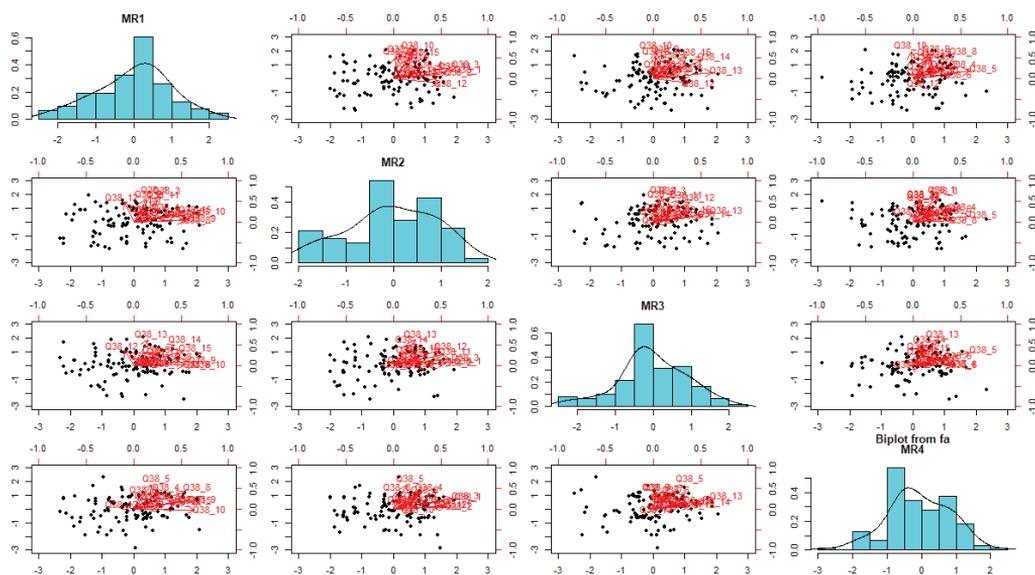

Рисунок 1 — Распределение индивидуальных оценок в пространстве ключевых факторов/кластеров.

Хотя по индивидуальным показателям различий по регионам выявлено не было, сравнение значений по отдельным факторам показало, что региональные НКО по-разному оценивают качество и динамику общественного контроля над действиями властей на своих территориях: в большей степени удовлетворены изменениями в данной области руководители НКО в Алтайском крае (среднее значение 0,21), меньше всего — в Республике Алтай (среднее значение 0,35), в Новосибирской области оценки занимали промежуточное положение (среднее значение 0,06) (F, однофакторный дисперсионный анализ, $p < 0,05$). Общий характер оценок свидетельствовал о преобладании мнения об отсутствии значимых изменений, что указывало скорее на застой, чем позитивную стабильность государственно-общественных взаимоотношений в регионах исследования.

Анализ показал, что осуществление организацией определенных направлений деятельности было взаимосвязано с оценками по отдельным факторам. Так,

некоммерческие организации, оказывающие услуги образования, дополнительного образования и просвещения, как правило, отмечали негативные результаты деятельности органов государственной власти — как на законодательном уровне, так и на исполнительном, а также на уровне местного самоуправления (t критерий, $p = 0,03$). Организации, оказывающие услуги в сфере науки, культуры, искусства, выше оценивали положительную динамику развития институтов общественного контроля и проведения общественных экспертиз, чем организации, реализующие другие направления (t критерий, $p = 0,009$). Правозащитные организации давали значимо более негативную оценку по показателям развития некоммерческого сектора и социальной активности населения (t критерий, $p = 0,01$). Таким образом, характер деятельности, которой занималась организация, оказывал значимое воздействие на восприятие динамики социальных процессов, происходящих в региональном социуме.

Какие трудности испытывают НКО в ходе осуществления своей деятельности и каким образом эти трудности обуславливают восприятие ситуации в некоммерческом секторе? Обширный список, включенный в инструментарий, включал финансовые трудности, сложности с привлечением сотрудников и добровольцев, проблемы с нехваткой знаний и умений у сотрудников организации, отсутствие понимания, поддержки со стороны региональных или местных властей, отсутствие поддержки со стороны возможных спонсоров, бизнес-структур, отсутствие помещения для предоставления услуг, отсутствие интереса со стороны целевой аудитории организации, низкий уровень активности, недостаток энтузиазма сотрудников, недостаток информационных материалов, необходимых для работы, трудности, связанные с несовершенством российского законодательства и конкуренцией внутри сектора НКО, а также с органами государственной власти или органами местного самоуправления, давлением со стороны контролирующих инстанций. Отдельная альтернатива маркировала отсутствие трудностей. Предстояло выяснить, какие трудности являлись наиболее распространенными и сочетались друг с другом, что позволило бы использовать комплексные переменные в качестве независимых факторов.

Как и на предыдущем этапе, мы исследовали парные корреляции между переменными (поскольку это были дихотомии, мы рассчитывали тетракорические корреляции с помощью функции библиотеки «polycor» в среде R). Их анализ показал, что между трудностями не было сильных взаимосвязей, наиболее значимые корреляции наблюдались между переменными «Отсутствие понимания, поддержки со стороны региональных властей» и «Отсутствие понимания, поддержки со стороны местных властей» (0,79), другие взаимосвязи по силе не превышали 0,5 (по модулю). Во избежание статистического «шума» мы исключили из последующего анализа переменные, которые не имели значимых корреляций с другими ($< 0,3$) и подвергли редуцированный набор переменных факторному анализу. В результате было выделено четыре фактора, описывающих 19%, 16%, 14% и 10% дисперсии переменных. Первый фактор (LowSupport) составили переменные, идентифицирующие трудности с получением поддержки от местных и региональных властей.

Второй фактор (FinDiffc) был биполярным, его положительный полюс определялся финансовыми трудностями, а отрицательный — отсутствием проблем. Третий фактор (OrgDiffc) репрезентировал организационные трудности, связанные с нехваткой знаний и умений у сотрудников, недостаточным количеством информационных материалов для работы. Смысл четвертого фактора (LawPressure) описывался через несовершенства российского законодательства и давление со стороны контролирующих инстанций (таблица 2).

Таблица 2

Результаты факторного анализа трудностей, с которыми сталкивается организация (указаны переменные с максимальными нагрузками)

Код	Трудность	F1	F2	F3	F4
Q5_2	Недостаток финансовых средств		0,99		
Q5_3	Нехватка знаний и умений у сотрудников организации			0,98	
Q5_4	Отсутствие понимания, поддержки со стороны региональных властей	0,99			
Q5_5	Отсутствие понимания, поддержки со стороны местных властей	0,71			
Q5_10	Недостаток информационных материалов, необходимых для работы			0,35	
Q5_11	Несовершенство российского законодательства				0,64
Q5_13	Давление со стороны контролирующих инстанций				0,54
Q5_15	Нет трудностей		-0,52		

Корреляционный анализ основных факторов, показывающих динамические характеристики институциональных условий, состояния и уровня развития гражданского общества, и факторов, обобщающих трудности, которые испытывали НКО, показал, что наибольшая отрицательная взаимосвязь наблюдалась между трудностями с получением поддержки от властей и оценкой эффективности государственных институтов (-0,2) (что логично и вполне объяснимо), и этими же трудностями и оценками эффективности общественного контроля за действиями власти (-0,26). Похожая взаимосвязь наблюдалась между финансовыми трудностями и оценками эффективности деятельности властей (-0,19). Получался интересный замкнутый «квадрат»: НКО плохо контролируют власти — власти работают неэффективно — у НКО трудности с получением государственной поддержки, а поскольку государственная поддержка является основной, то в целом — финансовые трудности. Еще одна значимая взаимосвязь выявлена между воспринимаемым давлением со стороны законодательства и контролирующих инстанций и оценкой развития гражданского общества (-0,2). Поскольку связь была обратная, это можно проинтерпретировать следующим образом: чем большее давление испытыва-

ли НКО, тем пессимистичнее были их оценки относительно того, как развивается гражданское общество в регионе, и напротив, чем меньше ощущаемый «пресс», тем более благосклонны оценки экспертов.

Несмотря на то, что часть «трудностей» не попала в факторный анализ, мы провели отдельные сравнения исключенных переменных с ключевыми факторами. В результате было выявлено, что отмечаемые экспертом сложности с привлечением сотрудников и добровольцев (25,3% НКО указали на их наличие), отсутствие поддержки со стороны возможных спонсоров, бизнес-структур (31,9%), а также ощущаемая конкуренция внутри сектора НКО (7,0%) ассоциировались с более низкими оценками по фактору развития гражданского общества в регионе, в то время как другие трудности, такие как отсутствие помещения для предоставления услуг или недостаточный интерес к деятельности организации со стороны целевой аудитории, недостаток энтузиазма сотрудников, конкуренция с органами государственной власти или местного самоуправления, не имели значения при оценке динамических характеристик.

Следующая группа факторов, которые могли определять оценки экспертов относительно динамики институциональных условий и развития некоммерческого сектора, была связана со опытом и формами взаимодействия с органами власти. В особенности нас интересовало то, каким образом наличие и различные форматы данных взаимодействий влияют на оценки общей эффективности государственных институтов, а также на оценки общественного контроля действий властей (первый и третий факторы).

В результате факторизации 15 альтернатив, характеризующих взаимодействие НКО с органами власти, было выделено три основных измерения (информативность факторов: 33%, 25%, 25%, индекс факторной надежности Такера-Льюиса = 0,97, RMSEA=0,03) (таблица 3).

Первое измерение охватывало такие форматы взаимодействия, как участие в экспертизе нормативно-правовых актов и участие в публичных слушаниях, а также в работе общественных советов и палат, в формировании тематики конкурсов государственного заказа, в программах по повышению квалификации госслужащих, заключении соглашений и договоров, что в целом можно охарактеризовать как участие в принятии значимых решений, принимаемых органами власти по социальным вопросам (DecisionMaking).

Второе измерение касалось сотрудничества НКО с органами власти в формате совместных мероприятий и информационного обмена, реализации социально значимых общественных проектов и программ, отрицательным полюсом данного фактора являлось отсутствие взаимодействия (т.е. именно по данным формам взаимодействие являлось определяющим) (CommonProjects). Третье измерение включало разнообразные формы поддержки, оказываемой социально ориентированным некоммерческим организациям (как по содержанию деятельности, так и имеющих формальный статус СО НКО), — финансовую, информационную, организационную, имущественную и иные (Support).

Корреляционный анализ выделенных измерений взаимодействия с четырьмя ключевыми факторами институциональных условий и гражданского общества

показал, что наличие общих совместных проектов с органами власти значимо, хотя и не очень сильно, взаимосвязано с оценками проявлений демократических свобод (свободы и объективности СМИ, социальной ответственности бизнеса, поддержки гражданских инициатив) ($r = 0,3$, $p < 0,05$), тогда как институциональная помощь ассоциировалось с позитивными оценками результатов контроля над действиями и решениями государства со стороны гражданского общества ($r = 0,19$, $p < 0,05$). Иными словами, чем больше ресурсов получал некоммерческий сектор от власти, тем большим было ощущение вовлеченности в процесс принятия решений на государственном уровне и тем чаще общественно-государственные отношения воспринимались и конструировались в формате диалога. Еще две взаимосвязи были значимы только на уровне тенденции: проведение совместных мероприятий соотносилось с более высокими оценками повышения эффективности деятельности органов власти, тогда как отсутствие такого взаимодействия приводило к более низкой оценке качества таких изменений (рисунок 2 слева).

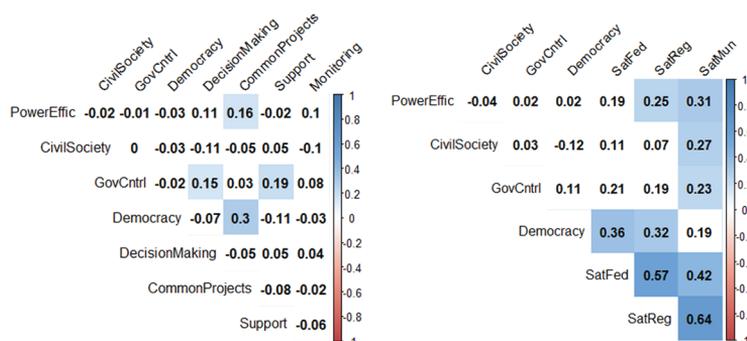

Рисунок 2 — Взаимосвязь ключевых факторов с измерениями взаимодействий с органами власти (слева) и удовлетворенностью взаимодействиями с органами власти разного уровня — федерального (SatFed), регионального (SatReg) и муниципального (SatMun) (справа).

Нам важно было учитывать не только наличие каких-либо форм сотрудничества, но и удовлетворенность его результатами, что было сделано в ходе анализа взаимосвязи ключевых факторов с показателями удовлетворенности НКО от взаимодействия с органами власти федерального, регионального и муниципального уровня (рисунок 2 справа). Анализ показал, что удовлетворение взаимодействием с органами власти на федеральном и региональном уровне значимо взаимосвязано с положительными оценками изменений в отношении свободы слова, социальной ответственности бизнеса и поддержки гражданских инициатив (Democracy), а также с оценками эффективности государственных институтов (PowerEffic), тогда как удовлетворенность взаимодействием на муниципальном уровне способствует положительной направленности оценок динамических характеристик по трем факторам из четырех (кроме демократических проявлений). На наш взгляд, это очень

важные результаты, свидетельствующие о том, что общая ситуация с реализацией фундаментальных прав и свобод определяется общим политическим курсом руководства государства, что нашло отражение во взаимосвязи между реализацией демократических принципов и удовлетворенностью субъектов гражданского общества от взаимодействий с федеральными властями, тогда как повседневная деятельность НКО на местах в значительной степени определяется тем, насколько успешно удалось наладить взаимодействие с руководством на местах, на муниципальном уровне управления региональной системой.

Таблица 3

Результаты факторного анализа форм взаимодействия НКО с органами власти (показаны факторные нагрузки > 0,4)

Формы взаимодействия с властью	F1	F2	F3	F4
Совместные мероприятия и информационный обмен		0,76		
Участие в мероприятиях, проводимых органами власти		0,50		
Совместная реализация социально значимых общественных проектов и программ		0,45		
Участие в работе общественных советов, палат и т.д.	0,45			
Финансовая поддержка НКО со стороны органов власти			0,57	
Участие в разработке или экспертизе нормативных правовых актов	0,77			
Информационная поддержка НКО со стороны органов власти			0,47	
Участие в публичных слушаниях	0,57			
Заключение соглашений и договоров	0,45		0,41	
Организационная, правовая поддержка НКО со стороны органов власти			0,57	
Имущественная поддержка НКО со стороны органов власти			0,43	
Участие в формировании тематики конкурсов государственного заказа	0,49			
Участие в программах по повышению квалификации госслужащих	0,41			
Мониторинг состояния гражданского общества				0,93
Нет взаимодействия		-0,43		

Сплоченность, способность к конструктивному диалогу и сотрудничеству отличает зрелое гражданское общество от нестабильного и формирующегося. Вос-

приятие гражданского общества изнутри формируется не только на основе оценки собственной деятельности организации, но и на основе оценки деятельности других НКО, которая формируется исходя из особенностей взаимодействия с ними как с партнерами и конкурентами. Мы использовали показатель удовлетворенности взаимодействиями с другими некоммерческими организациями в качестве возможного фактора, определяющего экспертные оценки. Было выявлено, что удовлетворенность (использовались три основные градации — «чаще удовлетворен», «когда как, иногда удовлетворен, иногда нет» и «чаще не удовлетворен») положительно коррелировала с динамическими оценками развитости гражданского общества ($r = 0,24$, $p < 0,04$) и оценками эффективности осуществления общественного контроля над действиями властей, проведения общественной экспертизы ($r = 0,26$, $p < 0,04$).

Все выявленные значимые взаимосвязи и различия легли в основу обобщенной модели. Основные гипотезы, которые тестировались в рамках модели, касались проверки валидности факторной структуры в рамках конфирматорного анализа; проверки взаимосвязей оценок состояния и перспектив развития гражданского общества и особенностей восприятия других сторон общественной и политической жизни.

Качество полученной модели было достаточно высоким согласно наиболее важным критериям согласия и соответствия (χ^2 , $p=0,112$, $RMSEA=0,035$, $CFI=0,977$, $TLI=0,992$).

Задачей моделирования было увязать все взаимосвязи в единую схему, подтвердить их значимость в условиях взаимовлияния факторов и предикторов друг на друга.

В результате подтвердилось значимое воздействие на оценки динамики развития гражданского общества со стороны факторов эффективности общественного контроля ($\beta = 0,31$, $p < 0,001$) и реализации демократических прав и ответственности ($\beta = 0,25$, $p < 0,001$), выраженность которых способствовала оптимистическому видению перспектив развития гражданского общества. Трудности организации, связанные с повышенной конкуренцией в некоммерческом секторе, и принадлежность к категории правозащитных организаций, напротив, являлись факторами, ассоциирующимися с оценками негативных изменений ($\beta = -0,59$, $p = 0,04$, $\beta = -0,91$, $p = 0,03$).

В отношении фактора оценки эффективности деятельности органов подтвердилась только взаимосвязь с направленностью деятельности организации (оказание услуг образования, дополнительного образования и просвещения). Организации, работающие в данной сфере, чаще давали негативные динамические оценки деятельности органов власти разного уровня (достоверность только на уровне тенденции; $\beta = -0,50$, $p = 0,07$).

Согласно полученным структурным уравнениям, оценки эффективности общественного контроля и экспертизы, проводимых НКО, зависели от их участия совместно с органами власти в принятии значимых управленческих решений (на уровне тенденции; $\beta = 0,27$, $p = 0,07$), удовлетворенности от взаимодействия с органами

местного самоуправления (максимальная важность, $\beta = 0,98$, $p < 0,001$) и другими некоммерческими организациями (на уровне тенденции, $\beta = 0,79$, $p = 0,07$).

Оценка уровня демократичности региональных социумов на основе показателей свободы и объективности информации в СМИ, социальной ответственности бизнеса и поддержки социальных инициатив значимо зависела только от фактора удовлетворенности взаимодействием с федеральными властями ($\beta = 0,66$, $p = 0,01$). Все корреляционные взаимосвязи, включенные в модель, также подтвердили свою значимость, кроме взаимосвязи между оценками эффективности некоммерческого сектора (CivilSociety) и деятельности региональных систем управления (PowerEffic), которая была значима только на уровне тенденции и свидетельствовала о том, что некоммерческий сектор и органы власти воспринимались экспертами дифференцированно (рисунок 3).

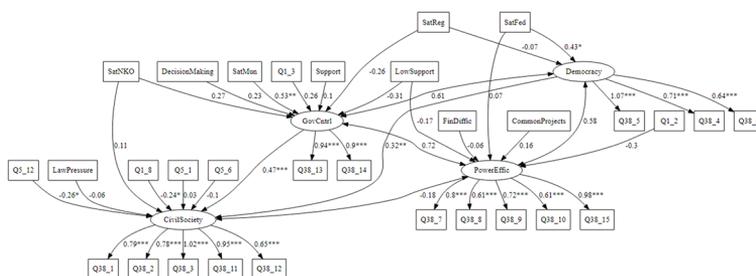

Рисунок 3 — Структурная модель взаимосвязей между интегральными показателями гражданского общества и факторами, определяющими их динамические оценки.

Заключение

Проведенное моделирование позволило выделить латентные конструкты (измерения), определяющие оценки экспертного сообщества относительно динамических характеристик институциональных условий и состояния гражданского общества. К числу таких измерений были отнесены: оценки общей эффективности некоммерческого сектора и гражданского общества, в том числе качества социальных услуг, оказываемых населению, вовлеченности населения в деятельность общественных организаций и их социальной активности; оценки качества функционирования систем государственного управления, измеряемого на основе рационального распределения функций, полномочий и обязанностей между федеральным центром и регионами, регионами и муниципалитетами, наличия у последних реальных возможностей для решения проблем на местах, наличия сильной законодательной власти, защищающей интересы жителей региона; оценки эффективности системы общественного контроля над деятельностью властей и оценки общих демократических тенденций.

Наше исследование показало, что чем более комфортно чувствует себя некоммерческая организация в своем профессиональном поле, чем более успешны реализуемые ею проекты, чем выше уверенность в том, что общество способно

принимать решения и контролировать управленческие процессы, тем выше оценки состояния регионального гражданского общества. Особую роль при этом играет взаимодействие с местными властями, формирующими основу для дальнейшего сотрудничества с властями другого уровня и населением данного поселения, а также эффективность собственной деятельности. Высокая конкуренция с другими НКО и осуществление специфических услуг (таких, как правозащитная или просвещенческая деятельность) выступают значимыми факторами пессимистического восприятия ситуации. Наличие финансовых трудностей и организационных проблем, сложности с получением государственной поддержки хоть и являются значимыми при оценке отдельных показателей, в общей системе теряют свое значение по сравнению с общими тенденциями синхронного оценивания эффективности взаимодействия с федеральными властями и развития демократических процессов, которые, наряду с функциями по общественному контролю, являются определяющими.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Голенкова З.Т. Гражданское общество в России. Социологические исследования, 1997, No. 3, 25–36.

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2018. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/Doklad_OPRF_2018.pdf (дата обращения: 1.06.2020).

Зуденкова С.А. Состояние социально-гражданских позиций населения как фактор взаимодействия с органами муниципальной власти. Вестник университета, 2014, No. 16, 116–119.

Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных». Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2017, 4 (52), 9–40.

Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в России, 2019, 1(16). Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора: 10 лет на передовых рубежах науки о гражданском обществе. URL: https://grans.hse.ru/data/2019/09/08/1537476714/Bulleten%2016_small.pdf (дата обращения: 1.06.2020).

Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы. Социологические исследования, 2012, No. 2, 63–73.

Ланг С., Хэртель А., Бюрш М. Гражданское общество и гражданская активность в России. Фонд Фридриха Эберта, 2010.

Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном сибирском регионе. *Society and Security Insights*, 2019, 2 (3), 13–50. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)3-6360](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)3-6360)

Петухов В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян. *Общественные науки и современность*, 2002, No. 6, 59–65.

Римский В.Л. Политическая и общественная активность российских граждан. *Общественные науки и современность*, 2007, No. 5, 60–68.

Тимофеев Н.С. Государство, местное самоуправление и гражданское общество: аспекты и пределы взаимодействия. *Конституционное и муниципальное право*, 2005, No. 9, 2–9.

Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации. *Социологические исследования*, 2015, No. 4, 72–77.

Уваров А.А. Местное самоуправление и гражданское общество. *Конституционное и муниципальное право*, 2008, No. 15, 6–9.

Хабермас Ю. Политические функции публичной сферы. В кн: *Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества*. М.: Весь мир, 2016. С. 112–137.

Boehnke K., Rippl S., Fuss D. Sustainable civil-society engagement: Potentials of a transnational civil society in French-German, Polish-German, and Czech-German border regions. *Sustainability*, 2015, 7 (4), 4078–4099.

Costello A. B., Osborne J. Best practices in exploratory factor analysis: Four recommendations for getting the most from your analysis. *Practical assessment, research, and evaluation*, 2005, 10 (1), 1–9.

Hayton J. C., Allen D. G., Scarpello V. Factor retention decisions in exploratory factor analysis: A tutorial on parallel analysis. *Organizational research methods*, 2004, 7 (2), 191–205.

Whaites A. Let's get civil society straight: NGOs and political theory. *Development in Practice*, 1996, 6 (3), 240–249.

Zaleski P. Global non-governmental administrative system: geosociology of the third sector. In: Gawin D., Glinski P. (Eds). *Civil Society in the Making*. Warsaw: IFiS Publishers, 2006.

REFERENCES

Golenkova, Z.T. (1997). *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii* [Civil society in Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 3, 25–36.

Doklad o sostojanii grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii za 2018 god (2018). [Annual report on the state of civil society in the Russian Federation]. Moscow: The Civic Chamber of the Russian Federation. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/Doklad_OPRF_2018.pdf (accessed 1 June 2020).

Zudenkova, S.A. (2014). Sostoyanie social'no-grazhdanskih pozicij naseleniya kak faktor vzaimodejstviya s organami municipal'noj vlasti [The status of social and civil positions of the population as a factor in the interaction with municipal authority]. *Vestnik universi-*

teta [University Bulletin], no. 16, 116–119.

I'in, V.A. (2017). Razvitie grazhdanskogo obshhestva v Rossii v usloviyah «kapitalizma dlja izbrannyh» [Development of civil society in Russia in conditions of «capitalism for the few»]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 4 (52), 9–40.

Informacionno-analiticheskij bjulleten' o razvitii grazhdanskogo obshhestva i nekommercheskogo sektora v Rossii, 1(16), ijul' 2019 [Informational and analytical bulletin on the development of civil society and third sector in Russia]. Centr issledovanij grazhdanskogo obshhestva i nekommercheskogo sektora: 10 let na peredovyh rubezhah nauki o grazhdanskom obshhestve [The Center for Studies of Civil Society and the Non-Profit Sector]. URL: https://grans.hse.ru/data/2019/09/08/1537476714/Bulleten%2016_small.pdf (accessed 1 June 2020).

Kirdina, S.G. (2012). Grazhdanskoe obshchestvo: uhod ot ideologemy [Civil society: escape from ideologeme]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 2, 63–73.

Lang, S., Hjertel', A., & Bjursh, M. (2010). *Grazhdanskoe obshchestvo i grazhdanskaya aktivnost' v Rossii* [Civil society and civic activity in Russia]. Friedrich Ebert Foundation.

Maximova, S.G., Omelchenko, D.A., Noyanzina, O.E., Surtaeva, O.V. (2019). Grazhdanskije praktiki i bazovye modeli uchastiya naseleniya v obshchestvennoj zhizni v sovremenom sibirskom regione [Citizenship practices and basic models of participation in public life in contemporary Siberian region]. *Society and Security Insights*, 2 (3), 13–50. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)3-6360](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)3-6360)

Petuhov, V.V. (2002). Politicheskaya aktivnost' i grazhdanskaya samoorganizaciya rossiyan [Political activity and civic self-organization of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], no. 6, 59–65.

Rimskij, V.L. (2007). Politicheskaja i obshhestvennaja aktivnost' rossijskih grazhdan [Political and public activity of the Russian citizens]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], no. 5, 60–68.

Timofeev, N.S. (2005). Gosudarstvo, mestnoe samoupravlenie i grazhdanskoe obshchestvo: aspekty i predely vzaimodejstviya [State, local government and civil society: aspects and limits of interaction]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], no. 9, 2–9.

Trofimova, I.N. (2015). Grazhdanskij aktivizm v sovremenom rossijskom obshhestve: osobennosti lokalizacii [Civic activism in contemporary Russian society: peculiarities of localization]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 4, 72–77.

Uvarov, A.A. (2008). Mestnoe samoupravlenie i grazhdanskoe obshchestvo [Local government and civil society]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], no. 15, 6–9.

Habermas, Yu. (2016). Politicheskie funkcii publichnoj sfery [Political functions of the public sphere]. In: *Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society] (pp. 112–137). Moscow: Ves' mir.

Boehnke, K., Rippl, S., & Fuss, D. (2015). Sustainable civil-society engagement: Potentials

of a transnational civil society in French-German, Polish-German, and Czech-German border regions. *Sustainability*, 7 (4), 4078–4099.

Costello, A. B., & Osborne, J. (2005). Best practices in exploratory factor analysis: Four recommendations for getting the most from your analysis. *Practical assessment, research, and evaluation*, 10 (1), 1–9.

Hayton, J. C., Allen, D.G., & Scarpello, V. (2004). Factor retention decisions in exploratory factor analysis: A tutorial on parallel analysis. *Organizational research methods*, 7 (2), 191–205.

Whaites, A. (1996). Let's get civil society straight: NGOs and political theory. *Development in Practice*, 6 (3), 240–249.

Zaleski, P. (2006). Global non-governmental administrative system: geosociology of the third sector. In: Gawin D., Glinski P. (Eds). *Civil Society in the Making*. Warsaw: IFiS Publishers.

УДК 327

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕЯ РОССИИ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.А. Ходаковский

 <http://orcid.org/0000-0003-1204-5129>

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
e-mail: khodakovsky@bk.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-02

Современные трансформации мирового сообщества приводят к обострению глобальных рисков и снижению значимости западной модели социально-политического развития, идеологическим обоснованием которой является либерализм, по-прежнему играющий важную роль в интеграционных процессах современности. Кризисные тенденции в глобальной экономике и политике обострились в связи с пандемией COVID-19 и обнажили неадекватность сложившихся в последнее время трактовок либерализма объективным требованиям глобальной безопасности. Снижению степени тотальной неопределенности послужит развитие цивилизационной идеи России, основанной на согласовании концептов свободы, ответственности и безопасности в условиях противоречивого взаимодействия внутренних и внешних рисков. Идеологема «Риска, Ответственности и Свободы» может способствовать также разработке новой модели мироустройства и разрешению глобальных проблем безопасности.

Ключевые слова: Россия, цивилизационная идея, глобальная безопасность, США, либерализм, риск, ответственность, свобода

THE CIVILIZATION IDEA OF RUSSIA AS A FACTOR OF GLOBAL SECURITY

E. A. Khodakovsky

 <http://orcid.org/0000-0003-1204-5129>

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
e-mail: khodakovsky@bk.ru*

Modern transformations of the world community lead to the increasing of the global risks and to the decreasing of the significance of the western model of socio-political development, the ideological basis of which is liberalism, which still plays an important role in the integration processes of our time. The crisis trends in the global economy and politics have worsened in connection with the COVID-19 pandemic and have exposed the inadequacy of the recently developed interpretations of liberalism to the objective requirements of global security.

The development of the civilization idea of Russia, based on the coordination of the concepts of freedom, responsibility and security in the conditions of contradictory interaction of internal and external risks, will serve to reduce the degree of total uncertainty. The ideologem of “Risk, Responsibility and Freedom” can also contribute to the development of a new model of the world order and to the resolution of global security problems.

Keywords: *Russia, civilization idea, global security, USA, liberalism, risk, responsibility, freedom*

Под влиянием ускоряющихся глобальных изменений современный мир становится все менее предсказуемым. Особенностью последних десятилетий является то, что в междоусобной борьбе за власть североамериканские элиты игнорируют интернациональные обязательства и международное право, что не только подвергает все возрастающим рискам мировое сообщество, но и подрывает статус самих США как сверхдержавы (Ходаковский, 2010: 24–25). Сбывается подготовленный еще в 2008 г. прогноз Национального разведывательного совета США: «...увеличится риск того, что традиционные западные альянсы ослабеют. Многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития. Продолжится наблюдаемый ныне беспрецедентный перенос относительного богатства и экономического влияния с Запада на Восток» (Global Trends 2025, 2008: iv).

Снижению привлекательности западной модели социально-политического развития в значительной мере способствовало уменьшение популярности либеральных идей, неадекватность их современных трактовок потребностям даже западных обществ в критических условиях. Назревавший в течение последнего десятилетия кризис либерализма, проявившийся, например, в отказе ведущих западных государств от политики мультикультурализма, обострился в мае-июле 2020 г. в связи с пандемией COVID-19, а также из-за межэтнических противоречий в США. Доведенная до абсурда под предлогом борьбы с расизмом либеральная идея равенства прав представителей меньшинств привела к параличу внутривнутриполитическую систему США.

В современных условиях альтернативой либерализму в идеологическом обосновании разрешения глобальных проблем современности может стать цивилизационная идея России, развивающаяся в русле тысячелетней традиции мировой значимости (Ходаковский, 2014).

Современная Россия является преемником в развитии идеалов и ценностей цивилизации, формирующейся в ходе противоречивого взаимодействия Запада и Востока. «На Востоке ее воспринимают „полпредом“ Запада, на Западе — носителем восточных начал. Эта неусыновленность России ни в одной из цивилизационных ниш делает ее существование рисковым, а историческую судьбу драматичной» (Панарин, 1999: 41).

Рисковый характер эволюции свойствен отечественной цивилизации на протяжении всей ее истории, что отражалось в различных формах выражения цивили-

зационной идеи, одной из которых является концепция «Москва — Третий Рим». В отличие от распространенных в наше время трактовок, эта идеологема в действительности не предвещала появление нового имперского центра, а предупреждала московскую власть о необходимости соответствовать своему предназначению (Ходаковский, 2010: 28).

«Третий Рим» — это не символ величия, а напоминание о колоссальной исторической *ответственности*. Россия призвана выполнить то, что не удалось Риму и Византии: воплотить идеал справедливого мироустройства. В истории не будет иной державы («Четвертого Рима»), способной выполнить эту миссию, поэтому, кроме Третьего Рима, эту задачу никому не решить. Таким образом в эпоху Московского царства было выражено взаимоотношение ответственности и риска в осуществлении миссии глобального значения.

Взаимосвязь риска и ответственности не утратила своей значимости и в наше время (наиболее яркими современными примерами ответственного риска являются принятие 18 марта 2014 г. Республики Крым в состав Российской Федерации, а также решение о начале 30 сентября 2015 г. военной операции России в Сирии), но требует переосмысления и выражения в обновленной форме, в том числе применительно к перспективным задачам глобального развития.

Современный этап эволюции России характеризуется уникальным сочетанием экономических, информационно-технологических и культурно-психологических рисков, которые в совокупности создают равновероятностные возможности как интенсивного развития, так и деградации нашей страны. При этом особую роль сыграют региональная сбалансированность внутреннего развития (европейская часть, Северный Кавказ, Сибирь, Дальний Восток), а также адекватное реагирование на изменение соотношения сил на мировой арене.

США, увлекшись устранением геополитических и геоэкономических конкурентов, рискуют лишиться своего основного союзника — ЕС и в то же время обеспечили сближение своих главных противников: Китая и России, которые в отдельности остаются уязвимыми для деструктивных воздействий глобального гегемона.

Китай — все усиливающийся экономический конкурент США — по-прежнему уступает американцам в военном потенциале. Спровоцировав региональный конфликт, например между КНР и КР (Тайванем), североамериканские стратеги могли бы без особых сложностей остановить рост влияния Китая на международной арене.

Россия — единственная страна, которая в состоянии уничтожить Соединенные Штаты, — остается уязвимой в финансово-экономической сфере. Но, добившись преимуществ в стратегических вооружениях, Российская Федерация в состоянии гарантировать военно-политическими средствами не только собственную безопасность, но и союзников. Таким образом, российско-китайский симбиоз остается неуязвимым для внешних сил. Поэтому усиливаются попытки Запада стимулировать внутренние деструктивные процессы в Китае и России.

Интенсивность деструктивных воздействий на Россию значительно возрастет накануне выборов в Государственную Думу в 2021 году и Президента Российской

Федерации в 2024-м. Современная ситуация усугубляется тем, что в развязанной США против России гибридной войне продолжается целенаправленная дефрагментация российского общества за счет обострения существующих и создания новых противоречий: идейно-политических, этнических, конфессиональных, экономических, культурных. Различные политические силы в качестве дестабилизирующих воздействий попытаются также использовать результаты распространения вируса COVID-19. Последующий за пандемией экономический кризис может перерасти (при активной поддержке извне) в кризис политический.

Необходимым условием предотвращения навязываемого сценария социально-политического хаоса является активное противодействие целенаправленным информационным атакам, спекулирующим на последствиях вынужденных ограничений прав и свобод граждан в ходе борьбы с пандемией. Использованию идеи *свободы* в качестве мотива различных акций неповиновения, раскола, отчуждения от власти следует противопоставить обоснование необходимости консолидации российского общества на основе согласования идей свободы, ответственности и безопасности.

Без ответственности свобода оборачивается произволом. Без приоритета безопасности в критических условиях абсолютизация свободы равнозначна самоубийству. Вне безопасности и ответственности свобода превращается в фикцию. При этом критически важным является нахождение баланса в соотношении свободы, ответственности и безопасности в социальной динамике общества, определяемой множеством изменчивых внутренних и внешних рисков. Поэтому идеи риска, ответственности и свободы в их согласованном единстве окажутся востребованными не только в нашей стране, но и в мировом сообществе в целом.

Цивилизационная идея «Риска, Ответственности и Свободы» может послужить основой разработки новой модели социального развития, что будет способствовать преодолению кризисных тенденций в России, а также решению глобальных проблем безопасности. «Россия — мир особый в географическом и культурном смысле, у нее своя историческая миссия — быть Европо-Азией, Восток-Западом, отнюдь не буфером между ними, а скорее глубоко синтезирующим, примиряющим началом...» (Менделеев, 1992: 95). Объединение народов, исповедующих все мировые религии, в отечественной истории представляет собой ценнейший пример интеграции, которая в будущем может стать основой созидательного единства всего человечества. Таким образом, внутренние проблемы России оказываются тесно связанными с глобальными проблемами безопасности, обостряющимися в условиях нарастания тотальной неопределенности.

В сложившихся условиях решающим для определения будущего российского государства и общества может оказаться результат деятельности незначительных по численному составу социальных групп и даже отдельных личностей: ученых, общественных деятелей, предпринимателей, результаты деятельности которых во взаимодействии обеспечат конструктивное решение разнообразных проблем современности. Создавая будущее в настоящем, мы творим наше настоящее будущее. «И ныне нам более чем когда-либо подобает верить в Россию, видеть ее духовную

силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее творческую идею» (Ильин, 2006: 1).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ильин И.А. О Русской идее. Im Werden Verlag, 2006. URL: https://imwerden.de/pdf/iljin_o_russkoj_idee.pdf (дата обращения: 29.07.2020).

Менделеев Д.И. К познанию России. Вестник высшей школы, 1992, 4 (9), 87–95.

Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.

Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.

Ходаковский Е.А. Геоцивилизационные основы единства пространства и времени. Пространство и Время, 2010, No. 2, 22–31.

Ходаковский Е.А. Значение и перспективы Европы и России в системе геоцивилизации. Пространство и Время, 2014, 5.1 (1). URL: 2227-9490e-aprovr_e-ast5-1-1.2014.11 (дата обращения: 24.07.2020).

Global Trends 2025: A Transformed World. NIC 2008-003. November 2008. URL: https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf (дата обращения: 28.07.2020).

REFERENCES

Il'in, I.A. (2006). O Russkoj idee [About the Russian idea]. *Im Werden Verlag*. Available at: https://imwerden.de/pdf/iljin_o_russkoj_idee.pdf (accessed 29 July 2020).

Mendeleev, D.I. (1992). K poznaniyu Rossii [To the Knowledge of Russia]. *Vestnik vysshej shkoly* [Herald of Higher School], 4 (9), 87–95.

Panarin, A. S. (1999). *Rossiya v ciklah mirovoj istorii* [Russia in World History Cycles]. Moscow: MGU.

Panarin, A. S. (2003). *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic Instability in the XXI Century]. Moscow: Algoritm.

Hodakovskij, E. A. (2010). Geocivilizacionnye osnovy edinstva prostranstva i vremeni [Geocivilization Foundations of the Unity of Space and Time]. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], no 2, 22–31.

Hodakovskij, E.A. (2014). Znachenie i perspektivy Evropy i Rossii v sisteme geocivilizacii [The Importance and Prospects of Europe and Russia in the Geocivilization System]. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 5.1 (1). Available at: http://2227-9490e-aprovr_e-ast5-1-1.2014.11 (accessed 24 July 2020).

Global Trends 2025: A Transformed World. NIC 2008-003. November 2008. Available at: https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf (accessed 24 July 2020).

УДК: 364.273

ADAPTATION AND SOCIALIZATION OF SOCIAL ORPHANS IN KYRGYZSTAN

R.B. Salmorbekova

 <https://orcid.org/0000-0002-7580-9694>

*Director of NGO «SOTSANTRO», Bishkek, Kyrgyz Republic,
e-mail: r.salmorbekova@mail.ru,*

K. Karimova

*Osh State University, Osh, Kyrgyz Republic,
e-mail: kunduz.karimova.70@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-03

The article presents analyses of the main causes of the increase in the number of social orphans in Kyrgyzstan. Based on the materials of a sociological research, conducted by the initiative of the Ministry of Social Development of the Kyrgyz Republic in 2016, it was revealed that 99.5% of social orphans live in orphanages. For a child who grew up without a family, the agents of socialization are: zhamaat (community), peers and educators of orphanages. Today, as never before, social orphans need in orphanages and boarding schools. Due to the lack of contacts with parents, many social orphans have an incorrect understanding of different social roles. The lack of such contacts leads to difficulties in socialization and adaptation in society. Besides, inmates of orphanages have changes in social relations, a weak self-confidence, a decrease in targeting, and etc.

Keywords: *adaptation, upbringing, maladjustment, social orphans, socialization, social institutions, family*

АДАПТАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИРОТ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Р.Б. Салморбекова

 <https://orcid.org/0000-0002-7580-9694>,

ОО «СОЦАНТРО», Бишкек, Кыргызская Республика,
e-mail: r.salmorbekova@mail.ru

К. Каримова

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызская Республика,
e-mail: kunduz.karimova.70@mail.ru

В статье представлен анализ основных причин увеличения количества социальных сирот в Кыргызстане. На материалах проведенного по инициативе Министерства социального развития Кыргызской Республики социологического исследования (2016 г.) было выявлено, что в детских домах 99,5% проживающих детей являются социальными сиротами. Для ребенка, выросшего без семьи, агентами социализации являются: жамаат (община), сверстники и воспитатели детских домов. Сегодня как никогда для социальных сирот необходимы детские дома и интернаты. У многих социальных сирот в связи с нехваткой контактов с родителями и другими значимыми взрослыми возникают проблемы с пониманием и выполнением социальных ролей. Нехватка таких контактов приводит к трудностям в социализации и адаптации в обществе. Вместе с этим у воспитанников детских домов возникают изменения в социальных отношениях, слабая вера в себя, снижение целенаправленности и т. д.

Ключевые слова: адаптация, воспитание, дезадаптация, социальные сироты, социализация, социальные институты, семья

1. Introduction

Difficult socio-economic conditions cause for the problem of social orphanhood. Wars, epidemics, poverty and other causes lead to the death of parents. As is well known, the orphanhood is a social phenomenon concerning lives of children without parents. Until the nineteenth and twentieth centuries orphans were children who lost their parents because of their death mainly, and they always evoked sympathy and a desire to help among all good people and a sense of duty and duty of the state. However, in modern conditions, orphanhood is generated not only by the death of parents, but by societal crisis also. Crisis and severe socio-economic upheavals affected not only the financial situation of people, but their worldview to some extent. In times of crisis, original traditions and norms of the family are broken down by drunkenness, drug addiction, and the parents' deliberate lifestyle that led them to calmly abandon their children. So, new types of orphanhood called «social orphans» appeared. The crisis of the family institute destroys children lives. Family is the main social factor for a child. Together with the family, the child develops,

that is, he/she learns the world with its traditions and behavior and learns how to exchange thoughts. The family is the first agent of socialization of a person, his or her familiarization with norms and principles of society.

The urgency of the problem of social orphans in Kyrgyzstan. The modern youth is experiencing three main issues: acceleration processes, a sharp change in living conditions, and early sexual debuts. These three criteria cause for the emergence and growth of the number of social orphans. According to the statistics committee, there is an increase in the number of pregnant among juvenile girls and in the number of births among women of 13–17 years, from year to year (table 1).

Table 1

Number of births among women aged 13-17 years

№	Years	Number of births
1	2013	1320
2	2014	1235
3	2015	896
4	2016	734
5	2017	455

Source: Women and men of the Kyrgyz Republic: 2013-2017. Bishkek, 2018. P. 114

Refusal of newborn children is now regarded as a common social phenomenon. In maternal behavior, socio-economic factors play an important role. The change in family and marriage relations among youth is expressed through the freedom of relationship and the spread of civic marriages. The lack of parental support and state control prevail over economic benefits. In Kyrgyzstan, unregistered marriages made only according to the Muslim rituals, complying with the Sharia but not with the legal norms of the state, have become popular. In 45% of cases, newborns with both parents are registered only at the request of their mothers and, most likely, these children will be raised in a family without a father. By the end of 2017 there were more than 91 thousand socially disadvantaged, dysfunctional, difficult families with about 292 thousand children in Kyrgyzstan¹.

Refusal of newborn children is now regarded as a common social phenomenon. In maternal behavior, socio-economic factors play an important role. The change in family and marriage relations among youth is expressed through the freedom of relationship and the spread of civic marriages. The lack of parental support and state control prevail over economic benefits. In Kyrgyzstan, unregistered marriages made only according to the Muslim rituals, complying with the Sharia but not with the legal norms of the state, have become popular. In 45% of cases, newborns with both parents are registered only at the request of their mothers and, most likely, these children will be raised in a family without

¹ National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Statistical overview dedicated to the International Children's Day. URL: <http://www.stat.kg/ru/news/statisticheskij-obzor-k-mezhdunarodnomu-dnyu-zashity-detej/>

a father. By the end of 2017 there were more than 91 thousand socially disadvantaged, dysfunctional, difficult families with about 292 thousand children in Kyrgyzstan¹.

According to the Ministry of Social Development of the Kyrgyz Republic, 154 children's organizations and institutions provide social services to children. Among them 71 are public; 65 — private; 15 — municipal; 2 — philanthropic. About 70-80% of social orphans constitute approximately 70-80% of children in orphanages. Having living parents, children are in boarding schools and often have disabilities; rather often their parents are migrant workers or prisoners.

Almost 80% of migrants from Kyrgyzstan work in Russia and 15% in Kazakhstan, and the most part of migrants originated from the southern regions of Kyrgyzstan. A trend of abandonment of a newborn child by migrants from Kyrgyzstan has become common. Despite this, the State is committed to protecting its citizens. Since 2011, the Ministry of Social Development of the Kyrgyz Republic have returned 85 children who were refused by migrants (mothers) to their homeland from the Russian Federation. The majority of them were taken out from Moscow, Krasnoyarsk, and Novosibirsk. According to the ministry, only 10 children were returned to their families, according to a court decision 50 children were adopted, the rest 25 children were placed in the orphanage².

The general category of orphans includes children whose parents were deprived of parental rights because of deviant behavior in society (social orphans). Social orphanhood in Kyrgyzstan remains an urgent problem for many researchers, especially now, when negative conditions are activated in the world community: crime, extremism, and terrorism, as well as drug and alcohol abuse. Since the majority of social orphans were born precisely in such conditions, the problem of their re-socialization is of particular importance and very vitally serious relevance for the future Kyrgyz society, where more than a half of the populations are the young people and the birth rate is quite high. In modern conditions, sexual relations are not directly related to childbearing: the full legalization of preventive measures, the lifting of prohibitions on timely termination of pregnancy can be considered as one of the means of preventing the growth in the number of social orphans. Children need in social education. Therefore, a comprehensive scientific study of this issue is an urgent task. The problems of children in society are significantly linked with the development of the human factor: social living standard of development, protection of rights, the tasks of social education in the process of socialization, street children, social orphans especially, and the social adaptation of children in orphanages are the sociocultural mission of a civilized society.

All of the above-mentioned indicates the relevance of not only the scientific and theoretical study of this problem but the practical side is no less important: the problem of re-socialization of social orphans, their adaptation to modern needs and requirements of the Kyrgyz society in the work of orphanages, the development of innovative means and methods in this direction are required.

---

¹ National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Statistical overview dedicated to the International Children's Day. URL: <http://www.stat.kg/ru/news/statisticheskij-obzor-k-mezhdunarodnomu-dnyu-zashity-detej/>

² The official site of the Ministry of labor and social development of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.mlsp.gov.kg/?q=ru/doors>

Among the works of foreign sociologists, the paradigm of the problem of social adaptation of orphans is represented by the concepts of anomie, deviation, and social mobility. They make it possible to identify the causes of social orphanage and the possibility of adaptation of children without parental care in a transforming society.

Some aspects of social orphanhood were revealed by the following authors: A.D. Stog, A.I. Volkova (Trostanetskaya, 2004: 3-8). Contemporary scholars analyze contemporary problems of orphans basing on historical experience: works by A.M. Nechaev, V.G. Bobrovnikov, L.V. Badya, O.V. Gorshkova (Furmanov, 1999: 160).

In the late 1980s and early 1990s, the problem of children without parents acquired particular importance in science and social practice. The category of «social orphanhood» was accepted into scientific circulation as a result of theoretical and methodological research, that enriched the understanding of the phenomenon of childhood. Studies about education in orphanages have been ongoing for a long time.

Proceedings of A.S. Makarenko (1981), N.K. Krupskaya (1959), V.A. Sukhomlinsky (1982) have determined that the problems of raising children in institutions for orphans are of great importance for the study of both practical and theoretical problems of raising children in such institutions. Other authors like L.I. Bozhevich, I.V. Dubrovina, M.I. Lisina, A.G. Ruzsko, A.M. Prikhozhan, N.N. Tolstoy investigated and described negative results of raising children in the state institutions. In the character of children who have grown up without a family, there are specific features in behavior; like other ordinary children. We cannot divide them into good and bad — simply because they are unusual (Shulga, 2005; Prikhozhan, 2007).

Works by A.M. Prikhozhan and N.N. The Tolstoy suggested answers about peculiarities of the perception of education in orphanages: how they will find their place in society, how the image of the personal self appears, what kind of relationships leads to the Self, and etc. In these conditions, the following factors affect the development of self-consciousness:

- the quick change of heads of institutions leads to the interruption of established relations and the assimilation of experience, that negatively effects on the process of education, generally;
- the pedagogical point of view of adults supposes to treat the child as an object of support, education and learning without distinction between positions of adults in the family;
- the lack of emotional relationships with adults and the specificity of group relationships with peers resulted in making a child to be unaware of his/her Self and self-misunderstanding.
- the strict regulation of the child's behavior does not allow the choice and formation of a sense of responsibility (Prikhozhan, 2007).

The system of the current upbringing of orphans has not reached a high level and is not ready to solve the problems of social adaptation of orphans, cannot psychologically prepare every child for difficult life circumstances.

Social rehabilitation is a comprehensive work with a child, restoration of destroyed social ties and work responsibilities; besides, it is the replenishment of life spheres, participation of non-governmental organizations, and institutions providing inalienable assistance to the child.

2. Research methodology

The orphanage is a state social institution for a child, partially replacing the family. Considering the family and answering the questions about social functions it performs, we determine how the orphanage should work. Sociologist A. Kharchev defines the following social functions of the family:

- reproductive — the biological reproduction of the population in the social plan, the satisfaction of the need for children in the personal plan;
- educational — socialization of the young generation, maintaining the cultural reproduction of society;
- household — maintaining the physical health of members of the community, caring for children and elderly family members;
- economic — support for juveniles and disabled family members;
- primary social control — responsibility and obligations concerning spouses, parents and children;
- spiritual communication — the development of the personality of family members, spiritual mutual enrichment;
- social status — the presentation of a certain social status to family members; reproduction of the social structure of society;
- leisure — organization of rational leisure, mutual enrichment of interests;
- emotional — receiving psychological protection, emotional support (Harchev, 1979).

We presumed that orphanages with family functions should teach children social life i.e. to perform these social adaptation functions.

In 2016, with the support of the Ministry of Social Development of the Kyrgyz Republic, a sociological study was conducted in partnership with the public association SOTSANTRO. The purpose of the study was to identify the main problems of the adaptation process of social orphans in orphanages. The survey was conducted in the following institutions: boarding school No. 11 named after V. Tereshkova in Osh, boarding school for orphans and children without parental care named after M. Razzakova in Uzgen, boarding school № 13 named after I. Abdyrakhmanova in the city of Kyzyl-Kya, the Batken Oblast, the military Antonovka orphanage in the Chui region, the NGO «Movement Forward», the PF «Bright Way» and the children's home «Altyn uya» in Bishkek. The survey was attended by pupils of orphanages including social orphans, the sample size constituted 596 persons. The survey involved respondents aged 9 to 17 years, 40.3% were girls and 59.7% were boys. Besides, interviews with 48 experts (representatives of NGOs, employees of boarding schools and experts dealing with children's problems, etc.) were conducted.

3. Main research results

The orphanage for pupils is a temporary place of stay. After graduation, pupils plunge into independent life, and the success of their future life will depend on how the orphanage prepared its graduates for this life.

Social orphans graduating from orphanages are people who were in full state support until a certain time. But the state cannot solve all further problems. This requires

the support of the entire population of Kyrgyzstan. There is a need not only in financial help, but also in moral and psychological ones.

Social orphans are children whose parents refused to educate, protect their rights and interests, and also children without parental care by law or other reasons. These are children whose parents are deprived of parental rights as a result of deviant behavior in society.

Increase in orientations on material values has led to devaluation of moral virtues and the crisis of the institution of the family which has undergone a radical change. According to experts, the reasons for the emergence of social orphans include addiction — in 20% of cases, migration processes — 18%, divorces — 14%, unemployment — 12%, low economic development of the country — 10%, and the birth of children out of wedlock, financial situation of the family, poverty, early pregnancy, etc.

The phenomenon of social orphanhood in the minds of the Kyrgyz society is associated with common complex of reasons: political, social, medical, psychological and others. Typical life situations when children become social orphans are as follows:

- Parents (mainly mothers) consciously refuse a child, in most cases they leave the newborns in hospital. The abandonment of a child from a legal point of view is carried out in the form of an official legal act, legal documents are prepared. If within three months the parents change their mind, the child returns to the family.
- Parents, usually alcoholics with incorrect lifestyle from poor families, are forced to leave their children. Deprivation of parental rights is a legal act, a legal document and is proclaimed by a court decision.

Children living in orphanages experience serious changes in the psychological state. According to children's stories, they often hide that they live in orphanages and attend regular school with other pupils.

The "adaptation" (from Latin *adaptare*) means the adaptation of a living organism to the conditions of life. There are several definitions for the «social adaptation» concept:

1. The process of adapting a person to various changes in the social sphere by social means.
2. Adoption by each member of the group of the norms and values of the dominant class, their implementation in the lifestyle of the group by using the mechanisms of social and state supervision.
3. The process of active adaptation of a person to the conditions of social sphere; individual and social group movements in the public sphere; the results of harmonization of relations between the social sphere and the subject.
4. To successfully move in a social environment, an individual needs to master the knowledge of psychological, social norms and values of this environment (Dictionary of Psychology, 1990).

Work carried out by specialists of orphanages with pupils in the process of social adaptation. A social educator plays a significant role in supporting and helping children. The mission of a social educator is to be a plenipotentiary representative and advocate of the interests of teenage graduates in the world of official affairs and relations in various social institutions, to be a professional and personal consultant for a child on a wide range of life and personal problems, to provide support and assistance in new situations and to promote independence to children.

According to the results obtained, 30% of experts believe that the upbringing of children without parental care in an orphanage family or in orphanages is very suitable, 24% of experts believe that such children should be given to orphanages for adoption, 16% of experts replied that orphans should be handed over to relatives, 6% of experts consider that they need help. First of all (28% of answers), orphans need children's homes, secondly, children are left without parental care (20%), thirdly, children of prisoners and children left unattended (16%), fourth, children from single-parent families (8%), and children whose parents are on long-term treatment (6%). Experts also determined that upbringing in orphanages is carried out by national pedagogical methods only in 2.0%, innovative methods — 4.9%, individual work with children — 30.2%, and in 62.9% of cases only common pedagogical methods were used.

The model of professional competence of the social educator of children living in the orphanage and graduates includes a block of knowledge and skills:

knowledge of social pedagogy, psychology, social psychology, law, economics;
communicative, reflective, organizational and other abilities;
possession of counseling, training, diagnostics of adaptation technologies.

To fulfill its professional role, a social educator should be guided by the characteristics of individual, group, and professional psychology in a broad sense, the conditions and specifics of the activities of subjects of social interaction, the features of the environment, the conditions and the specifics of the activities of various social institutions (Sataeva, 2004).

The main direction in the work of the teacher on social adaptation is the function of a «multifaceted consultant» and a «multifaceted mediator».

The main function of a social educator is the mediation between the pupil and the surrounding society. A social educator should have connections to protect the rights and interests of children (pupils) against the violation, to establish contacts between specialists — social welfare workers, assisting graduates, members of the Ministry of the Interior, and health and public organizations.

The difficulty of the problem of dependence, recognition of the socio-pedagogical environment can inhibit the attitude in the social environment. All this negatively affects the upbringing and causes for the addiction of the school and deviant behavior in many cases.

Usually, social orphanhood refers to situations when a child with living biological parents remains, for some reason, without education in society. In these cases parents are deprived of parental rights. Another category of social orphans is hidden orphans with living parents, when children live with their parents, but parents treat negatively each other. In such situations, children sometimes remain completely without material and moral care, so that they are no different from orphans. And this also requires the attention of the State and the public.

A social educator carries out special work with adolescents who grew up in orphanages in the process of their adaptation and disadaptation in society. For orphans and children left without parental care, a social educator is a source of social protection on the part of society and the sState. Also, the social educator for the pupil of the orphanage is the organizer in of the process of adaptation. The main objective of the educator's professional

work is to introduce the concept of «A person must lead a decent lifestyle» into the consciousness of children.

Orphanages receive children who have experienced severe stress and children from a family with different psychological characteristics. Therefore, the process of education requires an individual approach not only to their physical but also to psycho-emotional development. Under these conditions, children separated from their family reject the state system. Besides, in the modern Kyrgyz society, the concept of violence in education is poorly developed, that creates difficulties for the psychological development of children. Some types of violence are the norm of upbringing. The lack of social assistance to the child in such a situation creates favorable conditions for the development of orphanhood. Orphaning reduces potential. For pupils leaving the orphanages, the role of an orphan, soaked in them, closes internal resources, and they cannot use them. In orphanages, in a difficult life conditions, the personal characteristics of children do not develop, therefore, in the process of socialization based on difficulties, psychological growth in children is hampered.

Types of punishments in orphanages. There are facts of the physical punishment of pupils; in two institutions psychological and emotional punishments were applied. In other institutions, various types and forms of physical punishment are used.

Besides the state upbringing, children have individual characteristics that decide their fate. Social disadaptation in various forms is a companion to children from orphanages. Orphans are a problem group not only from a psychological point of view, even if they come from good families. We can assume that all this is the beginning of the formation of a certain life position. By tradition, the first family gives all potentials: social status, upbringing, health, knowledge and other characteristics have no limitations and do not require explanation (Nazarova, 2001).

The main position of orphans is the taken level of development for themselves and from state institutions: mental and physical, as well as upbringing and knowledge. But there are reasons for punishment: 22% of respondents note that they were subjected to offenses, 78.0% did not violate the rules, almost all offenders claim that they are were rudely punished by educators. Because of this, 52.2% of children want to grow up earlier, 13.5% of children would like to grow up faster, 34.3% of children don't want to become adults at all. Being «adult» for 19.6% of children means «I want to do what I want», for 73.4% — «I will work, I want to have money», for 5.4% — «tired of being dependent»; for 1.7% — «tired of the orphanage».

To the question «Have you run away from the lessons?» 26.1% of respondents answered that they always run away, 73.9% — did not run away from school. For orphanage inmates running away from a lesson (35.9%) is an offense, 40.8% — «bad behavior», 10.6% — see nothing wrong with that, 12.7% — know that it is not good to leave lessons, but still run away.

Special preventive, educational work with minors in orphanages is carried out. The next stage of preventive work is rehabilitation. The development of rehabilitation depends on understanding of preventive features. This is the attitude of minors to education, educators, work, health, psychological development, behavior, and self-expression.

In the process of social adaptation, educators often encounter the following problems: 43.5% of respondents note the absence of adequate living conditions compliant with modern requirements in orphanages (almost all the orphanages covered in the study were built in the Soviet period, the year of construction — 30 years ago), 48.6% — the severe psychological state of orphans living in orphanages, 7.9% — an acute shortage of teachers experienced in the process of adaptation of orphans.

Priority areas for addressing the problems of social orphans. Answering the question: «In what areas is there a need to organize retraining courses for caregivers in orphanages?», 20.9% of experts noted the psychological direction, 7.0% — the legal, and 51.2% — all professional areas. Thus, there is a need for periodically organizing continuing education courses for specialists working in orphanages.

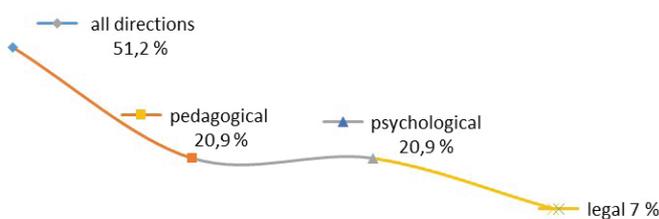

Figure 1 — The need in training courses for social educators working in Kyrgyz orphanages, %.

For educators of orphanages, special training courses are required as well, taking into account that 25% of them do not have pedagogical experience and do not know the methods of working with psychologically retarded children. This situation is explained by low teachers' salaries (the monthly salaries of teachers are 9,000 soms or 8,529 rubles) which lead to the lack of motivation in work. Therefore, teachers of orphanages from time to time need to be trained in specially prepared courses.

According to our research, selected orphanages are home to:

- 26.9% of children from a dysfunctional family;
- 23.1% of children whose parents are divorced;
- 16.6% of children are orphans (absence of one parent);
- 16.1% of children who are parents in the Russian Federation;
- 9.7% of children from a large family;
- 6.0% of children of single mothers;
- 1.1% of children with disabilities;
- 0.5% orphan.

As can be seen from the above, among children in orphanages, 99.5% are of social orphans who are left without parental care. Today orphanages are not for orphans, but for social orphans. Preventive measures to reduce the number of social orphans should be taken into account in the state strategic development plan of the country. The state and society should take strict control of internal and external migration. It is necessary to

develop the institution of the family and to conduct propaganda in the media to develop laws on mother and child.

Conclusion

To reduce the growth in the number of social orphans, it is necessary to organize work with young families through the media and public organizations, bringing to their consciousness that raising family implies efforts to preserve it, patiently endure all the inevitable material and spiritual difficulties along this path for the sake of a noble goal: raising healthy, good children without any deviations, inevitable in conditions of an orphan, life for the sake of their future family and the whole Kyrgyz society.

As a result of research, we identified and put forward the following levers and proposals to reduce the growth in the number of social orphans:

1. To reduce the growth of social orphans in orphanages in Kyrgyzstan, it is necessary to adopt strategic programs at the state level. External migrants, mothers with minor children should be prohibited from leaving the country. Increase responsibility in the adoption of children.
2. Inform the youth about the necessity to strengthen the family, implement them in the media and social networks. There is a need in to make extensive use of national pedagogical and innovative methods.
3. On the part of experienced social educators, to solve the problems of children in an orphanage, to overcome difficulties in the adaptation process, to develop special methodological programs.
4. The process of receiving a child in orphanage is not well documented, there are problems with registration and statistical treatment of inmates of orphanages. Throughout Kyrgyzstan, it is necessary to create a database covering the detailed information of every child in orphanages.
5. It is required to improve, upon request, the internal documentation of orphanages, covering regulatory information. Especially concerning the relationship between educators and children from orphanages, open a corner and books for suggestions and complaints.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 т. Т. 6. Дошкольное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта. М.: Изд-во АПН, 1959.

Макаренко А.С. Книга для родителей. М.: Педагогика, 1981.

Назарова И.Б. Возможности и условия адаптации сирот. Социологические исследования, 2001, No. 4, 70–77.

Прихожан А.М. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2007.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. (Ред.). Психология: словарь. М.: Политиздат, 1990.

Сагаева Г.А. Подготовка детей-сирот к самостоятельной семейной жизни в условиях детского дома: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2004.

Салморбекова Р.Б. Основные причины социальной напряженности современной

семьи: социологический анализ новых жилищных массивов вокруг города Бишкек. В кн: Семья в социокультурном пространстве. СПб., 2011. С. 223–228.

Сухомлинский В.А. О воспитании. М.: Политическая литература, 1982.

Тростанецкая Г. Социальные сироты в нашем обществе. Социальная педагогика, 2004, №. 4, 3–8.

Фурманов И.А. Психологические особенности детей, лишенных родительского попечительства. Минск: Тесеј, 1999.

Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.

Шульга Т.И. Работа с неблагополучной семьей. М.: Дрофа, 2005.

REFERENCES

Krupskaya, N.K. (1959). *Pedagogicheskie sochineniya v 10 t. T. 6. Doshkol'noe vospitanie. Voprosy semejnogo vospitaniya i byta* [Pedagogical works in 10 volumes. Vol. 6. Preschool education. Issues of family education and life]. Moscow: Publisher APN.

Makarenko, A.S. (1981). *Kniga dlya roditel'ej* [A book for parents]. Moscow: Pedagogika.

Nazarova, I.B. (2001). *Vozmozhnosti i usloviya adaptacii sirot* [Possibilities and conditions for the adaptation of orphans]. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies], no. 4, 70–77.

Prihozhan, A.M. (2007). *Psihologiya sirotstva* [Psychology of Orphanhood]. SPb.: Piter.

Petrovsky, A.V., Yaroshevsky, M.G. (Eds.) (1990). *Psihologiya: slovar'* [Psychology: Dictionary]. Moscow: Politizdat.

Sataeva, G.A. (2004). *Podgotovka detej-sirot k samostoyatel'noj semejnoj zhizni v usloviyah detskogo doma* [Preparing orphans for independent family life in an orphanage] (PhD Thesis). Kazan'.

Salmorbekova, R.B. (2011). *Osnovnye prichiny social'noj napryazhennosti sovremennoj sem'i: sociologicheskij analiz novyh zhilishchnyh massivov vokrug goroda Bishkek* [The main causes of social tension of the modern family: a sociological analysis of new housing estates around the city of Bishkek]. In: *Sem'ya v sociokul'turnom prostranstve* [Family in the sociocultural space] (pp. 223–228). Saint-Petersburg.

Suhomlinskij, V.A. (1982). *O vospitanii* [About education]. Moscow: Politicheskaja literatura.

Trostanecskaya, G. (2004). *Social'nye sirotы v nashem obshchestve* [Social orphans in our society]. *Social'naya pedagogika* [Social pedagogy], no. 4, 3–8.

Furmanov, I.A. (1999). *Psihologicheskie osobennosti detej, lishennyh roditel'skogo popechitel'stva* [Psychological features of children deprived of parental care]. Minsk: Tesej.

Harchev, A.G. (1979). *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow: Mysl'.

Shulga, T.I. (2005). *Rabota s neblagopoluchnoj sem'ej* [Work with a dysfunctional family]. Moscow: Drofa.

УДК 314.74

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ МИГРАНТОВ, ЖИВУЩИХ И РАБОТАЮЩИХ В РОССИИ

О.В. Суртаева <https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: bubuka_s@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-04

Поскольку условия жизни и труда мигрантов азиатского приграничья России влияют на социальную безопасность, межэтнические и межнациональные отношения в российских регионах, существует потребность в социологическом анализе указанных условий. В 2019 г. в шести российских приграничных регионах (Алтайский и Хабаровский края, Амурская, Астраханская и Волгоградская области, а также Республика Тыва) был проведен опрос экспертов (n=130), в качестве которых выступали руководители национально-культурных объединений, в форме стандартизованного интервью. Приведены результаты факторного анализа как по общей выборке, так и по региональным выборкам. Выявлено, что факторные структуры, полученные в разных регионах, значительно варьируют. Наименее широкая факторная структура обнаружена в Республике Тыва (2 фактора), наиболее разнообразная — в Астраханской области (4 фактора). Для остальных регионов характерна трехфакторная структура. По общей выборке была получена четырехфакторная структура. Полученные факторные структуры проанализированы и описаны и могут стать основой для разработки эффективных стратегий адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество обследованных регионов, а также обоснования реализации мер миграционной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, азиатское приграничье России, условия жизни мигрантов, миграционная политика, факторный анализ, регион

EXPERT EVALUATIONS OF LIVING CONDITIONS OF MIGRANTS LIVING AND WORKING IN RUSSIA

O.V. Surtaeva <https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: bubuka_s@mail.ru*

Because living and working conditions of migrants of the Asian borderland of Russia affect the level of social security and international and inter-ethnic rela-

tions in the Russian regions, there is a need in a deep sociological analysis of these conditions. In 2019 we have performed a sociological research in six Russian border regions (the Altai and Khabarovsk regions, Amour, Astrakhan and Volgograd oblasts and the Republic of Tyva) including expert evaluations in the form of standardized interviews among leaders of national-cultural associations (n=130). The article describes results of the factor analysis on pooling data and separate regional sub-samples. It was found that factorial structures vary significantly in different regions. The least complicated structure was revealed in the Republic of Tyva (only 2 factors), the most diverse — in the Astrakhan oblast (4 factors). In other regions the three-factor structure was the most relevant, while the united data was described with the four-factor solution. The description and analysis of the factor structures obtained may be used for elaboration of effective strategies of adaptation and integration of migrants into receiving societies of regions, covered by the research, and for justifying measures of migration policy of the Russian Federation

Keywords: *migration, migration processes, Asian borderland of Russia, migrants' living conditions, migration policy, factor analysis, region*

Введение

Условия, в которых живут и работают мигранты в азиатском приграничье России, непосредственно влияют на социальную безопасность в российских регионах и могут выступать фактором риска и дестабилизации в случае, если эти условия оказываются неприемлемыми или тяжелыми.

Миграционные процессы тесно связаны с демографическими и многими другими социальными процессами (Черепанова и др., 2018). Изменения в миграционных процессах могут серьезно трансформировать этнический баланс региона (Шахова, 2019). Отношение представителей экспертного сообщества к мигрантам — один из косвенных показателей, позволяющих оценить особенности межнациональных отношений в регионе (Омельченко и др., 2017), поскольку руководители национально-культурных объединений непосредственно участвуют в процессах, связанных с развитием обсуждаемых отношений (Черепанова, Горбунова и Сарыглар, 2019).

Вместе с тем новые исторические и социальные условия ставят перед экспертным и научным сообществом и новые задачи. Как пишут В.Ю. Зорин и М.С. Каменских, сейчас «ощущается острая потребность в обобщении позитивных практик, разработке и внедрении новых механизмов реализации Стратегии государственной национальной политики, нацеленных на решение двуединой задачи формирования российской гражданской нации и сохранения этнокультурного многообразия народов России. <...> Очевидно, что на это и должны быть направлены усилия ученых, а обобщенные рекомендации могут стать основой для дальнейшей более углубленной разработки данной темы» (Зорин и Каменских, 2020). Гармонизация и развитие межнациональных отношений, профилактика межэтнических и межконфессиональных конфликтов — это одно из важнейших направлений деятельности органов власти и местного самоуправления в любом полиэтничном регионе.

Однако решение этих задач невозможно без учета мнения самого населения, поэтому органам власти необходимо активно взаимодействовать с представителями национально-культурных общественных объединений, которые могут и должны стать инструментом реализации национальной политики государства.

Как пишет Л.М. Дробижева, в мире существует две основных модели реализации миграционной политики: ассимиляторская, которая редко где удается, и мультикультурная, существующая в разных формах, от мягкой аккультурации до свободной конкуренции (Дробижева, 2003). Следует отметить, что в нашей стране в настоящее время реализуется вторая модель. Как отмечает В.А. Тишков, «российский народ-нация — не результат унификации, а объединенное этническое разнообразие» (Тишков, 2008).

Как отмечают В.Г. Благодатских и А.А. Керимов (2017), в процессе формирования толерантных межэтнических отношений необходимо объединить усилия как местных, региональных и федеральных органов власти, так и системы образования и науки и институтов гражданского общества. Мы полагаем, что одну из ключевых ролей в этом процессе играют национально-культурные объединения как часть гражданского общества, в связи с чем именно их руководители выступили экспертами в нашем исследовании (Шахова и Максимова, 2019).

Методы исследования

С целью выявления общих детерминант, скрытых причин и закономерностей, определяющих, по мнению экспертов, условия жизни мигрантов, живущих и работающих в России, был проведен факторный анализ как по общей выборке исследования, так и по региональным выборкам. Основным методом сбора первичной социологической информации выступил экспертный опрос в форме стандартизованного интервью.

В качестве экспертов выступали руководители национально-культурных объединений, функционирующих в городских поселениях и иных муниципальных образованиях на территории шести приграничных регионов России: Алтайского края, Амурской области, Астраханской области, Волгоградской области, Республики Тыва и Хабаровского края.

Общий объем выборки экспертов составил 130 руководителей национально-культурных объединений, среди которых были эксперты из Алтайского края (52 эксперта), Амурской области (13 экспертов), Астраханской области (10 экспертов), Волгоградской области (19 экспертов), Республики Тыва (16 экспертов) и Хабаровского края (20 экспертов).

Среди условий жизни мигрантов, выраженность которых необходимо было оценить экспертам, присутствовали следующие: «Мигранты защищены минимальной оплатой труда», «Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает», «У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки», «Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и другие)», «Мигранты имеют доступ к качественному

здравоохранению», «Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)», «Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов», «Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)», «Справедливое распределение оплаты труда», «Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)», «В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов», «Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам», «Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни», «Права мигрантов защищают на работе». Выраженность каждого условия оценивалась по десятибалльной шкале, где 1 — наименее выражено, а 10 — наиболее выражено.

Обработка количественных данных проводилась с использованием компьютерной программы IBM SPSS Statistics 20 с применением методов факторного анализа. Анализ проводился методом главных компонент. Методом вращения был выбран метод Варимакс с нормализацией Кайзера. В исследовании учитывались факторные нагрузки более 0,4.

Результаты

Обратимся к результатам анализа условий жизни мигрантов в России, полученным по общей выборке во всех обследованных регионах, что будет отражать ситуацию в азиатском приграничье в целом. В результате факторного анализа была получена четырехфакторная структура, объясняющая 90,9% общей дисперсии переменных (таблица 1).

В первый фактор, информативность которого составила 34,3% ($\lambda=4,8$), с максимальными нагрузками вошли следующие характеристики: этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни (0,864), справедливое распределение оплаты труда (0,853), экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов (0,847), создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда) (0,847), в регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов (0,838).

Этот фактор можно назвать «Фактор социальной поддержки» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в процессе адаптации к новому сообществу: наличие системы поддержки в рамках как государственных, так и общественных организаций, а также этнических диаспор, обеспечение необходимыми социальными гарантиями (в том числе в сфере оплаты труда, правовой и консультационной поддержки).

Второй фактор (собственный вес $\lambda=3,3$, доля объясненной дисперсии — 23,4%) составили следующие характеристики: мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью) (0,958), у мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки (0,800), мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицин-

ской помощи и другие) (0,802), права мигрантов защищают на работе (0,708) и мигранты защищены минимальной оплатой труда (0,633).

Данный фактор можно назвать «Фактор безопасности и профессионального роста» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в сохранении жизни и здоровья, а также в безопасной трудовой деятельности, в том числе за счет обучения и повышения квалификации.

Третий фактор (информативность — 21,5%, суммарный вес $\lambda=3,0$) был представлен следующими переменными: мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению (0,891), система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает (0,887), мигранты защищены минимальной оплатой труда (0,725).

Данный фактор можно назвать «Фактор отношения государства к мигрантам». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в наличии четких правил их пребывания в стране, наличии возможности защиты своих прав.

Четвертый фактор (информативность — 11,7%, суммарный вес $\lambda=1,6$) был представлен двумя переменными: существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам (0,883) и дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.) (0,881).

Данный фактор можно назвать «Фактор уважительного отношения к мигрантам». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в уважительном отношении населения не только к ним самим, но и к их детям.

Таблица 1

Результаты факторного анализа условий жизни мигрантов, живущих и работающих в России, общая выборка

Условия жизни мигрантов	Компонент			
	1	2	3	4
Мигранты защищены минимальной оплатой труда		0,633	0,725	
Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает			0,887	
У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки		0,800		
Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.)		0,802		
Мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению			0,891	
Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)				0,881

Условия жизни мигрантов	Компонент			
	1	2	3	4
Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов	0,847			
Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)	0,847			
Справедливое распределение оплаты труда	0,853			
Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)		0,958		
В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов	0,838			
Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам				0,883
Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни	0,864			
Права мигрантов защищают на работе		0,708		

Таким образом, взаимосвязь между условиями жизни мигрантов различных категорий позволила выделить четыре фактора, определяющих, с точки зрения экспертов, состояние условий жизни мигрантов, работающих в России. На первом месте в череде факторов оказалась социальная поддержка мигрантов, особенно со стороны некоммерческих объединений и этнических диаспор. На втором месте — удовлетворение потребностей в безопасности и профессиональном развитии. На третьем месте в факторной структуре стоит удовлетворение потребностей в наличии четких правил, регулирующих миграционные процессы в России.

И только на четвертом месте оказался фактор, отражающий наличие уважения в обществе по отношению к мигрантам. Однако следует отметить, что это мнение экспертов, у самих мигрантов может быть обнаружена совсем другая точка зрения на то, какие условия жизни важны для мигрантов, работающих в России, и какие из них более или менее выражены.

Кроме того, вероятно, факторная структура будет варьировать в зависимости от региона проживания экспертов. В связи с этим обратимся к анализу факторных структур, полученных отдельно для каждого обследованного региона.

В результате факторного анализа, проведенного на данных, полученных в результате экспертного опроса в *Алтайском крае*, была получена трехфакторная структура, объясняющая 66,5% общей дисперсии переменных (таблица 2).

В первый фактор, информативность которого составила 34,2% ($\lambda=4,8$), с максимальными нагрузками вошли следующие характеристики: справедливое распределение оплаты труда (0,836), права мигрантов защищают на работе (0,796), создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда) (0,702), дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.) (0,700), мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению (0,696), мигранты за-

щищены минимальной оплатой труда (0,686), мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.) (0,680), экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов (0,618), мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью) (0,556).

Таблица 2

Результаты факторного анализа условий жизни мигрантов, живущих и работающих в России, Алтайский край

Условия жизни мигрантов	Компонент		
	1	2	3
Мигранты защищены минимальной оплатой труда	0,686		
Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает		0,770	
У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки		0,774	
Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.)	0,680		
Мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению	0,696		
Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)	0,700		
Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов	0,618		
Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)	0,702		
Справедливое распределение оплаты труда	0,836		
Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)	0,556		
В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов			0,818
Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам			0,539
Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни			0,794
Права мигрантов защищают на работе	0,796		

Этот фактор можно назвать «Фактор социальной безопасности» и он дает представление об удовлетворении потребностей не только мигрантов, но и их детей в обеспечении хотя бы минимального уровня безопасности во всех сферах: оплата труда, трудовые права, социальная поддержка и социальные гарантии, право на образование, здравоохранение — все эти потребности мигрантов, по мнению экспертов, в Алтайском крае достаточно хорошо удовлетворяются.

Второй фактор (собственный вес $\lambda=2,3$, доля объясненной дисперсии — 16,3%) составили лишь две характеристики: у мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки (0,774) и система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает (0,770).

Данный фактор можно назвать «Фактор возможности обучения и легализации» и он дает представление о потребностях мигрантов в сфере возможностей обучения, а также включает в себя учет правовых обстоятельств проживания мигрантов в Алтайском крае.

Третий фактор (информативность — 16,1%, суммарный вес $\lambda=2,3$) был представлен следующими переменными: в регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов (0,818), этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни (0,794) и существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам (0,539).

Данный фактор можно назвать «Фактор отношения принимающего сообщества к мигрантам». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в уважении со стороны принимающего сообщества, выражающемся как в оказании им помощи в адаптации со стороны общественных организаций и этнических диаспор, так и в предпринимающихся в регионе шагах по воспитанию толерантного отношения в обществе к мигрантам.

Таким образом, взаимосвязь между условиями жизни мигрантов различных категорий позволила выделить три фактора, определяющих состояние условий жизни мигрантов, работающих в Алтайском крае, с точки зрения экспертов. На первом месте в череде факторов оказалась социальная безопасность мигрантов. На втором месте — возможность обучения и легализации на территории России. И только на третьем месте в факторной структуре стоят потребности в уважении со стороны местных жителей и помощи в адаптации.

В результате факторного анализа, проведенного на данных, полученных в результате экспертного опроса в *Амурской области*, была получена также трехфакторная структура, объясняющая 90,5% общей дисперсии переменных (таблица 3).

В первый фактор, информативность которого составила 39,4% ($\lambda=5,5$), с максимальными нагрузками вошли следующие характеристики: справедливое распределение оплаты труда (0,913), создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда) (0,909), экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов (0,896), этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни (0,892) и в регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов (0,891).

Этот фактор можно назвать «Фактор поддержки мигрантов со стороны принимающего сообщества» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в обеспечении их поддержкой как со стороны государства, так и со стороны общественных организаций и этнических диаспор, существующих на террито-

рии региона. Причем важно не только организовывать мероприятия по поддержке мигрантов, но и обеспечивать справедливое распределение оплаты их труда, в такой ситуации у мигрантов будет меньше необходимости обращаться за помощью.

Таблица 3

Результаты факторного анализа условий жизни мигрантов, живущих и работающих в России, Амурская область

Условия жизни мигрантов	Компонент		
	1	2	3
Мигранты защищены минимальной оплатой труда			0,711
Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает			0,927
У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки		0,827	
Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.)		0,826	
Мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению			0,913
Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)		0,586	
Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов	0,896		
Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)	0,909		
Справедливое распределение оплаты труда	0,913		
Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)		0,960	
В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов	0,891		
Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам			0,427
Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни	0,892		
Права мигрантов защищают на работе		0,828	

Второй фактор (собственный вес $\lambda=3,7$, доля объясненной дисперсии — 27,7%) составили лишь следующие характеристики: мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью) (0,960), права мигрантов защищают на работе (0,828), у мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки (0,827), мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.) (0,826) и дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.) (0,586).

Данный фактор можно назвать «Фактор безопасности и социального обеспечения» и он дает представление о потребностях мигрантов в защите от кризисных ситуаций и в сфере труда, в наличии возможностей обучения не только для них самих, но и их детей, а также включает в себя наличие социальных гарантий для мигрантов в Амурской области.

Третий фактор (информативность — 23,5%, суммарный вес $\lambda = 3,3$) был представлен следующими переменными: система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает (0,927), мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению (0,913), мигранты защищены минимальной оплатой труда (0,711) и существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам (0,427).

Данный фактор можно назвать «Фактор отношения государства к мигрантам». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в наличии четких правил их пребывания в стране, возможности защиты своих прав, а также об имеющейся в регионе системе воспитания толерантного отношения населения к мигрантам.

Таким образом, взаимосвязь между условиями жизни мигрантов различных категорий позволила выделить три фактора, определяющих состояние условий жизни мигрантов, работающих в Амурской области, с точки зрения экспертов. На первом месте в череде факторов оказалась поддержка мигрантов со стороны принимающего сообщества. На втором месте — безопасность и социальное обеспечение мигрантов. На третьем месте в факторной структуре стоит отношение государства к мигрантам.

В результате факторного анализа, проведенного на данных, полученных в результате экспертного опроса в *Астраханской области*, была получена четырехфакторная структура, объясняющая 92,5% общей дисперсии переменных (таблица 4).

В первый фактор, информативность которого составила 39,4% ($\lambda = 5,5$), с максимальными нагрузками вошли следующие характеристики: мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.) (0,943), мигранты защищены минимальной оплатой труда (0,889), создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда) (0,855), мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью) (0,819), экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов (0,700) и мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению (0,697).

Этот фактор можно назвать «Фактор социальной защиты и безопасности» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в сохранении жизни и здоровья, в кризисных ситуациях, а также в безопасной трудовой деятельности, в том числе в гарантированной минимальной оплате труда.

Второй фактор (собственный вес $\lambda = 4,2$, доля объясненной дисперсии — 30,2%) составили следующие характеристики: система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо ра-

ботаает (0,955), дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.) (0,828), в регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов (0,796), и существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам (0,742).

Таблица 4

Результаты факторного анализа условий жизни мигрантов, живущих и работающих в России, Астраханская область

Условия жизни мигрантов	Компонент			
	1	2	3	4
Мигранты защищены минимальной оплатой труда	0,889			
Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает		0,955		
У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки				0,692
Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.)	0,943			
Мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению	0,697			
Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)		0,828		
Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов	0,700			
Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)	0,855			
Справедливое распределение оплаты труда			0,966	
Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)	0,819			
В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов		0,796		
Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам		0,742		
Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни				0,817
Права мигрантов защищают на работе			0,963	

Данный фактор можно назвать «Фактор отношения государства и гражданского общества к мигрантам» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в понятных и простых правилах пребывания и легализации в России, в поддержке со стороны общественных организаций и в уважении со стороны местного населения.

Третий фактор (информативность — 17,5%, суммарный вес $\lambda=2,4$) был представлен двумя переменными: справедливое распределение оплаты труда (0,966) и права мигрантов защищают на работе (0,963).

Данный фактор можно назвать «Фактор обеспечения трудовых прав». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в защите их права на труд и справедливую его оплату.

Четвертый фактор (информативность — 9,2%, суммарный вес $\lambda=1,3$) был представлен также двумя переменными: этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни (0,817) и у мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки (0,692).

Данный фактор можно назвать «Фактор адаптации мигрантов». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в помощи им в адаптации со стороны этнических диаспор, в том числе посредством содействия в профессиональном обучении.

Таким образом, взаимосвязь между условиями жизни мигрантов различных категорий позволила выделить четыре фактора, определяющих, с точки зрения экспертов, состояние условий жизни мигрантов, работающих в Астраханской области. На первом месте в череде факторов оказалась социальная защита и безопасность мигрантов. На втором месте — отношение государства и гражданского общества к мигрантам. На третьем месте в факторной структуре стоит обеспечение соблюдения трудовых прав мигрантов. И лишь на четвертом месте оказался фактор, отражающий потребности адаптации мигрантов к новому сообществу.

В результате факторного анализа, проведенного на данных, полученных в результате экспертного опроса в *Волгоградской области*, была получена трехфакторная структура, объясняющая 85,5% общей дисперсии переменных (таблица 5).

В первый фактор, информативность которого составила 37,3% ($\lambda=5,2$), с максимальными нагрузками вошли следующие характеристики: система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает (0,927), у мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки (0,918), мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению (0,822), мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.) (0,800), дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.) (0,779), мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью) (0,764) и справедливое распределение оплаты труда (0,548).

Этот фактор можно назвать «Фактор социальной справедливости и прозрачности правил» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в четкости и ясности правил проживания в России, обеспечении их и их детей социальными гарантиями, возможностью повышения своего образовательного уровня и достойной оплатой труда.

Второй фактор (собственный вес $\lambda=3,8$, доля объясненной дисперсии — 27,3%) составили следующие характеристики: этнические диаспоры активно помо-

гают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни (0,926), в регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов (0,770), существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам (0,749) и создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда) (0,551).

Таблица 5

Результаты факторного анализа условий жизни мигрантов, живущих и работающих в России, Волгоградская область

Условия жизни мигрантов	Компонент		
	1	2	3
Мигранты защищены минимальной оплатой труда			0,945
Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает	0,927		
У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки	0,918		
Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.)	0,800		
Мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению	0,822		
Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)	0,779		
Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов			0,697
Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)		0,551	
Справедливое распределение оплаты труда	0,548		
Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)	0,764		
В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов		0,770	
Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам		0,749	
Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни		0,926	
Права мигрантов защищают на работе			0,761

Данный фактор можно назвать «Фактор отношения принимающего сообщества к мигрантам» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в поддержке со стороны общественных организаций и этнических диаспор, в уважении со стороны местного населения, а также в наличии системы помощи со стороны государства.

Третий фактор (информативность — 20,9%, суммарный вес $\lambda=2,9$) был представлен тремя переменными: мигранты защищены минимальной оплатой труда

(0,945), права мигрантов защищают на работе (0,761) и экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов (0,697).

Данный фактор можно назвать «Фактор обеспечения трудовых прав». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в защите их права на труд и справедливую его оплату, в том числе со стороны региональных экономических институтов.

Таким образом, взаимосвязь между условиями жизни мигрантов различных категорий позволила выделить три фактора, определяющих, с точки зрения экспертов, состояние условий жизни мигрантов, работающих в Волгоградской области. На первом месте в череде факторов оказалась социальная справедливость и прозрачность правил игры в регионе. На втором месте — отношение всех компонентов принимающего сообщества к мигрантам. На третьем месте в факторной структуре стоит обеспечение соблюдения трудовых прав мигрантов.

В результате факторного анализа, проведенного на данных, полученных в ходе экспертного опроса в *Республике Тыва*, была получена двухфакторная структура, объясняющая 80,7% общей дисперсии переменных (таблица 6).

В первый фактор, информативность которого составила 47,1% ($\lambda=6,6$), с максимальными нагрузками вошли следующие характеристики: мигранты защищены минимальной оплатой труда (0,872), в регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов (0,845), у мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки (0,840), система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает (0,837), этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни (0,754), права мигрантов защищают на работе (0,723), мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью) (0,716), справедливое распределение оплаты труда (0,712), мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.) (0,696) и существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам (0,683).

Этот фактор можно назвать «Фактор социальной адаптации» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в получении необходимых социальных гарантий, защите их интересов не только ими самими, но и общественными организациями, этническими диаспорами и государством, четкости и ясности правил проживания в России, возможности повышения мигрантами образовательного уровня и обеспечении достойной оплаты труда.

Второй фактор (собственный вес $\lambda=4,7$, доля объясненной дисперсии — 33,5%) составили следующие четыре характеристики: мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению (0,904), дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.) (0,854), создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда) (0,768) и экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов (0,651).

Таблица 6

Результаты факторного анализа условий жизни мигрантов, живущих
и работающих в России, Республика Тыва

Условия жизни мигрантов	Компонент	
	1	2
Мигранты защищены минимальной оплатой труда	0,872	
Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает	0,837	
У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки	0,840	
Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.)	0,696	
Мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению		0,904
Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)		0,854
Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов		0,651
Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)		0,768
Справедливое распределение оплаты труда	0,712	
Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)	0,716	
В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов	0,845	
Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам	0,683	
Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни	0,754	
Права мигрантов защищают на работе	0,723	

Данный фактор можно назвать «Фактор социальной защиты» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в обеспечении хотя бы минимальной социальной защищенности не только для себя, но и для своих детей.

Таким образом, взаимосвязь между условиями жизни мигрантов различных категорий позволила выделить два фактора, определяющих, с точки зрения экспертов, состояние условий жизни мигрантов, работающих в Республике Тыва. На первом месте в череде факторов оказалось комплексное обеспечение высокого уровня социальной адаптации мигрантов в регионе. На втором месте — обеспечение приемлемого уровня социальной защищенности не только для мигрантов, но и для их детей. Однако обращает на себя внимание некоторая «спутанность» полученной факторной структуры, что может быть связано со стремлением экспертов к завышению оценок по предложенным им показателям.

В результате факторного анализа, проведенного на данных, полученных в результате экспертного опроса в *Хабаровском крае*, была получена трехфакторная структура, объясняющая 78,4% общей дисперсии переменных (таблица 7).

В первый фактор, информативность которого составила 44,8% ($\lambda=6,3$), с максимальными нагрузками вошли следующие характеристики: у мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки (0,934), экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов (0,910), мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.) (0,892), справедливое распределение оплаты труда (0,856), мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению (0,838), система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает (0,761), мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью) (0,755), дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.) (0,627) и права мигрантов защищают на работе (0,585).

Этот фактор можно назвать «Фактор социальной безопасности и социального развития» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов, с одной стороны, в обеспечении их и их детей социальными гарантиями (здравоохранение, труд), а с другой стороны, они и их дети обеспечены возможностью развиваться, повышать свой образовательный уровень, что дает возможность получать более достойную оплату своего труда.

Таблица 7

Результаты факторного анализа условий жизни мигрантов, живущих и работающих в России, Хабаровский край

Условия жизни мигрантов	Компонент		
	1	2	3
Мигранты защищены минимальной оплатой труда			-0,894
Система оформления пребывания в России, легализации, получения вида на жительство и т.п. понятна и хорошо работает	0,761		
У мигрантов есть возможности профессионально обучаться, получать новые навыки	0,934		
Мигранты обеспечены необходимыми социальными гарантиями (на оплату больничного листа, медицинской помощи и др.)	0,892		
Мигранты имеют доступ к качественному здравоохранению	0,838		
Дети мигрантов имеют равные возможности в обучении и дополнительном образовании (кружки, музыкальные, художественные школы и др.)	0,627		
Экономика региона учитывает актуальные миграционные тренды, учитывает потребности и интересы мигрантов	0,910		

Условия жизни мигрантов	Компонент		
	1	2	3
Создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)			0,478
Справедливое распределение оплаты труда	0,856		
Мигранты защищены в кризисной ситуации (угроза жизни и здоровью)	0,755		
В регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов		0,838	
Существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам			0,485
Этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни		0,942	
Права мигрантов защищают на работе	0,585		

Второй фактор (собственный вес $\lambda=2,6$, доля объясненной дисперсии — 18,7%) составили следующие две характеристики: этнические диаспоры активно помогают мигрантам адаптироваться, устроиться в жизни (0,942) и в регионе действует система развитых национальных общественных организаций, защищающих интересы мигрантов (0,838).

Данный фактор можно назвать «Фактор социальной адаптации» и он дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в поддержке со стороны общественных организаций и этнических диаспор, которая позволяет мигрантам лучше адаптироваться к новым условиям.

Третий фактор (информативность — 14,9%, суммарный вес $\lambda= 2,1$), оказавшийся биполярным, был представлен тремя переменными: на положительном полюсе фактора оказались переменные «существует политика воспитания уважительного отношения населения к мигрантам» (0,485) и «создана система поддержки, помощи мигрантам (правовой, консультационной, на бирже труда)» (0,478), на отрицательном полюсе — мигранты защищены минимальной оплатой труда (–0,894).

Данный фактор можно назвать «Фактор уважения без материального подтверждения». Этот фактор дает представление об удовлетворении потребностей мигрантов в уважении со стороны населения и государства при отсутствии гарантий материального подтверждения этого уважения в виде гарантированной минимальной оплаты труда.

Таким образом, взаимосвязь между условиями жизни мигрантов различных категорий позволила выделить три фактора, определяющих, с точки зрения экспертов, состояние условий жизни мигрантов, работающих в Хабаровском крае. На первом месте в череде факторов оказались социальная безопасность и социальное развитие. На втором месте — возможности социальной адаптации мигрантов. На третьем месте в факторной структуре стоит уважение к мигрантам со стороны принимающего сообщества, однако выражается оно в нематериальных формах.

Обсуждение и заключение

Таким образом, проанализировав экспертные оценки условий жизни мигрантов азиатского приграничья, можно сделать следующие выводы. Взаимосвязь между оценками различных категорий позволила выделить четыре фактора, определяющих особенности условий жизни мигрантов в азиатском приграничье в целом. Наиболее хорошо в обследованных регионах дело обстоит с оказанием мигрантам всесторонней социальной поддержки в процессе адаптации к новому сообществу, поскольку именно этот фактор оказался первым в чередѣ факторов. На втором месте — обеспечение безопасности и профессионального роста мигрантов в регионах азиатского приграничья, чему уделяется несколько меньше внимания, чем упомянутой выше социальной поддержке. Еще менее благополучно дело обстоит с отношением государства к мигрантам, негативные аспекты которого могут выражаться в отсутствии четких правил оформления документов, легализации мигрантов. Наконец, наименее высоко выражено, по мнению экспертов из азиатского приграничья, уважительное отношение к мигрантам со стороны принимающего сообщества.

Анализируя факторные структуры, полученные для каждого отдельного региона, следует отметить, что факторная структура значительно варьировала в зависимости от региона проживания экспертов и включала в себя от двух до четырех факторов, определяющих условия жизни мигрантов в том или ином регионе.

Так, в Алтайском крае была получена трехфакторная структура: наиболее благоприятные условия для мигрантов здесь складываются в сфере их социальной безопасности. Выраженность условий для обучения и легализации мигрантов в обследуемом регионе скорее средняя, а наименее выраженным эксперты считают уважительное отношение к мигрантам со стороны принимающего сообщества.

Для Амурской области также была характерна трехфакторная структура, однако в данном регионе эксперты считают наиболее благоприятными условия, связанные с оказанием поддержки мигрантам со стороны принимающего сообщества. Чуть хуже дело обстоит с обеспечением безопасности мигрантов и организацией и реализацией мероприятий по их социальной поддержке. Наиболее негативные оценки получили условия, связанные с отношением государства к мигрантам, которое, по мнению экспертов, в настоящее время далеко от идеала.

По результатам исследования в Астраханской области была получена четырехфакторная структура, в которой наиболее развитыми, по мнению экспертов, являются условия, связанные с обеспечением социальной безопасности мигрантов и удовлетворением их потребности в безопасности. Чуть менее приемлемо ситуация складывается в сфере отношения государства и гражданского общества к мигрантам. Обеспечение трудовых прав также оставляет желать лучшего, поскольку этот фактор расположился на третьем месте в полученной факторной структуре. А наименее благоприятная ситуация в данном регионе складывается в сфере проведения мероприятий по адаптации мигрантов к новому сообществу.

В Волгоградской области вновь была обнаружена трехфакторная структура, в которой как наиболее развитые были оценены такие условия, как обеспечение социальной справедливости и четких правил для мигрантов. Позитивное и помогаю-

щее отношение принимающего сообщества к мигрантам в данном регионе выражено скорее на среднем уровне. Наименее защищены мигранты, по мнению экспертов из Волгоградской области, в сфере обеспечения их трудовых прав.

Условия жизни мигрантов в Республике Тыва характеризуются двумя факторами: с одной стороны, в регионе обеспечивается достаточно высокий уровень социальной адаптации мигрантов, с другой стороны, мигранты и их дети чуть менее социально защищены, чем в остальных обследованных регионах. Однако обращает на себя внимание некоторая «спутанность» полученной факторной структуры, что может быть обусловлено рядом причин, которые могут повлиять на достоверность полученных данных.

И наконец, для Хабаровского края было выделено также три магистральных фактора, наиболее развиты в обследованном регионе условия, связанные с обеспечением социальной безопасности и социального развития мигрантов. Обеспечение социальной адаптации мигрантов выражено в Хабаровском крае на среднем уровне, недостаточно хорошо дело обстоит с обеспечением уважения к мигрантам со стороны местного населения и государства, что усугубляется нарушением прав мигрантов в области гарантии минимальной оплаты труда.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ, проект НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России» (2020–2021 гг.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Благодатских В.Г., Керимов А.А. Межнациональные отношения в современной России: проблемы и пути решения. Дискурс-Пи, 2017, No. 2, 40–47.

Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды. Вестник Московского государственного областного университета, 2020, No. 1, 52–68.

Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Черепанова М.И. Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае. Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2017, 6 (152), 189–194.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2008.

Черепанова М.И., Горбунова А.А., Неваева Д.А., Сарыглар С.А. Миграционные процессы в Алтайском крае: прогноз межнациональной напряженности. В кн.: Материалы VIII Международной социологической Грушинской конференции «Социолог

2.0: трансформация профессии». М.: ВЦИОМ, 2018. С. 227–231.

Черепанова М.И., Горбунова А.А., Сарыглар С.А. Интеграция мигрантов в трансграничных территориях России: мнение экспертного сообщества. В кн.: Материалы первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 337–340.

Шахова Е.В. Особенности проявления межэтнического взаимодействия в Алтайском крае (по результатам социологического исследования). Социодинамика, 2019, No. 7, 1–9.

Шахова Е.В., Максимова С.Г. Межэтническое взаимодействие и социальная интеграция населения как взаимосвязанные процессы (по результатам социологического исследования в Алтайском крае). Социодинамика, 2019, No. 8, 1–12.

REFERENCES

Blagodatskih, V.G., Kerimov, A.A. (2017). Mezhnacional'nye otnosheniya v sovremennoj Rossii: problemy i puti resheniya [Inter-ethnic relations in contemporary Russia: issues and ways of addressing]. *Diskurs-Pi*, no. 2, 40–47.

Drobizheva, L.M. (2003). *Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetskoj Rossii* [Social issues of inter-ethnic relations in the post-Soviet Russia]. Moscow: Centr obshchechelovecheskih cennostej.

Zorin, V.Yu., Kamenskih, M.S. (2020). Etnopoliticheskaya situaciya v Rossii: sovremennoe razvitie i osnovnye megatrendy [Ethnopolitical situation in Russia: modern development and main megatrends]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Region University], no. 1, 52–68.

Omelchenko, D.A., Maksimova, S.G., Noyanzina, O.E., Cherepanova, M.I. (2017). Sostoyanie sfery mezhnacional'nyh otnoshenij v Altajskom krae [Condition of sphere of interethnic relations in the Altai region]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Altai State Agricultural University], 6 (152), 189–194.

Tishkov, V.A. (2008). *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie — osnova stabil'nosti i razvitiya Rossijskogo obshhestva: Stat'i i interv'yu* [Ethnic and religious diversity — the basis for stability and development of the Russian society: articles and interviews]. Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka; Academia.

Cherepanova, M.I., Gorbunova, A.A., Nevaeva, D.A., Sarygлар, S.A. (2018). Migracionnye processy v Altajskom krae: prognoz mezhnacional'noj napryazhennosti [Migration processes in the Altai region: prognosis of inter-ethnic tension]. In: *Materialy VIII Mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii «Sociolog 2.0: transformaciya professii»* [Proceedings of the VIII International Grushin conference «Sociologist 2.0: Transformation of the Profession»] (pp. 227–231). Moscow: VCIOM.

Cherepanova, M.I., Gorbunova, A.A., Sarygлар, S.A. (2019). Integraciya migrantov v transgranichnyh territoriyah Rossii: mnenie ekspertnogo soobshhestva [The integration of migrants in the transboundary territories of Russia: the opinion of the expert community]. In: *Materialy pervogo altaisticheskogo foruma «Tyurko-mongol'skij mir bol'shogo Altaya: istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennost'»* [Proceedings of the 1st altaistic forum

«Turko-Mongol universe of the Great Altai: historic-cultural heritage and modernity»] (pp. 337–340). Barnaul: Altai State University Publishing House.

Shahova, E.V. (2019). Osobennosti proyavleniya mezhetnicheskogo vzaimodejstviya v Altajskom krae (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) [Peculiarities of inter-ethnic interactions in the Altai region (on the results of the sociological surveys)]. *Sociodynamics*, no. 7, 1–9.

Shahova, E.V., Maksimova S.G. (2019). Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie i social'naya integraciya naseleniya kak vzaimosvyazannye processy (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya v Altajskom krae) [Inter-ethnic interactions and social integration as interdependent processes (on the results of the sociological surveys in the Altai region)]. *Sociodynamics*, no. 8, 1–12.

УДК: 321.7.3

THE CHANGE OF POLITICAL REGIME IN KYRGYZSTAN: THE REASONS AND CONSEQUENCES

Sh.A. Aytiev

 <https://orcid.org/0000-0001-8260-2133>

Osh State University, Bishkek, Kyrgyz Republic, e-mail: saytiev@yahoo.com

---

DOI:10.14258/ssi(2020)3-05

This article analyzes the features of political regime as a way of functioning of the society's political system, its role in the post-revolutionary period of formation and development of the Kyrgyz statehood. Many of the pending issues, such as ethno-nationalism, separation of parties on a regional basis, increasing unemployment, inflation, weak, non-developing economy, and security problems of citizens increasing in recent years, as well as the possible political consequences of unresolved problems are specified. The author sets out his own opinion regarding the prospects and ways of the country development in the context of the post-revolutionary situation.

Keywords: *state, society, policy, system, regime, process, power, relationships, governance, actor, revolution*

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В КЫРГЫЗСТАНЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ш. А. Айтиев

 <https://orcid.org/0000-0001-8260-2133>

*Ошский государственный университет, Бишкек, Кыргызская Республика,
e-mail: saytiev@yahoo.com*

В статье анализируются особенности социально-политического конфликта и его роль в развитии политического режима как способа функционирования политической системы общества в целом. На основе анализа пост-революционного периода становления и развития политической системы обозначено множество нерешенных проблем, в частности этнонационализм, разделенность партий по региональному признаку, нарастающая безработица, инфляция, постоянный рост цен на продукты питания, слабая, практически не развивающаяся экономика, нарастающие за последние годы проблемы безопасности граждан страны, а также возможные последствия нерешенных проблем. При этом в резюмирующем аспекте даны итоги социально-политических конфликтов в Кыргызстане 2015–2010 гг.

Ключевые слова: *государство, общество, политика, система, режим, процесс, власть, отношения, правление, революция*

The tragic events that took place in Kyrgyzstan in April and June 2010 became eloquent proof that the main condition for consistent and effective development of any state, without exception, is the people unity and stability in the society. Never any political problems and differences cannot and should not be resolved through civil society split, clashes between the people and destabilization of the state. In the history the emergence, formation and development of the state occurred on the basis of systematic and consistent settlement of all urgent problems of social, economic and political nature. From the first days of its existence, the activity of the state authority should be focused on the development and implementation of balanced and effective economic policies, literate social policy and a number of other events.

Political regime as a way of functioning of the society political system determining the character of the political life of the society, systematically reflecting the level of political freedom and the attitude of the authorities to the legal framework of their activity.

Clearly, the political regime ensures the stability of political power, which is defined by the controllability of the citizens, dynamics and orientation of political relations acceptable for the authorities. At that it ensures achieving the objectives of both internal and external policies, implementation of policy priorities based on the interests of the state, society as a whole. The process of functioning of the political system itself is determined by the level of development and the intensity of socio-political processes, the status of relationships with the public administration, level of development of socio-political traditions, political consciousness and behavior dominating in the society. The type of legitimacy dominating in the society has a particular importance.

However, before talking about the prospects of political development of the Kyrgyz Republic after the change of political regime in 2010, we should evaluate what achieved our Republic for this period.

As it is known, each revolution generates uncertainty and takes the political system out of a normal condition, in which it functioned until the occurrence of political events, coup for a certain period of time (Ovsyannikov, 2001: 19).

And, as noted by the national historian T.A. Abdrakhmanov: «As the paralysis of power and laws comes, law enforcement and security agencies of the state are demoralized and paralyzed. The State temporarily loses external and domestic immunity. The criminal, inter-ethnic, regional situation aggravates to the bitter end. The country faces the real threat of civil war» (Abdrakhmanov, 2014: 16). Despite the specified moments, our republic achieved certain changes in the political system. So, after the events of 2010 in Kyrgyzstan there were a real competition between politicians, an effective multi-party system was created, decentralization of power and control was implemented. At the present stage of development of Kyrgyzstan, the opposition is no longer on the quasi-legal situation and acts openly within the framework of the law, they have an opportunity to win in the elections within the framework of a political struggle in any region of the republic. Thanks to competition of the parties, it has become possible to ensure openness and transparency of the government. We should also note the growth of freedom of speech, level of independence of the mass media, respect for the rights of people to assemble and meet. Journalists and representatives of civil society today can quite freely criticize govern-

ment, express their opinions on any matter. Such changes become the basis for the growth of quality characteristics of the entire civil society in the country: self-evaluation is increasing, self-awareness and responsibility of people are growing.

However, as a rule, any large-scale political developments, including the enforced change of power have negative consequences also. These include growing unemployment, inflation, rising prices for food products, weak, and almost stagnating economy; security problems of the country citizens increased in recent years. The absence of effective power hinders the development of the economy, that is confirmed by the indicators of post-revolutionary years, which are not in favor of the new government.

After the revolution, the country governance system has not been radically changed, even in spite of the adoption of the Constitution of 2010, which legally enshrined a parliamentary form of governance.

The new government has not been able to implement declared reforms in the field of decentralization, provision of services to the population, administrative management, law enforcement and judicial systems. Reforms in the system of law enforcement bodies and the judicial power were launched, but virtually failed. Other reforms have not even begun, because the authorities were completely unprepared for them.

Analysis of the situation of the post-revolutionary period in the Kyrgyz Republic has identified a lot of pending and, often, not solvable problems. We should also add to the above the increased ethno-nationalism, which has been spread among both the political elite of the republic and among some part of the Kyrgyz population.

Atmosphere of total intolerance and state-supported public antagonism against objective information about the June events is prevailing. The same attitude is manifested in respect of the activities of human rights defenders, lawyers, journalists and various international institutions that have participated in the protection of the rights of victims (Ismoilov, 2014: 3).

This situation can be recognized as a crisis, and this crisis has been brewing up for more than a year. One more serious symptom of this prolonged crisis in the republic is the fact that citizens preferred to act in resolving their problems not in accordance with the laws of modern state, but according to the concepts of feudal society, they preferred to settle the case on their own rather than appeal to corrupted law enforcement system of the state. A large number of cases, where problems were resolved by illegal methods, became, sadly, a clear evidence of the spread of «lawlessness» in the republic (Shamenov, 2013: 11). Moreover, the trend of ignoring laws and resolving any problems by rallies, demonstrations, blocking strategic roads, leading people on riots, and etc. is widespread in the society, and such things are taking place in our reality, we cannot talk about the rule-of-law state.

At the present stage of development of Kyrgyzstan there is an extreme lack of control in the field of management of political, economic and social processes taking place in the country, and in control in the government machine itself, in its internal controls also. Such negative factors as the separation of parties on a regional basis, pretensions and ambitious claims of those political parties that failed to gain representation in the parliament, presence of former regime public figures among the members of the ruling parties, strength-

ening and dissemination of religious extremism contribute to further destabilization of the socio-political situation in the Kyrgyz Republic.

The tragic June events in our republic showed that the Uzbek factor cannot, and must not become a destabilizing factor in the region. More likely, here the threat is represented by the regions of the periphery, where the radical moods spread, new non-traditional threats and challenges emerge, which can be provoked due to claims to resources in the center (Ismadiyarov, 2012: 127).

But there is a hope that for the last period, after all the trials faced by the citizens of Kyrgyzstan, the society formed the need for alternative lifestyle (without armed conflicts, without the permanent threats and riots), and new social strata aimed at the building of a peaceful and prosperous society.

What are the prospects for the development of Kyrgyzstan in this case?

We should be aware that the threat of unrests in the Republic has not been yet removed, that there are many problems to be resolved. And these factors determine the prospects of development of Kyrgyzstan.

If the leaders of the republic, including the Zhogorku Kenesh and the President, does not resolve the problems described previously, it's likely that a new wave of unrest and violence in the country can rise, which will be provoked by both disaffected politicians and part of the population dissatisfied with the situation. Historically, the stability in the society, its prosperity depended on political leaders (present and future), on how they realized the fact that every short-sighted and politically immature act, non-conscious political responsibility can destabilize the country, bring it to the next conflict situation, which will manifest itself in riots, ethnic feuds, and destabilization in all spheres of society.

To avoid such risks, we should very competently and professionally manage the state government structures.

The President should pursue very correct and diplomatic policies, make political compromises, and build relationships with his political rivals through dialogue and agreements, as well as make compromises that can preserve a majority coalition in the parliament (Bolponova, 2015). He must learn to use the mechanism of manipulation of individual politicians, taking into account the actual and potential leaders, as well as very authoritative «shadow» figures, the so-called «gray cardinals»...

Another important factor in improving the political situation in the country and enhancing the state governance can be a high degree of awareness of the political leaders of their historical responsibility for the future of the country. This means, first and foremost, the possession of competent technologies of political leader, which is reflected in the culture, etiquette, ability to serve as an example of lawfulness, civic responsibility, respect for the laws and orders, respecting the requirements to morality standards commonly accepted in the society, steadfast and consistent protection of national and state interests.

Some political analysts see the only real prospect for changing the situation in the country in the formation of a new – much stronger and actually democratic – opposition movement of civil forces (Shamenov, 2013: 34). Such a movement should cope with a task of establishing political monitoring of the actions of the authorities; have universal support of the population, which will ensure the successful political struggle at the next election to

the Zhogorku Kenesh, in order to achieve the actually legitimate, representative parliamentary majority. Thus, there will take place a legitimate change of not just power but change of the today's extremely inefficient political establishment, or, at least, its unjustified monopoly on power will be destroyed. In case of success, a new generation of politicians must restore fairness and efficiency of the state power, redirect its resources towards implementation of real reforms, radical improvement of the situation in the republic and adoption of decisive measures for comprehensive modernization of the republic. But it should be noted that regardless of political events, the main state mechanisms of government with appropriate political institutions formed in the country. Kyrgyzstan is a recognized actor in international relations, having a legitimate right to response to challenges and threats of the modern world.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдрахманов Т.А. О революционном синдроме. В кн.: Роль и историческое значение Апрельской революции в современной истории Кыргызстана: сборник материалов внутриуниверситетской научно-практической конференции. Бишкек: Кыргызский государственный университет им. И.Арабаева, 2014. С. 124–127.

Болпонова А. Апрельские события 2010 года в Кыргызстане, 12 октября 2015.. URL: <http://kk.convdocs.org/docs/>

Исмоилов С. Июньские события 2010 года в Кыргызстане: последствия и отголоски, 15 марта 2014. URL: <http://unhcr.org.ua/img/uploads>

Исматияров У. Проблемы и перспективы развития политической системы стран Центральной Азии. Москва, 2012.

Овсянников Н. Трагедии и истории государств Юго-Восточной Азии. Москва, 2001.

Шаменов Н. Безопасность и ее формы в условиях революции. Алматы, 2013.

REFERENCES

Abdrakhmanov, T.A. (2014). O revoliucionnom sindrome [About the revolutionary syndrome]. In: *Rol' i istoricheskoe znachenie Aprel'skoj revolyucii v sovremennoj istorii Kyrgyzstana: sbornik materialov vnutriuniversitetskoj nauchno-prakticheskoy konferencii.*, [The role and the historical significance of the April revolution in the modern history of Kyrgyzstan: proceedings of the Interuniversity scientific and practical conference]. Bishkek: Arabaev Kyrgyz State University.

Bolponova, A. (2015). Aprel'skiye sobytiya 2010 v Kyrgyzstane [April events of 2010 in Kyrgyzstan]. URL: <http://kk.convdocs.org/docs/>

Ismoilov, S. (2014). Iyun'skiye sobytiya 2010 goda v Kyrgyzstane: posledstviya i otgoloski [The June events of 2010 in Kyrgyzstan: consequences and repercussions], 15 March 2014. URL: <http://unhcr.org.ua/img/uploads>

Ismadiyarov, U. (2012). *Problemy i perspektivy razvitiya politicheskoy sistemy stran Centralnoj Azii* [Problems and prospects of development of political system of Central Asian countries]. Moscow.

Ovsyannikov, N. (2001). *Tragedii v istorii gosudarstv Yugo-Vostochnoj Azii* [Tragedies in the history of South Asian states]. Moscow.

Shamenov, N. (2013). *Bezopasnost' i ee formy v usloviyah revolyucii* [Safety and its forms in the terms of revolution]. Almaty.

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY
AND STABILITY

УДК 338.2

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.А. Кайгородцев

<https://orcid.org/0000-0002-7410-7383>

*Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан,
e-mail: kay-alex@mail.ru*

Т.Ф. Кайгородцева

*Ярославский колледж индустрии питания, Ярославль, Россия,
e-mail: tanya19651@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-06

Рассматриваются вопросы обеспечения информационной безопасности экономических систем в условиях цифровой экономики. Переход к цифровой экономике, сопряженный с новым витком развития информационных систем и базирующихся на них технологических решений, является причиной возникновения новых вызовов в сфере обеспечения информационной безопасности. Цель статьи — исследование проблемы обеспечения информацион-

ной безопасности России в условиях перехода страны к цифровой экономике. Дана характеристика вызовов и угроз, препятствующих развитию цифровой экономики. Определены основные направления обеспечения информационной безопасности. Одним из инструментов защиты информации является криптография, технологии которой дают возможность идентифицировать и аутентифицировать объекты и субъектов информационных систем, а также ограничивать несанкционированный доступ к информационным ресурсам. Дано обоснование использования технологий Блокчейн в качестве инструмента обеспечения информационной безопасности хозяйствующих субъектов и национальной экономики в целом. На основе технологий Блокчейн можно создать систему программно-информационных и аналитических средств, позволяющих с высокой степенью адаптивности, надежности и окупаемости решать различные задачи, предусмотренные Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. Однако для расширения применения этих технологий требуется устранение присущих им недостатков и создание правовой основы для их использования.

Ключевые слова: *цифровая экономика, информационная безопасность, высокие технологии, угрозы безопасности, обеспечение безопасности*

PROBLEMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

A.A. Kaigorodtsev

 <https://orcid.org/0000-0002-7410-7383>

*S. Amanzholov East Kazakhstan state University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan,
e-mail: kay-alex@mail.ru*

T.F. Kaigorodtseva

*Yaroslavl College of food industry, Yaroslavl, Russia,
e-mail: tanya19651@mail.ru*

The article deals with the issues of ensuring information security of economic systems in the digital economy. The transition to the digital economy, coupled with a new round of development of information systems and technological solutions based on them, is the cause of new challenges in the field of information security. The purpose of the article is to study the problem of ensuring information security in Russia in the context of the country's transition to a digital economy. The article describes the challenges and threats that hinder the development of the digital economy. The directions of ensuring information security in the digital economy are defined. One of the tools for information protection is cryptography, which technologies allow you to: identify and authenticate objects and subjects of information networks; control / differentiate access to local network resources and off-network

services; ensure data integrity. The use of Blockchain technologies is a promising direction for ensuring information security of economic entities and the national economy as a whole. Based on Blockchain technologies, it is possible to create a system of software, information and analytical tools that allow for a high degree of adaptability, reliability and payback to solve various tasks provided for by the national security Strategy of the Russian Federation. However, expanding the use of these technologies requires addressing their inherent shortcomings and creating a legal framework for their use.

Keywords: *digital economy, information security, high technology, security threats, security maintenance*

Введение

В настоящее время в развитых странах мира происходит трансформация парадигмы обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, осуществляется переход к развитию инновационного процесса на основе глобальных сетей научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, формирование инновационной инфраструктуры сетевого типа, включающей виртуальные сетевые информационные альянсы, стратегические технологические платформы, инновационные кластеры и т.п. Для промышленной революции XXI в. характерны конвергенция технологий, стирание границ между физическими, биологическими и цифровыми сферами, возникновение аддитивного производства, развитие систем облачных вычислений и кибернетической безопасности (Филин & Якушев, 2018).

Это свидетельствует о переходе к цифровой экономике, которая, с одной стороны, способствует повышению эффективности общественного производства, уровня и качества жизни населения, но, с другой стороны, сопряжена с новыми вызовами и угрозами в информационной сфере. Государства, преступные сообщества, террористические и экстремистские организации, юридические и физические лица все чаще используют возможности трансграничного оборота информации и современных информационных технологий для достижения своих геополитических, военных, террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей, нанося тем самым ущерб интересам государств, организаций и населения в информационной сфере.

В связи с этим необходимо постоянно совершенствовать деятельность по обеспечению *национальной информационной безопасности*, под ней следует понимать состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие страны, оборона и безопасность государства¹.

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г., № 646. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>

В Доктрине информационной безопасности РФ приведен перечень угроз информационной безопасности страны в различных сферах жизни и деятельности:

1. Внешние угрозы:

- применение странами Запада информационных технологий для ослабления национального суверенитета России, нарушения ее экономической и социально-политической стабильности и территориальной целостности;
- компьютерные атаки зарубежных спецслужб и террористических организаций на объекты критической информационной инфраструктуры;
- использование развитыми странами технологического превосходства для доминирования в информационном пространстве;
- усиление международной конкуренции в сфере информационных технологий и ресурсов;
- компьютерные преступления, в том числе транснациональные, в кредитно-финансовой сфере;
- возможность отключения в условиях применения странами Запада антироссийских экономических санкций финансовых институтов РФ от международных платежных систем и зарубежных автоматизированных информационных систем оформления воздушных перевозок.

2. Внутренние угрозы:

- зависимость экономики РФ от импорта электронных компонентов информационных технологий;
- недостаточно высокий уровень внедрения в производство отечественных результатов научных исследований в области информационных технологий;
- разглашение персональных данных граждан в процессе их обработки с использованием информационных технологий и др.

По мере развития цифровой экономики существенно возрастает вероятность реализации перечисленных угроз. Это свидетельствует об актуальности темы настоящей статьи, целью которой является исследование проблемы обеспечения информационной безопасности России в условиях перехода страны к цифровой экономике.

Теоретической и методологической основой исследования послужили государственные программные документы и работы российских ученых по проблемам формирования цифровой экономики и обеспечения национальной информационной безопасности. В процессе исследования применялись методы экономической логики, анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрактно-логический и монографический методы изучения социально-экономических явлений и процессов.

Результаты исследования

Цифровая экономика — это экономическая система, в которой ключевым фактором производства являются оцифрованные данные, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых позволяют существенно повысить эффективность общественного производства.

В условиях цифровой экономики ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности являются данные в цифровой форме.

Программа перехода РФ к цифровой экономике предусматривает широкое использование: больших данных; нейротехнологий и искусственного интеллекта; системы распределенного реестра; квантовых технологий; новых производственных технологий; промышленного интернета; робототехники и сенсорики; беспроводной связи; технологий виртуальной и дополненной реальностей¹.

В случае успешной реализации программы перехода России к цифровой экономике возможен существенный рост эффективности общественного производства:

- повышение производительности труда на 40–45%;
- сокращение времени простоя оборудования на 30–50%;
- уменьшение складских расходов на 20–50%;
- сокращение сроков вывода новых товаров на рынок на 20–50%;
- повышение точности прогнозирования объемов продаж до 85% и более.

Вместе с тем массовое внедрение высоких технологий в течение ближайших пяти лет может привести к сокращению 7 млн рабочих мест, которые будут замещены 2 млн вакансий в новых сферах экономической деятельности (Бабкин и др., 2017).

По удельному весу цифровой экономики в ВВП, равному 3,9%, Россия значительно уступает США (10,9%), КНР (10,0%) и странам ЕС (8,2%) (Капанова, 2018).

В России развитию цифровой экономики препятствуют следующие вызовы и угрозы:

- возможность нарушения прав человека в информационной сфере, в том числе при идентификации² и обеспечении сохранности цифровых данных пользователя;
- угрозы личности, хозяйствующим субъектам и государству, связанные с тенденциями к построению сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, широко использующих виртуализацию, облачные хранилища данных, а также разнородные технологии связи;
- наращивание возможностей внешнего информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру, в том числе на критическую информационную инфраструктуру;
- значительное увеличение масштабов киберпреступности;
- отставание от ведущих зарубежных стран в развитии информационных технологий;
- зависимость уровня развития экономики и социальной сферы от экспортной политики зарубежных стран;
- неэффективность научных исследований, связанных с разработкой перспективных информационных технологий, низкий уровень внедрения в производство

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

² Идентификация — установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков; соотнесение человека с его цифровым образом, опознание.

разработок российских ученых, нехватка квалифицированных специалистов в сфере обеспечения информационной безопасности¹.

Цифровизация экономики сопряжена с ростом угроз безопасности личности, общества и государства в информационной сфере, так как использование современных компьютерных технологий делает возможным:

- ограничение прав граждан на тайну переписки и телефонных переговоров;
- сбор информации о пользователях сети Интернет для использования ее как в коммерческих, так и в политических (например, манипулирование общественным мнением для того, чтобы вызвать массовые беспорядки, «цветные революции») целях;
- промышленный шпионаж. Так, в 1994 г. благодаря информации, полученной системой глобального контроля телекоммуникаций «Эшелон», управление которой осуществляет Агентство национальной безопасности США, был сорван контракт на покупку Саудовской Аравией французских самолетов, в результате чего выгодоприобретателем стала американская компания (Лопатин, 2008: 56–57);
- существенный рост киберпреступности. За 3 года, предшествующих принятию программы цифровизации российской экономики, количество преступлений в цифровой среде возросло на 75%². В 2018 г. В России было выявлено 4,3 млрд компьютерных воздействий на критически важную инфраструктуру, что на 79% превышает уровень предыдущего года (2,4 млрд). При этом затраты предприятий среднего бизнеса, связанные с ликвидацией отрицательных последствий одного инцидента, составили около 1,6 млн руб., а на предприятиях крупного бизнеса — 16,1 млн руб. (Махалина & Махалин, 2020: 134);
- отключение российских банков от глобальной системы электронных платежей SWIFT, приводящее к затруднениям при осуществлении экспортно-импортных операций (Лесных, 2015).

Несмотря на то что информационная безопасность является существенным фактором обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, результаты обследования в 2017 г. 248 российских компаний свидетельствуют о том, что 40% из них не имеют стратегии обеспечения информационной безопасности, в 50% организаций отсутствуют планы реагирования на угрозы информационной безопасности, у 48% предприятий отсутствуют программы обучения сотрудников, направленные на повышение уровня информационной безопасности бизнеса (Удалов, 2018).

Одним из перспективных способов защиты информации является криптография, технологии которой позволяют:

- проводить идентификацию и аутентификацию³ объектов и субъектов информационных сетей;
- осуществлять контроль/разграничение доступа к информационным ресурсам;

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

² Там же. С. 7.

³ Аутентификация — процедура установления подлинности или соответствия.

- гарантировать целостность баз данных (Хочуева и др., 2018).

В настоящее время шифрование данных осуществляется по американским сертификатам безопасности. В случае отзыва сертификатов их владельцами произойдет рассекречивание информации, хранящейся на различных сайтах.

Российские криптографические алгоритмы достаточно надежны. Они одобрены специальным комитетом Международной организации по стандартизации. Однако крупнейшие мировые IT-корпорации отказываются от использования этих алгоритмов (Хочуева и др., 2018). В связи с этим компетентным государственным органам необходимо принимать решительные меры по переходу российских организаций на отечественное шифровальное программное обеспечение.

По мнению ряда экспертов (Бауэр, 2017; Горулев, 2018), в условиях цифровой экономики использование технологий Блокчейн (blockchain) является одним из перспективных инструментов решения различных задач обеспечения национальной безопасности.

Результаты исследований В.П. Бауэра свидетельствуют о том, что на основе трех сетевых технологий — криптовалют (Блокчейн 1.0), смарт-контрактов (Блокчейн 2.0) и приложений (Блокчейн 3.0) — можно создать систему программно-информационных и аналитических средств, позволяющих с высокой степенью адаптивности, надежности и окупаемости решать такие задачи Стратегии национальной безопасности РФ¹, как:

- укрепление обороноспособности страны;
- обеспечение государственной и общественной безопасности;
- повышение уровня и качества жизни населения;
- обеспечение устойчивого экономического роста;
- развитие образования, науки, технологий, здравоохранения и культуры;
- рациональное природопользование и др. (Бауэр, 2017: 155).

Данные технологии, в частности, могут применяться при обеспечении информационной безопасности хозяйствующих субъектов. Это объясняется тем, что она обладает следующими характеристиками:

- неизменность предыдущих записей является гарантией невозможности их фальсификации;
- децентрализованность, обеспечивающая простоту и надежность хранения информации;
- криптографичность, обуславливающая надежность защиты информации от несанкционированного доступа;
- возможность существенного сокращения стоимости транзакций вследствие замены традиционного хозяйственного договора смарт-контрактом (Горулев, 2018: 82–83).

Вместе с тем технологии Блокчейн позволяют участникам транзакций:

- сохранять конфиденциальность при проведении операций с криптовалютами, что делает возможным мошенничество, финансирование терроризма, отмывание доходов, полученных преступным путем, и т. п.;

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669

- получать дополнительную доходность в результате проведения регулятивного арбитража;
- получать спекулятивный доход.

Кроме того, пользователи технологии Блокчейн в настоящее время сталкиваются с существенными технологическими ограничениями (например, длительность подтверждения транзакций, высокий уровень энергетических затрат и т.п.) (Горулев, 2018: 84).

Для обеспечения информационной безопасности необходимо активизировать подготовку кадров по информационной безопасности, а также обучать население способам защиты информации. Для этого планируется открытие массовых онлайн-курсов, развитие системы сертификации специалистов в области информационной безопасности, включение дисциплины «Информационная безопасность» в World Skills Russia (Старостина & Хохлов, 2018).

В условиях цифровой трансформации обеспечение информационной безопасности России предполагает решение следующих задач:

- выявление угроз информационной безопасности, причин и условий, способствующих их реализации;
- предотвращение утечки информации путем исключения несанкционированного доступа или воздействия на нее;
- мониторинг и анализ информационного пространства в целях выявления уязвимости информационных активов;
- комплексное использование методов и средств защиты компьютерных систем в целях нейтрализации угроз информационной безопасности;
- обеспечение единства, устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры РФ на всех уровнях информационного пространства;
- юридическая и организационная защита интересов личности, предпринимательских структур и государства;
- создание условий для увеличения объемов экспорта российских технологий информационной безопасности, а также учет национальных интересов в международных документах по вопросам информационной безопасности;
- применение отечественных технологий обеспечения целостности, конфиденциальности, аутентичности и доступности передаваемой информации и процессов ее обработки;
- преимущественное использование российского программного обеспечения и оборудования;
- государственная поддержка российских товаропроизводителей продуктов и услуг информационно-компьютерных технологий, осуществляющих патентование за рубежом;
- расширение использования технологий защиты информации на основе российских криптографических стандартов;
- предотвращение специальных воздействий, приводящих к разрушению, уничтожению, искажению информации либо к сбоям в работе информационных систем;

- минимизация и локализация ущерба от реализации угроз информационной безопасности (Хочуева и др., 2018).

Реализация мероприятий по обеспечению информационной безопасности хозяйствующих субъектов сопряжена с существенными затратами. Однако в настоящее время отсутствует научное обоснование уровня этих затрат. Одни эксперты считают, что крупные коммерческие организации должны расходовать на обеспечение своей информационной безопасности 1% совокупной годовой выручки от реализации продукции (работ, услуг), в то время как, по мнению специалистов IDC¹, инвестиции в информационную безопасность должны составлять 9,8-13,7% от общего бюджета IT-компаний (Махалина & Махалин, 2020: 137).

Заключение

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Осуществляемый в России переход к цифровой экономике, целью которого является существенное повышение эффективности общественного производства, сопряжен с усилением угроз национальной информационной безопасности.
2. Обеспечение информационной безопасности России предполагает решение следующих задач: выявление угроз информационной безопасности; предотвращение утечки конфиденциальной информации и действий конкурентов, криминальных структур и т.п., приводящих к уничтожению или искажению информации либо к сбоям в работе информационных систем; систематический мониторинг и анализ информационного пространства; комплексное использование методов и средств защиты компьютерных систем; обеспечение единства, устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; занятие Россией лидирующих позиций в мировом информационном пространстве; преимущественное применение отечественных информационных технологий и программного обеспечения и оборудования; использование технологий защиты информации с использованием отечественных криптографических стандартов; минимизация и локализация ущерба от реализации угроз информационной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития. Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки, 2017, 10 (3), 9–25.

Бауэр В.П. Применение Блокчейн-технологии в разработке информационно-аналитической системы обеспечения национальной безопасности. В кн.: Стратегия экономической безопасности России: новые ориентиры развития. Сборник научных трудов I научно-практической конференции «Сенчаговские чтения». М.: Институт экономики РАН, 2017. С. 152–155.

¹ IDC — ведущий поставщик информации и консультационных услуг, организатор мероприятий на рынках информационных технологий, телекоммуникаций и потребительской техники.

Горулев Д.А. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики // Техно-технологические проблемы сервиса, 2018, 1 (43), 77–84.

Капранова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития. Экономика. Налоги. Право, 2018, No. 2, 58–69.

Лесных Ю.Г., Повойко И.В. Риски и угрозы экономической безопасности России со стороны мирового финансового рынка в новых геэкономических условиях. Вестник КубГАУ, 2015, 112 (08), 1462–1474.

Лопатин Ю.Н. Информационная безопасность в России. Проблемы, поиски решений. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири, 2008, No. 2, 51–57.

Махалина О.М., Махалин В.Н. Цифровизация бизнеса увеличивает затраты на информационную безопасность. Информационные технологии в управлении, 2020, No. 1, 134–140.

Старостина Е., Хохлов А. Взгляд в будущее: система образования и воспитания кадров, успешно отвечающая на вызовы цифровой экономики. Информационная безопасность, 2018, No. 5. URL: <https://lib.itsec.ru/articles2/job/vzglyad-v-buduschee-sistema-obrazovaniya-i-vospitaniya-kadrov--uspeshno-otvechayuschaya-na-vyzovy-tsifrovooy-ekonomiki> (дата обращения: 28.07.2020).

Удалов Д.В. Угрозы и вызовы цифровой экономики. Экономическая безопасность и качество, 2018, 1 (30), 12–18.

Филин С.А., Якушев А.Ж. Организационно-управленческие инновации как основа цифровой экономики. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2018, 14 (7), 1319–1332.

Хочуева Ф.А., Шугунов Т.Л., Жуков А.З., Ингушев Ч.Х. Информационная безопасность сквозь призму цифровой экономики. Современные наукоемкие технологии, 2018, 11 (1), 65–71.

REFERENCES

Babkin, A.V., Burkaľceva, D.D., Kosten', D.G., Vorob'ev, Yu.N. (2017). Formirovanie cifrovoj ekonomiki v Rossii: sushchnost', osobennosti, tehnikeskaya normalizaciya, problemy razvitiya [Formation of digital economy in Russia: nature, peculiarities, technical formalization, problems of development]. Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. *Ekonomicheskie nauki* [Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic Sciences], vol. 10, no. 3, 9–25.

Bauer, V.P. (2017). Primenenie Blokchejn-tehnologii v razrabotke informacionno-analiticheskoj sistemy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Blockchain technologies in the elaboration of the informational and analytical system of the national security]. In: *Strategiya ekonomicheskoj bezopasnosti Rossii: novye orientiry razvitiya: Sbornik nauchnyh trudov I nauchno-prakticheskoy konferencii «Senchagovskie chteniya»* [Strategy of economic security of Russia: new development thrusts: collection of scientific works of the I scientific and practical conference «Senchagov readings»] (pp. 152–155). Moscow: Institut ekonomiki RAN.

Gorulev, D.A. (2018). Ekonomicheskaya bezopasnost' v usloviyah cifrovoj ekonomiki

[Economic security in a digital economy] *Tehniko-tehnologicheskie problemy servisa* [Technical and technological issues of service], 1 (43), 77–84.

Kapranova, L.D. (2018). Cifrovaya ekonomika v Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Digital economy in Russia: state of the art and perspectives of development]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], no. 2, 58–69.

Lesnyh, Yu.G., Povojko, I.V. (2015). Riski i ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii so storony mirovogo finansovogo rynka v novykh geoekonomicheskikh usloviyakh [Risks and threats of economic security of Russia from global financial market in the contemporary geo-economic conditions]. *Vestnik KubGAU* [Scientific journal of KubSAU], 112 (08), 1462–1474.

Lopatin, Yu.N. (2008). Informacionnaya bezopasnost' v Rossii. Problemy, poiski reshenij [Information security in Russia: problems and search for solutions]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri* [Humanities Research in the Russian Far East], no. 2, 51–57.

Mahalina, O.M., Mahalin, V.N. (2020). Cifrovizaciya biznesa uvelichivaet zatraty na informacionnuyu bezopasnost' [Digitalization of business increases expenditure on information security]. *Informacionnyye tehnologii v upravlenii* [Information technologies in management], no. 1, 134–140.

Starostina, E., Hohlov, A. (2018). Vzglyad v budushchee: sistema obrazovaniya i vospitaniya kadrov, uspešno otvechayushchaya na vyzovy cifrovoj ekonomiki [Future outlook: system of education and human resources development responding to the challenges of digital economy]. *Informacionnaya bezopasnost'* [Information security], no. 5. URL: <https://lib.itsec.ru/articles2/job/vzglyad-v-budushee-sistema-obrazovaniya-i-vospitaniya-kadrov--uspešno-otvechayuschaya-na-vyzovy-tsifrovoy-ekonomiki> (accessed 28 July 2020).

Udalov, D.V. (2018). Ugrozy i vyzovy cifrovoj ekonomiki [Treats and challenges of digital economy]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo* [Economic security and quality], 1(30), 12–18.

Filin, S.A., Yakushev, A.Zh. (2018). Organizacionno-upravlencheskie innovacii kak osnova cifrovoj ekonomiki [Organizational and management innovations as a basis for digital economy]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2018, vol. 14, no. 7, 1319–1332.

Hochueva, F.A., Shugunov, T.L., Zhukov, A.Z., Ingushev, Ch.H. (2018). Informacionnaya bezopasnost' skvoz' prizmu cifrovoj ekonomiki [Information security through the prism of the digital economy]. *Sovremennye naukoemkie tehnologii* [Advanced science-intensive technologies], 11 (1), 65–71.

УДК 316.653

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОВЫШЕНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

К.Е. Косыгина, <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>**В.С. Каминский** <https://orcid.org/0000-0002-1418-9401>

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
e-mail: sene4ka.87@mail.ru, fbcde56b@yandex.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-07

Участие граждан в выборах — наиболее доступный и эффективный механизм влияния общества на политическую систему. Однако в настоящее время для России, и в частности для Вологодской области, характерна проблема абсентеизма (отказа от участия в выборах), что актуализирует задачу определения путей повышения электоральной активности граждан. Одним из таких способов может быть деятельность некоммерческих организаций. В соответствии с этим цель исследования заключается в определении роли некоммерческих организаций в повышении электоральной активности граждан. Информационную базу исследования составили законодательные источники, данные официальной статистики, данные социологических опросов: регулярного мониторинга общественного мнения жителей Вологодской области (n = 1500) и экспертного опроса руководителей некоммерческих организаций (n = 35). Основные методы: системный, сравнительный, статистический и социологический анализ. Ключевые результаты проведенного исследования состоят в следующем: определена доминирующая форма абсентеизма в регионе (дистанцирование от власти, а не ее «молчаливое одобрение»); установлено, что деятельность НКО положительно влияет на электоральную активность граждан; сформулирован ряд рекомендаций для органов власти, а также для самих некоммерческих организаций по привлечению НКО к избирательному процессу.

Ключевые слова: электоральная активность, абсентеизм, избирательный процесс, мобилизация избирателей, некоммерческие организации

ROLE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN INCREASING ELECTORAL ACTIVITY OF CITIZENS

K.E. Kosygina

 <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

V.S. Kaminsky

 <https://orcid.org/0000-0002-1418-9401>

*Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
Email: sene4ka.97@mail.ru, fbcde56b@yandex.ru*

Citizens participation in elections is the most accessible and effective mechanism for society's influence on the political system. However, the problem of absenteeism (refusal to participate in elections) is currently characteristic for Russia and in particular for the Vologda region, which actualizes the task of determining ways to increase the electoral activity of citizens. One of these methods may be the activities of non-profit organizations. The purpose of the study is to determine the role of non-profit organizations in increasing the electoral activity of citizens. The information base of the study are legislative sources, official statistics, data from sociological surveys: regular monitoring of public opinion of residents of the Vologda region (N = 1500) and an expert survey of heads of non-profit organizations (N = 35). Main methods: system, comparative, statistical and sociological analysis. The key results of the study are as follows: the dominant form of absenteeism in the region is identified (distancing from the government, not its "tacit approval"); it is established that the activities of NPOs have a positive impact on the electoral activity of citizens; a number of recommendations have been formulated for authorities, as well as for non-profit organizations themselves, to involve NPOs in the electoral process.

Keywords: *electoral activity, absenteeism, electoral process, voter mobilization, non-profit organizations*

Введение

Исследование активности избирателей в Российской Федерации представляет собой актуальную тему, так как выборы — это один из важнейших институтов демократического общества. Выборы являются наиболее доступным и эффективным механизмом влияния граждан на сложившуюся систему государственного управления, действенным каналом связи между обществом и государством. Выборы выступают инструментом, помогающим населению доносить свои запросы до государства. Один из основателей теории общественного выбора W. Riker постулировал, что «насуточно необходимым демократическим институтом является избирательная урна и все, что с ней связано» (Riker, 1980).

Помимо этого, электоральная активность, или электоральное участие, — наиболее популярная и традиционная форма политического поведения. Другие виды политической деятельности (участие в политических партиях, в митингах, заба-

стовках и т.д.) распространены в гораздо меньшей степени. Например, по данным опроса Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН), в 2019 г. в выборах губернатора приняли участие 40,5% граждан, в то время как в других мероприятиях общественной и политической жизни — около 20%. Вместе с тем в стране происходит снижение избирательной явки: на выборах в Государственную Думу в 2016 г. участвовало 48% граждан, в то время как в 2011 г. — 60%, а в 2007 г. — 64%.

На наш взгляд, в качестве эффективного инструмента для увеличения явки населения на выборы и совершенствования избирательного процесса федерального и регионального уровня можно рассматривать некоммерческие организации (далее — НКО).

Таким образом, рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: деятельность некоммерческих организаций может оказывать влияние на повышение электоральной активности граждан.

Цель исследования заключается в определении роли некоммерческих организаций в повышении электоральной активности граждан.

Материалы и методы

В информационную базу исследования вошли: законодательные источники; труды ведущих отечественных и зарубежных ученых по проблемам электоральной активности граждан и роли НКО в ее повышении; статистические данные ЦИК РФ и Избирательной комиссии Вологодской области (сведения о явке и распределении голосов), Росстата, Вологдастата. Кроме того, в работе использовались данные социологических опросов: регулярного мониторинга общественного мнения жителей Вологодской области ($n=1500$)¹ и экспертного опроса руководителей некоммерческих организаций ($n=35$).

Работы отечественных ученых, посвященные электоральной активности, в основном базируются на теоретико-методологической основе, разработанной западными коллегами. В современной российской науке значительное внимание уделяется манипулированию политическим сознанием избирателей, использованию политической рекламы, конкретней — механизмам воздействия на электоральную активность (О.В. Захаров, В.Ф. Ковров, А.В. Шумилов). Отдельным предметом внимания политологии, социологии и других наук является проблема абсентеизма молодежи (К.Г. Холодковский, А.В. Бетехина, Р.А. Каримов, А.А. Хвостов и т.д.).

Несмотря на большое количество исследований электоральной активности в России, ощущается острый дефицит в методологических обобщениях и методиче-

¹ На территории Вологодской области с 1996 г. осуществляется мониторинг общественного мнения. Периодически в него включаются вопросы об участии населения в выборах. Авторы взяли для исследования две волны опроса, предшествующие президентским выборам 2018 г., в который были включены подобные вопросы (октябрь 2018 — февраль 2018 г.). Мониторинг проводится шесть раз в год в городах Вологда и Череповец и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 3%.

ских приемах социологического анализа. Можно сказать, что на сегодняшний день электоральная активность остается одной из самых малоизученных областей политической социологии.

Что касается роли некоммерческих организаций в повышении электоральной активности, то встречаются единичные работы ученых, изучающих преимущественно опыт участия граждан в составе НКО в качестве наблюдателей (Ю.А. Скокова, Н.Н. Седова, Л.И. Якобсон и др.). В исследованиях зарубежных авторов проблема влияния НКО на явку избирателей рассматривается в трудах В. McKeever, L. Staples, В. Rongitsch, К. LeRoux, К. Krawczyk, А. Gerber, D. Green и др.

Собранные данные обрабатывались и интерпретировались с помощью системного, сравнительного, статистического и социологического анализа.

Обсуждение и результаты

Электоральная активность граждан: тенденции и проблемы

Электоральная активность (электоральное участие) — участие граждан в избирательном процессе путем голосования. В политической науке сложилась традиция, согласно которой электоральное участие рассматривается отдельно от электорального поведения, под которым обычно подразумевается выбор избирателей при голосовании. В то же время многие социологи рассматривают электоральную активность в качестве одного из проявлений, первого этапа электорального поведения (Каминский, 2017). В данной работе внимание было сосредоточено на изучении электоральной активности.

Рассмотрение электоральной активности целесообразно начать с обзора теоретико-методологических подходов к данному явлению. Существует несколько теорий электоральной активности:

1. *Ресурсная (среднеуровневая) теория* рассматривает электоральную активность как результат воздействия социальных факторов: чем больше у человека социальных ресурсов, тем более активно он участвует в голосовании. По мнению авторов теории, это представители высшего и среднего классов, люди, имеющие высокий уровень образования (Verba, 1972). О.В. Захаров считает, что в России электоральная активность также напрямую зависит от материального положения и уровня образования. При этом исследователь добавляет такой фактор, как жизненный опыт (Захаров, 2011).
2. *Американская модель* (Wolfinger, Rosenstone, 1980). Электоральная активность определяется в первую очередь психологическими особенностями личности, ее мотивацией, предыдущим политическим опытом и политической культурой. Социально-демографические характеристики (пол, возраст, род занятий, доход, образование, семейное положение) играют гораздо меньшую роль. Частным случаем этой модели является теория мобилизации, объясняющая участие в выборах степенью вовлеченности в деятельность политических и общественных организаций. Как показывают исследования, наиболее активными являются граждане, являющиеся активистами или сторонниками политических партий, профсоюзов, различных социальных движений.

3. *Теория рационального выбора* (Downs, 1997). Согласно данной модели каждый гражданин, решая, прийти ему на выборы или нет, соотносит свои затраты и выгоды. Если затраты превышают выгоды от участия, то избиратель воздерживается от похода на избирательный участок.
4. *Комплексный подход*: электоральная активность граждан обусловлена множеством взаимосвязанных факторов (Franklin, 2004). По мнению М. Franklin, все эти факторы можно разбить на две большие группы. Первая группа — объективные факторы: обобщенные характеристики той или иной страны, того или иного региона, связанные с историческими и политическими условиями их развития (политические традиции, особенности политической системы, политический режим, правила электоральной игры, механизм политической мобилизации и т.д.). Вторая группа: субъективные факторы — индивидуальные и индивидуально-групповые особенности политического сознания и поведения (социальные характеристики, ценностные ориентации и мотивация поведения).

На наш взгляд, в настоящее время оптимальным является применение комплексного подхода.

Противоположное электоральному участию явление — абсентеизм (от лат. *absens, absentis* — отсутствующий; отказ от участия в выборах). Его распространенность ставит под сомнение легитимность выборов. Поэтому феномен абсентеизма является предметом пристального внимания ученых.

Для того чтобы определить глубину проблемы абсентеизма в России, был проведен межстрановой анализ электоральной активности. Для анализа были взяты 18 государств, в которых в 2018 г. состоялись выборы главы государства, и 33 государства, в которых в 2016 г. состоялись выборы в парламент. В зависимости от динамики электоральной активности на президентских выборах рассматриваемые государства образуют две равные группы: в девяти странах произошел ее рост (в среднем на 5,5 п.п.), в девяти — снижение (в среднем — на 8,5 п.п.; таблица 1). В целом в мире в 2018 г. явка на выборы главы государств снизилась на 1,5 п.п. Россия находится в группе стран, характеризующихся ростом электорального участия. Доля россиян, участвующих в президентских выборах, увеличилась по сравнению с предыдущей избирательной кампанией на 2,2 п.п., что существенно меньше, чем в среднем по данной группе (на 5,5 п.п.). Отметим, что прирост явки — один из самых несущественных: меньше он только в Черногории (0,1 п.п.). Тем не менее в 2018 г. Россия характеризуется относительно высоким уровнем электорального участия: 6–7-е место (делит с Парагваем) среди 18 стран. Уровень явки в России выше среднего значения на 5,9 п.п. и выше медианного на 3,7 п.п. (таблица 1). Во многом подобная относительно благоприятная ситуация связана с тем, что президент играет для россиян особую роль в системе управления (как из-за личного авторитета В. Путина, так и вследствие исторически сложившейся традиции надежды на национального лидера).

Мировая динамика участия в парламентских выборах менее благоприятна: количество государств, где этот показатель растет, в 1,8 раза меньше стран, имеющих противоположные тенденции (12% против 21%). Средний рост уровня явки

в 12 странах — 4,5, среднее снижение в 21 стране — 6,5 п.п. В целом по исследуемым странам электоральная активность снизилась на 2,7 п.п.

Таблица 1

Динамика явки на выборы глав государств, %*

Страна	Пред-последние выборы	Последние выборы	Динамика	Страна	Пред-последние выборы	Последние выборы	Динамика
Мексика	47 (2015)	63,5 (2018)	+16,5	Коста-Рика	62,4 (2014)**	62 (2018)**	-0,4
Турция	74,1 (2014)	86,2 (2018)	+12,1	Парагвай	68,6 (2013)	67,5 (2018)	-1,1
Колумбия	47,9 (2014)**	53,2 (2018)**	+5,3	Бразилия	79,8 (2014)	77,7 (2018)**	-2,1
Финляндия	70,8 (2012)**	75 (2018)**	+4,2	Египет	47,8 (2012)	40,1 (2018)	-7,7
Чехия	60,2 (2013)	64,3 (2018)**	+4,1	Кипр	82,4 (2013)**	72,9 (2018)**	-9,5
Босния и Герцеговина	50,1 (2014)	53,3 (2018)	+3,2	Мали	48,7 (2013)**	38,8 (2018)**	-9,9
Азербайджан	72,3 (2013)	74,5 (2018)	+2,2	Камерун	65,8 (2011)	53,9 (2018)	-11,9
Россия	65,3 (2012)	67,5 (2018)	+2,2	Венесуэла	79,7 (2013)	46 (2018)	-33,7
Черногория	63,9 (2013)	64 (2018)	+0,1	Среднее значение	63	61,6	-1,5
Грузия	47 (2013)	46,7 (2018)	-0,3	Медиан. значение	64,6	63,8	-0,3

* Включены страны, выборы в которых состоялись в 2018 г.

** Среднее за два тура выборов

Источник: составлено авторами по данным избирательных комиссий перечисленных стран

Снижение электоральной активности в России на парламентских выборах (на 12,3 п.п.) — одно из самых существенных. Явка в России в 2016 г. была на 14 п.п. ниже среднего значения по исследуемым странам и на 11,8 ниже медианного (таблица 2).

Избирательная активность не всегда напрямую отражает реальный уровень внутренней вовлеченности граждан в политику. Так, высокие показатели явки часто присущи странам, в которых существуют формальные или неформальные методы принуждения к участию в голосовании. В ряде государств соблюдается законодательство по обязательному голосованию¹. Определенная часть людей, пришедших на избирательные участки из-за опасений, что к ним будут приняты репрессивные меры,

¹ Австралия, Аргентина, Бразилия, Кипр, Эквадор, Лихтенштейн, Люксембург, КНДР, Науру, Перу, Сингапур, Уругвай.

или из-за нежелания платить штраф, может быть внутренне отчуждена от политики, равнодушна к результатам выборов. Уровень электоральной активности в государствах, исполняющих законодательство по обязательному голосованию, один из самых высоких. Например, по уровню избирательной явки на президентские выборы 2018 г. Бразилия находилась на 2-м месте (77,7%), Кипр — на 5-м (72,9%).

Таблица 2

Динамика явки на парламентские выборы в странах мира, %*

Страна	Пред-последние выборы	Последние выборы (2016)	Динамика	Страна	Пред-последние выборы	Последние выборы (2016)	Динамика
Сейшельские острова	74,3 (2011)	87,5	+13,2	ЦАР	61,2 (2011)	59,0	-2,2
Монголия	65,2 (2012)	72,5	+7,3	Исландия	81,4 (2013)	79,2	-2,2
Черногория	66,3 (2012)	73,3	+7	Кот-Д'Ивуар	36,6 (2011)	34,1	-2,5
Сирия	51 (2012)	57,5	+6,5	Сент-Люсия	56,1 (2011)	53,5	-2,6
Гонконг	53 (2012)	58	+5	Испания	69,7 (2015)	66,5	-3,2
Республика Корея	54,3 (2012)	58	+3,7	Сан-Марино	63,9 (2012)	59,7	-4,2
Сербия	53,1 (2014)	56,1	+3	Ирландия	70 (2011)	65,1	-4,9
Замбия	53,7 (2011)	56	+2,8	Иран	64,2 (2012)	58,5**	-5,7
Румыния	41,8 (2012)	39,5	+2,3	Хорватия	60,1 (2015)	52,6	-7,5
Казахстан	75,5 (2012)	77,1	+1,6	Грузия	59,8 (2012)	51,6	-8,2
Словакия	59,1 (2012)	59,8	+0,7	Гана	80 (2012)	68,6	-11,4
Беларусь	74,2 (2012)	74,7	+0,5	Кипр	78,7 (2011)	66,7	-12
Перу	81 (2011)**	80,9**	-0,1	Россия	60,2 (2011)	47,9	-12,3
Ямайка	50 (2011)	48,4	-1,6	Иордания	56 (2013)	37	-19
Лаос	99,7 (2011)	97,9	-1,8	Кабо-Верде	96,3 (2011)	66	-30,3
Уганда	70 (2011)	68,2	-1,8	Среднее значение	64,6	61,9	-2,7

Страна	Пред-последние выборы	Последние выборы (2016)	Динамика	Страна	Пред-последние выборы	Последние выборы (2016)	Динамика
Никарагуа	70 (2011)	68,2	-1,8	Медианное значение	63,9	59,7	-2,0
Марокко	45 (2011)	43	-2	* Включены страны, выборы в которых состоялись в 2016 г. ** Среднее за два тура выборов			

Источник: составлено авторами по данным избирательных комиссий перечисленных стран.

В России на выборах в Государственную думу 2016 г. по сравнению с предыдущими явка снизилась на 15,4 п.п. (с 56,3 до 40,9; таблица 3). На выборах регионального уровня электоральная активность также невысока: проголосовать за главу региона пришло менее половины вологжан — 41% (рисунок 1).

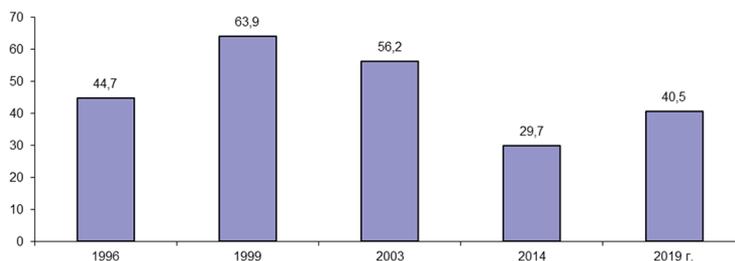

Рисунок 1 — Избирательная явка на выборах губернатора Вологодской области, %¹.

Источник: Данные Избирательной комиссии Вологодской области.

Таблица 3

Избирательная явка на выборах федерального уровня, %

Территория / год	Выборы Президента РФ						Изменение (+/-) 2018 к	
	1996*	2000	2004	2008	2012	2018	2012	1996
	Российская Федерация	69,4	68,7	64,4	69,8	65,3	67,5	+2,2
Вологодская область	68,3	71,1	62,4	66,9	61,7	66,2	+4,5	-2,1

¹ До 1996 г. Губернатор Вологодской области назначался Президентом РФ, в 1996–2004 гг. — избирался на демократических выборах, с 2005 по 2011 г. — назначался законодательным органом региона (ЗСВО), с 2012 г. — избирается на демократических выборах.

Выборы в Государственную Думу РФ

Территория / год	1995	1999	2003	2007	2011	2016	Изменение 2016 (+/-) к	
							2011	1995
Российская Федерация	64,8	61,9	55,6	63,7	60,1	47,8	-12,3	-17
Вологодская область	64,3	63,8	56,3	64,4	56,3	40,9	-15,4	-23,4

* Среднее за два тура.

Источник: Данные ЦИК РФ.

В муниципальных выборах также принимает участие менее половины жителей области. В 2018 г. в ходе избирательных кампаний в органы местного самоуправления лишь 39,5% жителей области реализовали свое активное избирательное право.

Таким образом, в целом для России характерна проблема абсентеизма. Президентские выборы, на которых уровень участия отвечает среднемировым стандартам, скорее являются исключением из правила.

Если рассматривать проблему абсентеизма как характеристику политической системы, отношение людей к власти, то можно выделить два основных его типа:

1. Форма молчаливого одобрения существующего порядка вещей — в ситуации, когда избиратель более-менее доволен политикой властей, несмотря даже на возможное недоверие к избирательной системе
2. Различные оттенки недовольства властями — от простого недоверия и избегания до осознанного неучастия как стратегии протестного поведения. Неучастие может стать одним из оснований критики власти («я эту власть не выбирал») либо способствовать делегитимизации властей и выборов путем снижения явки. В таком случае абсентеизм правомерно рассматривать не как бездействие, а как действие (протестного характера) (Баскакова, 2012).

Абсентеизм как форма протеста — это один из возможных путей несогласия населения с политикой правящей элиты. Другие способы выражения недовольства: поддержка оппозиционных партий и движений; протестное голосование; участие в протестных акциях. (От плебисцита к выборам..., 2013). По мнению специалистов ВЦИОМ и Института социологии РАН, именно неучастие, а не протестное голосование становится распространенным способом выражения недовольства граждан¹.

Во втором случае абсентеизм правомерно рассматривать как меру измерения степени политического отчуждения, существующего между властью и народом. Чем выше доля тех, кто не участвует в выборах, тем больше степень политического отчуждения.

Определению доминирующей формы абсентеизма на региональном уровне способствуют социологические опросы. В феврале 2018 г. декларируемая явка

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf

составляла 63%. Почти каждый пятый (18%) заявил, что точно или скорее всего не примет участия в голосовании. При этом реальная явка на выборах Президента РФ в марте 2018 г. была чуть больше — 66%.

Оценки деятельности власти. Жители области, склоняющиеся к участию в выборах, в большинстве своем одобряют деятельность президента (81%). Среди абсентеистов наблюдается равновесие положительных и отрицательных оценок (42% и 43% соответственно). Общественное мнение о деятельности других институтов федеральной и региональной власти характеризуется следующими особенностями. Среди активных избирателей преобладают позитивные оценки, хотя разрыв с отрицательными мнениями не настолько существен, как при оценке деятельности президента (в 1,3–1,9 раза). Напротив, среди тех, кто не участвует в голосовании, уровень неодобрения органов власти и должностных лиц существенно выше, чем уровень одобрения (в 2–2,6 раза). Суждения о работе органов местного самоуправления аналогичны. Доля положительных суждений о работе главы местной администрации в группе голосующих достигает 46%, что на 16 п.п. больше, чем доля отрицательных отзывов (30%), среди абсентеистов ситуация противоположна: уровень одобрения составляет 30%, неодобрения — 46%.

Среди абсентеистов по сравнению с участвующими в выборах в 6 раз меньше доля приверженцев партии власти — «Единой России» (9% против 54%). Напротив, удельный вес тех, чьи интересы не выражает ни одна из партий, в первой группе в 3,8 раза выше, чем во второй (65% против 17%). Добавим, что остальные партии, представляющие системную оппозицию (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»), не пользуются популярностью вне зависимости от решения об участии в голосовании. Среди тех, кто планировал реализовать свое избирательное право, удельный вес поддержки трех указанных партий составляет 22%, а среди абсентеистов — немногим меньше (15%). Таким образом, оценки деятельности власти среди абсентеистов более негативны, чем среди тех, кто планировал участвовать в выборах.

Оценка текущей ситуации в стране. Среди не участвующих в голосовании преобладают негативные оценки положения дел в стране, области и городе (районе) проживания (60–69 против 16–18%). В группе электоральных активистов доли тех, кто удовлетворен и не удовлетворен текущей ситуацией в стране и области, примерно одинаковы: удельный вес положительных оценок составляет 34–36%, отрицательных — 31–38%. Однако при оценке дел в своем населенном пункте среди голосующих доминируют негативные суждения (44 против 33%). В целом доля недовольных положением дел выше среди абсентеистов: при оценке ситуации в стране в 1,9 раза (60% против 31%), регионе — в 1,7 раза (66% против 38%), в городе (районе) проживания — в 1,6 раза (69% против 44%). Недовольство положением дел способствует формированию протестного потенциала (Дементьева, 2020)¹, уровень которого в 3,1 раза выше среди тех, кто не планирует идти на выборы (34% против 11%). В целом как абсентеисты, так и голосующие больше удовлетворены по-

¹ Потенциал протеста составляют люди, которые ответили на вопрос «Что вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

литической ситуацией, меньше — экономической. При этом среди не участвующих в выборах наиболее распространены негативные оценки российской и областной экономики (51–54%), в группе голосующих — средние (44–47%).

Заинтересованность политической жизнью в стране (по данным октября 2017 г.) В группе жителей области, участвующих в выборах, более половины (59%) в той или иной степени интересуются политической жизнью страны (целенаправленно следят за событиями либо имеют общее представление). Среди тех, кто игнорирует голосование, доля подобных ответов в 2,6 раза меньше (23%). Три четверти абсентеистов не интересуются политикой (75%).

Оценка материального положения. Более половины граждан, участвующих в голосовании, дают средние оценки своему материальному положению (56%) и относят себя к людям среднего достатка (51%; таблица 4). Среди абсентеистов преобладают негативные суждения о материальном положении (51%), большинство относит себя к «бедным» и «нищим» (64%).

Таблица 4

Оценка материального положения в группах, выделенных в зависимости от декларируемого участия в выборах, %

Вопрос	Варианты ответа	Идут на выборы	Не идут на выборы
Оценка материального положения	Хорошее и очень хорошее	12,7	8,8
	Среднее	55,9	30,3
	Плохое и очень плохое	23,7	50,7
	Затрудняюсь ответить	7,7	10,2
Социальная самоидентификация	Богатые, средний достаток	50,8	24,5
	Бедные и нищие	39,5	63,5
	Затрудняюсь ответить	9,7	12,0

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН за февраль 2018 г.

Анализ декларируемой явки и социального восприятия позволяет составить примерный среднестатистический портрет жителя Вологодской области, участвующего в выборах, и абсентеиста.

Жители Вологодской области, реализующие свое избирательное право, дают более позитивные оценки (в сравнении с абсентеистами). В этой группе доминируют одобрительные отзывы о деятельности органов власти и местного самоуправления; позитивные суждения о политической ситуации в области; более половины считают, что их интересы выражает «Единая Россия». Однако чаще в этой группе наблюдается либо равновесие положительных и отрицательных суждений, либо доминирование средних оценок.

Избиратель, не участвующий в выборах, — это человек, который в целом не одобряет деятельность органов федеральной (кроме президента), региональной власти и органов местного самоуправления; не ассоциирует себя ни с какой парти-

ей; не удовлетворен общим положением дел как в стране, так и на более низовом уровне (в области и городе/районе проживания). Большая часть абсентеистов характеризуют свое материальное положение как «плохое» и причисляют себя к категории «бедных» и «нищих». В отличие от «электоральных активистов», они более склонны участвовать в акциях протеста.

Таким образом, в целом проблема абсентеизма характерна для выборов как федерального уровня, так и регионального. Это видно по данным официальной статистики. Снижается избирательная явка на выборы в Государственную думу, а также на губернаторские выборы. Электоральная активность на муниципальных выборах в среднем по области не превышает 40%. Президентские выборы, характеризующиеся относительно высоким уровнем и благоприятной динамикой электорального участия, являются скорее исключением из правила. Это связано с особым статусом главы государства в России, его центральной ролью в системе государственного управления.

Некоммерческие организации как инструмент повышения электоральной активности граждан

Анализ электоральной активности населения показал, что в современных условиях обостряется проблема низкого участия граждан в избирательном процессе. Происходит рост абсентеизма, говорящий о разочаровании граждан в политической системе страны и недоверии к ее институтам, в том числе к выборам (Каминский, 2017). О снижении явки говорил и Президент РФ В.В. Путин в конце октября 2017 г. на заседании Совета по правам человека, призывая «работать с избирателями, показывать, насколько важны выборы любого уровня»¹.

Выполняя пожелания правительства и высшего должностного лица государства, органы власти, избирательные комиссии на протяжении уже многих электоральных циклов пытаются решить обозначенную проблему при помощи различных инструментов и методов, таких как опросы и референдумы в день выборов, призывы избирателям, агитация в учебных заведениях, манипуляторные соцопросы, приказы «сверху», поквартирные обходы, трансформация избирательного законодательства и др. Но, как показывает практика, данных мер недостаточно, население не проявляет интереса к выборам. На наш взгляд, в качестве эффективного инструмента для снижения абсентеизма и совершенствования избирательного процесса на выборах федерального и регионального уровня можно рассматривать деятельность некоммерческих организаций.

Однако, прежде чем обозначить роль НКО в повышении электоральной активности граждан, стоит уделить внимание определению и содержательным характеристикам этой категории организаций, учитывая российские особенности.

В законодательных источниках понятие «некоммерческая организация» впервые было утверждено Верховным Советом СССР в 1991 г., затем в 1994 г. закреплено в Гражданском кодексе². Основной регулирующий акт — федеральный

¹ Снижение явки на выборах характерно для всего мира, заявил Путин. URL: <https://ria.ru/20171030/1507845607.html>

² Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027

закон «О некоммерческих организациях» — был подписан в 1996 г. Согласно данному документу НКО признаются юридические лица, которые создаются для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, для охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Главная особенность — отсутствие в качестве основной цели своей работы извлечение прибыли¹.

Следует отметить, что в законодательстве оговариваются организационно-правовые формы НКО. Так, НКО могут осуществлять свою деятельность как общественные и религиозные организации (объединения), потребительские кооперативы, фонды, учреждения, некоммерческие партнерства, автономные некоммерческие организации, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы), государственные корпорации.

Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ общественным объединением признается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона № 82-ФЗ общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности и политическая партия².

По состоянию на январь 2017 г. первое место в структуре российских НКО по организационно-правовым формам занимали общественные и религиозные организации — 58%, второе место — автономные некоммерческие организации — 10%, на третьем месте находятся некоммерческие партнерства и фонды — по 8%. Наименьшую долю составляют территориальные общественные самоуправления, коллегии адвокатов, общины малочисленных народов и казацкие общества — в совокупности не более 5%.

Следует отметить, что в контексте данной работы такая форма НКО, как политические партии, не рассматривается в качестве активного двигателя в повышении электоральной активности населения. Они являются заинтересованными участниками избирательного процесса, их цели направлены на завоевание власти, что противоречит логике представленного исследования. В наших рассуждениях рассматриваются «беспартийные» НКО, которые относятся к категории социально ориентированных (далее — СОНКО)³. Такие организации занимаются оказанием

¹ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>

² Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»: Федеральный закон

услуг населению и напрямую, непосредственно взаимодействуют с потенциальными избирателями.

Количество СОНКО в целом по России увеличилось с 44 тыс. ед. в 2012 г. до 140,2 тыс. ед. к 2018 г., рост более чем в 3 раза. В процентном отношении на долю этих организаций приходится 60–65% от общего количества НКО, что соответствует показателям развитых стран, в которых число социально ориентированных организаций составляет 60–70% (Либоракина, электронный ресурс). Такое увеличение числа организаций обусловлено востребованностью у населения и желанием граждан объединяться для решения социальных проблем (Косыгина, 2018). Немаловажным фактом является то, что некоммерческий сектор обеспечивает занятость и самозанятость населения: с 2012 по 2018 г. число работников в рассматриваемой сфере выросло с 454 932 до 588 540 чел.; число добровольцев увеличилось в 2 раза (с 1 416 773 до 2 937 318 чел.). О результатах работы НКО в качестве субъектов социальной политики можно судить по количеству воспользовавшихся их помощью. В 2018 г. 60,4 млн россиян получили помощь, поддержку или услуги от социально ориентированных организаций (42% населения России)¹.

Таким образом, анализ данных статистики показывает, что некоммерческий сектор является крупным игроком в процессах, происходящих в российском обществе, масштабы его распространения увеличиваются с каждым годом, и не брать его «на заметку» в повышении электоральной активности было бы ошибочным.

Развитые страны понимают эту тенденцию и активно привлекают НКО для мобилизации граждан к участию в выборах. В этой связи интересным является пример налогового законодательства США, где подчеркивается разница между участием НКО в политических кампаниях, которое разрешено, и вмешательством НКО, которое строго запрещено. Вмешательство включает любые действия, которые либо поддерживают, либо противостоят одному или нескольким кандидатам в политической кампании. Иными словами, все мероприятия НКО должны носить беспартийное содержание. Данное требование направляет прямую деятельность НКО по голосованию на повышение явки избирателей. Налоговое законодательство США также гласит, что, хотя НКО могут занимать публичную позицию по любому вопросу государственной политики, им не разрешается явно привязывать конкретный вопрос к кандидату: это представляет собой политическое вмешательство. Таким образом, НКО не могут заниматься следующими видами деятельности: одобрять конкретных кандидатов; финансировать предвыборную кампанию; производить расходы от имени кандидатов; предоставлять свои информационные ресурсы и списки рассылки кандидатам; просить кандидатов подписать обещания по какому-либо вопросу². Вместе с тем закон четко определяет, что НКО могут обу-

---

от 05.04.2010 № 40-ФЗ. Этим законом введен статус «социально ориентированные некоммерческие организации» (СОНКО). Согласно закону они занимаются решением социальных проблем, развитием гражданского общества в Российской Федерации.

¹ Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 годы. URL: <http://www.gks.ru>

² U.S. Tax Code. URL: <https://www.fourmilab.ch/uscode/26usc/>

чать избирателей процессу голосования; привлекать сотрудников в качестве интервьюеров или переводчиков; просвещать кандидатов по вопросам избирательного права; проводить юридические консультации во время выборов; напоминать населению о голосовании; организовывать орган для координации усилий по мобилизации избирателей.

В российском законодательстве на сегодняшний день отсутствуют подобного рода требования, за исключением закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»¹. Согласно документу, вмешательством в выборы будет считаться деятельность иностранной организации, способствующая или препятствующая выдвижению кандидатов, избранию кандидатов, проведению референдума, достижению определенных результатов на выборах, и другие меры.

С учетом опыта зарубежных стран напрашивается вопрос: может быть, органам власти следует ввести аналогичные нормы с учетом российских условий, закрепляющие права НКО на участие в выборах в части повышения явки избирателей?

Напомним, что главные цели работы НКО — социальные и благотворительные. Эти организации обслуживают социально уязвимые слои населения, что доказывают данные социологического исследования, проведенного в Вологодской области. Большинство НКО региона, охваченных исследованием, в качестве основной целевой группы определяют семью (51%), молодежь и подростков (46%). Руководители также отметили, что работают с женщинами (43%) и детьми (34%), в отдельную группу выделяют дети-инвалиды и дети с тяжелыми заболеваниями (14%). Значительное количество организаций оказывают помощь пожилым людям (34%; таблица 5).

Таблица 5

Распределение ответов руководителей НКО на вопрос: «Целевые группы, с которыми работает ваша организация?»

Вариант ответа	Процент
Семьи	51,4
Подростки и молодежь	45,7
Женщины	42,9
Другие группы	42,9
Дети	34,3
Люди пожилого возраста, в том числе ветераны ВОВ, блокадники	34,3
Другие НКО/организации	25,7
Дети-инвалиды и дети с тяжелыми заболеваниями	14,3

¹ О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2012 N 272-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/

Вариант ответа	Процент
Мигранты	14,3
Взрослые люди с ограниченными возможностями или тяжелыми заболеваниями	11,4
Люди в трудной жизненной ситуации (вышедшие из мест заключения, лица без определенного места жительства, жертвы стихийных бедствий и т.д.)	8,6
Люди, зависимые от наркотиков, алкоголя и т.д.	5,7
Целевая группа потребителей отсутствует	5,7
ВИЧ-положительные люди и больные СПИДом	2,9
Люди определенной национальной принадлежности	2,9
Потребители жилищных и коммунальных услуг	2,9

Источник: В октябре 2017 г. ВолНЦ РАН проведен анкетный опрос руководителей и заместителей некоммерческих организаций Вологодской области. В исследовании принимали участие 35 респондентов.

Таким образом, сама природа некоммерческих организаций заключается в обслуживании наименее представленных в политике, социально уязвимых групп населения. Исследователь электорального поведения В. Rongitsch назвал НКО «спящими гигантами демократии», так как они имеют уникальный доступ к тем группам населения, которые являются потенциальными избирателями. Данное преимущество дает им возможность эффективно мобилизовать имеющих право голоса граждан (Rongitsch, 2008).

Две основные составляющие необходимы для того, чтобы институт выборов работал эффективно и приносил пользу большинству населения страны. С одной стороны, люди должны идти на выборы и голосовать, а с другой — они должны быть осведомлены о вопросах, по которым голосуют. Поэтому ожидается, что заинтересованные граждане спросят или хотя бы задумаются о том, что нужно, чтобы проголосовать на выборах, и позаботятся о значении и последствиях результатов выборов. В этой ситуации НКО могут выступить как площадка взаимодействия между потенциальными избирателями, могут проводить разъяснительную работу. В целом участие НКО в избирательном процессе является необходимым и очень важным элементом, что, на наш взгляд, повысит доверие к выборам со стороны общества.

A. Gerber и D. Green опубликовали серию экспериментальных результатов, хотя исследования, представленные в их работе, не относятся только к НКО, во всех наблюдениях используется беспартийный подход. В этой работе авторы пришли к трем ключевым выводам в изучении вовлечения избирателей. Во-первых, чтобы мобилизовать граждан, нужно, чтобы они чувствовали себя так, как будто их «разыскивают» на выборах. При сравнении усилий по мобилизации избирателей авторами было выявлено, что личное приглашение на выборы повышает вероятность того, что человек придет и проголосует. Кроме того, личные приглашения, сопровождаемые телефонными звонками, получают лучший отклик от граждан. Отправ-

ленные по почте приглашения обычно не очень эффективны. Во-вторых, исследование показало, что поддержание мотивации человека голосовать является важной связью с явкой избирателей. перезвонить или напомнить кому-то, кто ранее выразил интерес и намерение голосовать, — эффективная тактика. И наконец, многие неголосующие проголосуют, если почувствуют, что другие «следят» за их действиями. Самый сильный эффект наблюдался, когда потенциальным избирателям напоминали, что голосование фактически является публичным документом. В целом на электоральное поведение в значительной степени влияет социальная среда. Это означает, что использование социальных стимулов для голосования имеет тенденцию влиять на явку избирателей (Gerber, Green, 2008).

К. LeRoux и К. Krawczyk в 2012 г. опубликовали исследование, в котором респондентов разделили на две группы. Первая группа состояла из тех, кто не получает услуги от НКО, не взаимодействует с ними и не является объектом их агитационной работы по привлечению к выборам. Вторая — из тех, кто является потребителем услуг НКО и на кого оказывалось влияние в части «призыва» к голосованию. В результате в первой группе проголосовали 54% избирателей, во второй — 71%. Разница в показателях составляет 17 п.п. и является статистически значимой. Исследование также показало, что контакты с НКО по предоставлению помощи избирателям оказывают большее влияние на вероятность голосования, чем любой другой демографический фактор, включая возраст, пол и образование (LeRoux, Krawczyk, 2012).

По данным опроса в Вологодской области начиная с 2016 г. удельный вес жителей области, реализующих избирательное право, выше среди членов и волонтеров НКО по сравнению с теми, кто не состоит в подобных общественных структурах. В 2018 г. разница между двумя группами составила 21 п.п. (66% против 45%). При этом за весь период измерений (2011–2018 гг.) доля голосующих среди участников некоммерческих организаций несколько увеличилась (на 5 п.п., с 61% до 66%), среди граждан, не связанных с работой данных структур, — существенно снизилась (на 25 п.п.: с 70% до 45%; рисунок 2).

Рисунок 2 — Декларируемая явка в группах, выделенных по степени вовлеченности в деятельность некоммерческих организаций, процент от числа опрошенных.

Рассчитано авторами на основе данных мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Таким образом, результаты зарубежных и российских полевых исследований подтверждают гипотезу о том, что деятельность НКО положительно влияет на электоральную активность граждан.

Возможность вовлечения НКО в процесс мобилизации избирателей имеет большое значение для органов государственной власти, избирательных комиссий при составлении мероприятий, направленных на повышение правовой культуры избирателей, уровня электоральной активности и доверия граждан к российской избирательной системе. Не меньшее значение эта возможность имеет для самих некоммерческих организаций при планировании своей деятельности в части работы с потенциальными избирателями. Поэтому видится целесообразным сформировать набор предложений, рекомендаций для тех и других участников рассматриваемого процесса.

Предложения и рекомендации для органов власти, избирательных комиссий, общественных палат по привлечению НКО к избирательному процессу:

1. Мотивировать НКО на деятельность по привлечению граждан на избирательные участки путем проведения грантовых конкурсов. Обеспечение финансовыми ресурсами НКО в части работы по непосредственному взаимодействию с избирателями позволит им эффективнее проводить мероприятия. В частности, возможным видится введение направления конкурса Фонда президентских грантов для НКО¹ — «совершенствование избирательного процесса и повышение электоральной активности граждан». Данное предложение обусловлено тем, что без материальных и человеческих ресурсов, специально выделенных для этой работы, НКО будут испытывать трудности в связи с возложенными дополнительными обязанностями.
2. Привлекать инициативных граждан, состоящих в НКО, к деятельности участковых избирательных комиссий через общественные палаты. Следует отметить, что такая практика стала реализовываться с 2018 г. в рамках общественного контроля. Согласно Федеральному закону № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О выборах Президента Российской Федерации“» Общественная палата, как субъект общественного контроля, наделена правом назначать наблюдателей в избирательные комиссии для осуществления мониторинга реализации избирательных прав граждан. В целом по России 1866 соглашений заключено с федеральными, региональными и муниципальными общественными организациями в ходе подготовки системы общественного наблюдения. Общественной палатой Вологодской области в рамках организации процесса общественного наблюдения было подписано 23 соглашения с различными негосударственными некоммерческими организациями². Представляется эффективным расширить данную практику.

¹ Фонд президентских грантов проводит конкурсы среди некоммерческих организаций. По итогам четырех конкурсов 2017–2018 гг. поддержано 6786 проектов на общую сумму более 14 млрд рублей, в том числе по итогам двух конкурсов 2018 года 3573 проекта из всех регионов страны получают 7,8 млрд рублей.

² Данные предоставлены Общественной палатой Вологодской области.

3. Законодательно закрепить права НКО на участие в выборах в части повышения явки избирателей.

Предложения и рекомендации для некоммерческих организаций:

1. Предусмотреть в своей деятельности разработку проектов и мероприятий, направленных на информирование избирателей о предстоящем голосовании. В качестве примера успешной практики агитации можно отметить деятельность московских НКО в подготовке выборов Президента РФ в марте 2018 г. Представители НКО провели более 60 акций под слоганом #Явыбираюсам в каждом округе Москвы. В акциях принимали участие более 3 тыс. представителей НКО, которые организуют фестивали, мастер-классы, семинары и социологические опросы.
2. Для успешной реализации проектов и мероприятий НКО необходимо обеспечить эффективное обучение персонала и волонтеров НКО основам законодательных норм. Одна из ключевых областей просвещения избирателей заключается в понимании избирательного права и процесса, в повышении правовой и политической культуры.
3. Некоммерческие организации обладают уникальным информационным потенциалом в социальных сетях, что может содействовать повышению эффективности их работы по привлечению избирателей. Социальные сети создают чувство онлайн-сообщества, которое повышает мотивацию избирателей, имеющих право голоса. Как показывают результаты исследования (Киселева, Шпак, 2015), люди быстро обмениваются политическими мнениями через социальные сети. Такое поведение может быть использовано для эффективной мобилизации потенциальных избирателей. Если человек видит, что окружающие собираются пойти на выборы, он сам начинает склоняться к тому, чтоб принять участие в голосовании. Предлагается также на сайтах НКО создать кнопку «Я проголосовал», которой можно поделиться с подписчиками.

Выводы

Рассмотрены основные теории электоральной активности: ресурсная теория, американская модель, теория рационального выбора, комплексный подход. Определено, что в настоящее время оптимальным является применение комплексного подхода.

С целью определения глубины абсентеизма в России проведен межстрановой анализ избирательной явки на выборы федерального уровня (президентские и парламентские). Установлено, что уровень электоральной активности в России на выборах главы государства довольно высок (6–7-е место среди 18 стран, в которых в 2018 г. состоялись аналогичные избирательные кампании). По сравнению с предыдущими выборами, в России наблюдается положительная динамика электорального участия, хотя прирост явки — один из самых незначительных. Это связано с исключительностью президентских выборов для нашей страны. В то же время по уровню избирательной активности на парламентских выборах Россия является одним из аутсайдеров. По сравнению с предыдущими парламентскими выборами произошло существенное снижение явки. В Вологодской области отмечаются

аналогичные тенденции: незначительный прирост явки на президентских выборах и существенное падение — на парламентских. Невысок уровень электоральной активности на выборах регионального и муниципального уровня. Иными словами, проблема абсентеизма характерна для страны и региона.

Анализ результатов мониторинга общественного мнения позволил определить особенности абсентеизма на региональном уровне. В частности среди абсентеистов преобладают негативные оценки деятельности органов власти, экономической и политической ситуации в стране, личного материального положения, для них характерен низкий уровень интереса к политической жизни страны. Таким образом, абсентеизм в регионе является формой дистанцирования от власти, а не ее молчаливого одобрения.

На основе зарубежных исследований, статистических данных, а также мониторинга общественного мнения обоснована целесообразность вовлечения некоммерческого сектора в избирательный процесс с целью повышения избирательной активности граждан. В частности исследование К. LeRoux и К. Krawczyk показало, что уровень электоральной активности среди граждан, которые являлись потребителями услуг НКО и объектом их агитационной работы по привлечению к выборам, был выше, чем среди тех, кто не имел контактов с НКО. По данным опроса в Вологодской области начиная с 2016 г. удельный вес жителей области, реализующих избирательное право, выше среди членов и волонтеров НКО по сравнению с теми, кто не состоит в подобных общественных структурах.

Сформулированы рекомендации органам государственной власти, избирательным комиссиям, общественным палатам по привлечению НКО к избирательному процессу. В частности предложено мотивировать НКО на деятельность по привлечению граждан на избирательные участки путем проведения грантовых конкурсов; привлекать инициативных граждан, состоящих в НКО, в деятельность участковых избирательных комиссий через общественные палаты; законодательно закрепить права НКО на участие в выборах в части повышения явки избирателей. Сформулированы также рекомендации для НКО: разработка проектов и мероприятий, направленных на информирование избирателей о предстоящем голосовании; подготовка заявок на конкурсы с проектами, направленными на мобилизацию избирателей; обеспечение эффективного обучения персонала и волонтеров НКО основам законодательных норм; использование потенциала социальных сетей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баскакова Ю.М. «Мы эту власть не выбрали»: абсентеизм на выборах 2011–2012 гг. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2012, No. 5, 5–15.

Дементьева И.Н. Протестные настроения жителей региона как проявление деструктивных форм гражданской активности. Society and Security Insights, 2020, No. 2, 88–103. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-06](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-06)

Захаров О.В. Социальные механизмы воздействия на электоральное поведение (управленческий аспект): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2011. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsialnye-mehanizmy-vozdeystviya-na-elektoralnoe-povedenie>

Каминский В.С. Трансформация общественно-политических воззрений в контексте электорального поведения населения. Проблемы развития территории, 2017, No. 1, 130–144. URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/2110>

Киселева А.М., Шпак Е.А. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом. Вопросы управления, 2015, 6 (18), 66–75.

Косыгина К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций. Проблемы развития территории, 2018, 3 (95), 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7

Либоракина М.И. Некоммерческий сектор: международный опыт. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/foreign_experience/document115.shtml

От плебисцита к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. Под. ред. В. Федорова. М.: Праксис, 2013.

Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1997.

Franklin M. Voter turnout and the dynamic of electoral competition in established democracies since 1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Gerber A., Green D. Get Out the Vote. Washington. US: Brookings Institution Press. 2008.

LeRoux K., Krawczyk K. Can Nonprofit Organizations Increase Voter Turnout? Findings From an Agency-Based Voter Mobilization Experiment. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0899764012459909>

Rongitsch B. Election 2008: More Nonprofits Engaging More Voters. The Nonprofit Quarterly, 2008. URL: <https://nonprofitquarterly.org/>

Riker W. H. Implications from the Disequilibrium of Majority Rule of the Study of Institutions. American Political Science Review, 1980, No. 74, 432–46.

Verba S., Nie N. Participation in America. New York: Harper and Row., 1972.

Wolfinger R., Rosenstone S. Who Votes? New Haven, CT: Yale University Press, 1980.

REFERENCES

Baskakova, Yu.M. (2012). «My etu vlast' ne vybirali»: absenteizm na vyborah 2011–2012 g. [«We Didn't Choose This Power»: Absenteeism in the 2011–2012 Elections]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i social'nyye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 5, 5–15.

Dement'eva, I.N. (2020). Protestnyye nastroyeniya zhitelej regiona kak proyavlenie destruktivnykh form grazhdanskoj aktivnosti [Protest moods of the inhabitants of the region as a manifestation of destructive forms of civil activity]. *Society and Security Insights* [Society and Security Insights], no. 2, 88–103. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-06](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-06)

Zaharov, O.V. (2011). *Sotsial'nyye mekhanizmy vozdeystviya na elektoral'noye povedeniye (upravlencheskiy aspekt)*. Avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. [Social mechanisms of in-

- fluence on electoral behavior (managerial aspect) (PhD Thesis)], Moscow. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsialnye-mehanizmy-vozdeystviya-na-ekonomicheskoe-povedenie>
- Kaminskiy, V.S. (2017). Transformatsiya obshchestvenno-politicheskikh vozzrenij v kontekste ekonomicheskogo povedeniya naseleniya [Transformation of social and political views in the context of the electoral behavior of the population]. *Problemy razvitiya territorii* [Territory development problems], no. 1, 130–144. URL: <http://pdt.vsc.ac.ru/article/2110>
- Kiseleva, A.M., Shpak, E.A. (2015). Social'nyye seti v processe kommunikatsii mezhdu vlast'yu i obshchestvom [Social networks in the process of communication between the authorities and society]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], no. 6 (18), 66–75.
- Kosygina, K.E. (2018). Aktual'nye voprosy razvitiya social'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy [Topical issues of development of socially oriented non-profit organizations]. *Problemy razvitiya territorii* [Territory development problems], no. 3 (95), 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7
- Liborakina, M.I. *Nekommercheskiy sektor: mezhdunarodnyy opyt* [Non-profit sector: international experience]. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/foreign_experience/document115.shtml
- Fedorov, V. (Ed.) (2013). *Ot plebiscita k vyboram. Kak i pochemu rossiyane golosovali na vyborah 2011–2012 g.* [From plebiscite to elections. How and why did Russians vote in the 2011–2012 elections]. M.: Praksis.
- Downs, A. (1997). *An Economic Theory of Democracy*. N.Y.
- Franklin, M. (2004). *Voter turnout and the dynamic of electoral competition in established democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gerber, A., Green, D. (2008). *Get Out the Vote*. Washington. US: Brookings Institution Press.
- LeRoux K., Krawczyk K. *Can Nonprofit Organizations Increase Voter Turnout? Findings From an Agency-Based Voter Mobilization Experiment*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0899764012459909>
- Rongitsch, B. (2008). Election 2008: More Nonprofits Engaging More Voters. *The Nonprofit Quarterly*. URL: <https://nonprofitquarterly.org/>
- Riker, W.H. (1980). Implications from the Disequilibrium of Majority Rule of the Study of Institutions. *American Political Science Review*, no. 74, 432–464.
- Verba, S., Nie, N. (1972). *Participation in America*. New York: Harper and Row.
- Wolfinger, R., Rosenstone, S. (1980) *Who Votes?* New Haven, CT: Yale University Press.

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

О.В. Борисова

С.А. Сарыглар

 <https://orcid.org/0000-0002-8965-9922>

Д.К. Щеглова

*Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул,
e-mail: olya333es@mail.ru, syldysma93@mail.ru, daschul9@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-08

Актуальность исследования обусловлена тем, что обеспечение социальной безопасности молодежи является важнейшим инструментом в решении множества проблем этой возрастной группы, что в настоящее время может стать для нашей страны ключевым фактором и основой успешного социально-экономического развития. Целью данной работы является исследование оценок молодежью Волгоградской области социальной и личной безопасности. Эмпирической базой являются данные социологического исследования, проведенного научным коллективом Алтайского государственного университета в 2019 г. Результаты исследования показали, что молодежь Волгоградской области беспокоит обеспечение экономической безопасности (уровень материального благосостояния населения), проблемы собственной реализации и перспектив, коррупция и произвол власти. В связи с этим респондентами были высказаны мнения о необходимости принятия мер по обеспечению социальной безопасности населения данного региона: повышение уровня жизни населения области, борьба с безработицей, улучшение работы правоохранительных органов. Научная новизна исследования состоит в анализе социальной безопасности молодежи в контексте социально-экономического развития региона проживания. Практическая ценность исследования заключается в представлении актуальных оценок социальной безопасности молодежи региона, что позволит государству и другим агентам безопасности принимать меры для улучшения ситуации в регионе по данному вопросу.

Ключевые слова: *безопасность, социальная безопасность, личная безопасность, молодежь, социально-экономическое положение, регион, проблемы региона*

SOCIAL SECURITY IN THE ASSESSMENTS OF YOUTH FROM THE VOLGOGRAD REGION (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

O.V. Borisova

S.A. Saryglar

 <https://orcid.org/0000-0002-8965-9922>

D.K. Sheglova

*Altai State University, Russia, Barnaul,
e-mail: olya333es@mail.ru, syldysma93@mail.ru, daschul9@mail.ru*

The relevance of the study is grounded by the need that ensuring social security of young people is the most important tool in solving many problems of this age group, who, at present, can become a key factor for our country and the basis for successful socio-economic development. The aim of this work is to study the assessments of social and personal security by the young people living in the Volgograd region. The empirical base is the data of a sociological study conducted by the research team of Altai State University in 2019. According to the results of the study, the youth of the Volgograd region is concerned about ensuring economic security (the level of material well-being of the population), problems of their own self-realization and prospects, corruption and arbitrariness of the authorities. In this regard, the respondents expressed in their views the need to take measures, ensuring the social security of the population of this region, and among them — to improve the living standards of the region's population, to combat unemployment, and to improve the work of law enforcement agencies. The scientific novelty of the research lies in the analysis of the social security of youth in the context of the socio-economic development of the region of residence. The practical value of the study lies in the presentation of relevant assessments of the social security of young people in the region, that will allow the state and other security agents to take measures to improve the situation in the region.

Keywords: *security, social security, personal security, youth, socio-economic situation, region, regional problems*

Введение

Проблемы социальной безопасности не теряют своей актуальности в научном дискурсе на протяжении долгого времени. Ученые комплексно рассматривают различные аспекты данной проблематики — сущность понятия «социальная безопасность, особенности реализации, стратегии формирования, обеспечения и т.д. Современные мировые условия жизни, столкновение с новыми угрозами и рисками лишь еще больше заставляют человечество задумываться над необходимостью обеспечения социальной безопасности в планетарном масштабе (Лига, Павлова, Щет-

кина, 2012). По мнению М.Б. Лиги, для России проблемы обеспечения социальной безопасности актуальны также в связи с рядом угроз, связанных с географическим положением, изменениями социальной структуры общества, ориентацией на добывающие отрасли и активный экспорт на Запад и т.д. Следовательно, в условиях высокого социального риска необходимо прилагать значительные усилия для обеспечения социальной безопасности населения.

Рассматривая суть социальной безопасности, следует отметить множественность определения данного термина, что может быть связано с вниманием ученых к отдельным сторонам этого понятия.

Согласно определению М.А. Никулиной и М.Ю. Колодиева, социальная безопасность — комплексная характеристика состояния различных элементов национальной безопасности (государственные, экономические и общественные институты и социальные общности) (Никулина, Колодиев, 2017). Для Д.В. Зеркалова социальная безопасность представляется частью национальной безопасности и определяется как состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод. Т.е. социальная безопасность — это в первую очередь про бережное отношение к человеку (Зеркалов, 2012). По мнению Р.Г. Яновского, социальная безопасность рассматривается как комплексное понятие, включающее экономическую безопасность, политическую безопасность и экологическую безопасность (Яновский, 1999).

Безусловно, молодежь является важнейшей и одной из наиболее уязвимых социально-демографических групп в любой стране. Современное молодое поколение развивается в довольно сложных условиях. Трансформационные процессы в мире порождают множество противоречий в становлении молодежи. Ее развитие в таких условиях носит неустойчивый, разнонаправленный и противоречивый характер (Луков, Зубок, 2010). Одной из главных задач любого государства должно быть создание максимально благоприятных условий для реализации своего потенциала молодежью. Важно, чтобы бедность и трудности в поисках работы не были непреодолимыми преградами для этого. Молодое поколение особенно остро реагирует на все социально-экономические, политические изменения. Чтобы создать условия для эффективного и качественного функционирования молодежи в современном российском обществе, необходимо иметь представления о восприятии молодыми людьми своей реальности, безопасности, актуальных проблемах и путях их решения.

Методы исследования

Целью исследования является выявление оценок социальной безопасности в дискурсе молодого поколения Волгоградской области. Для проведения исследования был выбран анкетный опрос, в котором приняли участие лица в возрасте от 15 до 75 лет, проживающие в Волгоградской области ($n = 400$). В статье будут представлены оценки молодежи данного региона в возрасте от 15 до 29 лет (19,2% от общей выборки). В исследовании применялась квотная многоступенчатая выборка, позволявшая отразить все особенности генеральной совокупности. Полученные данные были обработаны с помощью программы SPSS 22.00.

Результаты исследования

Социально-экономические характеристики Волгоградской области

Волгоградская область является приграничным регионом Российской Федерации и граничит с Воронежской, Ростовской, Астраханской, Саратовской областями, Республикой Калмыкией и Республикой Казахстан. Численность населения составляет около 2,5 млн чел. Большая часть населения региона проживает в городах (76%). Так, в столице области — Волгограде, проживают более 1 млн чел. Второй по численности населения город — Волжский (326,1 тыс. чел.).

Население Волгоградской области представлено множеством национальностей, что характерно для приграничного региона. Русские составляют 90% населения, казаки — 0,7%, казахи — 1,8%, украинцы — 1,4%, армяне — 1,1%, татары — 0,9%, азербайджанцы — 0,6%, немцы — 0,4%, чеченцы — 0,4%, цыгане — 0,3%, белорусы — 0,3%, другие национальности — 2,8%¹.

По данным Рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ за 2019 г. Волгоградская область занимает 29-е место. Согласно Рейтингу инвестиционной привлекательности регионов РФ 2019 г. Волгоградская область отнесена к категории регионов со средним уровнем инвестиционной привлекательности (третий уровень) и занимает 58-е место².

Основные виды экономической деятельности региона — обрабатывающие производства, оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, строительство, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. При этом отмечается низкий уровень занятости населения по сравнению с среднероссийским показателем (62,6% и 65,9% соответственно), это связано с тем, что занятое в сельском хозяйстве население ведет подсобное хозяйство и ничего не производит на продажу, является экономически пассивным.

Уровень безработицы в регионе в настоящее время составляет 5,7%, что выше среднероссийского показателя (4,6%)³.

Социально-демографические характеристики выборки

В исследовании приняли участие жители Волгоградской области в возрасте от 15 до 29 лет. Среди них 48,7% мужчин и 51,3% женщин.

Большая часть респондентов имеет высшее образование — 43,4%, 18,4% — незаконченное высшее, 18,4% — среднее профессиональное, 2,6% — начальное профессиональное, 17,1% — среднее общее.

Почти половина респондентов — студенты, учащиеся (48,6%), наемные работники — 36,9%, руководители организации, подразделения, отдела — 6,3%, безработные — 4,5%.

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 05.07.2020).

² Рейтинг социально-экономического положения регионов — 2019. РИА РЕЙТИНГ. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения 11.07.2020).

³ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 05.07.2020).

Что касается материального благополучия респондентов, то были получены следующие данные. Абсолютное большинство молодежи определило свой уровень достатка как средний (65,8%). Почти треть респондентов указали, что живут достаточно обеспеченно (26,3%), 3,9% — живут бедно, денег хватает только скромное питание и оплату коммунальных услуг, 1,3% — живут очень бедно, фактически голодают.

Больше половины молодых людей, принявших участие в опросе, никогда не состояли в зарегистрированном браке (58%), в зарегистрированном браке состоят 17,6% респондентов. Живут вместе, но без официального брака 22,7%, 1,7% — разведены и в браке не состоят.

Оценка угроз социальной безопасности

Среди угроз современной России молодежь Волгоградской области в первую очередь выделяет угрозы социально-политического характера: коррупцию, организованную преступность (80%), наркоманию, алкоголизм (63,5%), терроризм, политический радикализм и экстремизм (44%), значительное расслоение общества на богатых и бедных (41,3%). Реже всего респонденты в качестве угроз нашей страны указывали межнациональные и этнические конфликты (14,9%), массовые выступления, восстания (10,6%), культ обогащения и силы (13,3%), засилье мигрантов, смешение этнического состава населения из-за увеличения числа мигрантов (13,3%) (таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос об угрозах российскому обществу, процент наблюдений

Угрозы	Наблюдения, %
Угроза сепаратизма, раскола государства	20
Вооруженные конфликты на территории России	26,7
Терроризм, политический радикализм и экстремизм	44
Коррупция и организованная преступность	80
Массовые выступления населения, восстания, бунты	10,7
Межнациональные и этнические конфликты	14,9
Возможность военного нападения извне	23
Природные и технические катастрофы	20
Низкая продолжительность жизни и высокая смертность населения	33,8
Бездуховность, цинизм, равнодушие, отказ от духовных ценностей народа	25,3
Засилье мигрантов, смешение этнического состава населения из-за увеличения числа мигрантов	13,3
Культ обогащения и силы	13,3

Угрозы	Наблюдения, %
Наркомания, алкоголизм	63,5
Рост преступности и насилия	24
Нарушение прав человека, отсутствие свободы слова	37,3
Сильное расслоение общества на бедных и богатых	41,3
Пассивность населения, социальное иждивенчество и апатия	26,7
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	1,3

При этом респонденты указывают на рост внешних угроз для России за последние два года. Так, 46,1% молодежи считают, что число угроз, проблем и опасностей не изменилось, 36,8% молодого населения региона указали на увеличение таких опасностей, только 5,3% респондентов отметили сокращение числа угроз, 11,8% затруднились дать ответ.

Оценка социально-экономического положения региона

В ходе исследования было выявлено оценки социально-экономического положения региона. Молодежь Волгоградской области были даны в большинстве своем негативные оценки социально-экономического благополучия региона («скорее неблагоприятный, слаборазвитый» — 34,7%, «бедный, депрессивный, слаборазвитый» — 38,7%). Пятая часть респондентов выбрали вариант ответа «скорее развитый, благополучный» (24%). Незначительная часть молодежи области считает свой регион социально и экономически благополучным, развитым (2,7%).

Рассматривая наиболее актуальные региональные проблемы, молодежь Волгоградской области также указала на проблемы социально-экономического и политического характера. Абсолютное большинство молодежи области не видят перспектив для своего развития в данном регионе (охарактеризовали проблему как «очень большую» — 47,4%, «довольно большую» — 34,2%). Также их беспокоят безработица (выбор варианта ответа «очень большую» — 38,2%, «довольно большую» — 36,8%) коррупция, произвол власти (выбор варианта ответа «очень большую» — 50%, «довольно большую» — 23,7%), снижение уровня жизни людей (выбор варианта ответа «очень большую» — 26,3%, «довольно большую» — 36,5%), вопросы экологии (выбор варианта ответа «очень большую» — 31,6%, «довольно большую» — 23,7%) и здравоохранения (выбор варианта ответа «очень большую» — 21,1%, «довольно большую» — 39,5%). Наименее актуальными респонденты считают такие проблемы, как нарастание враждебности между представителями разных религий (выбор варианта ответа «очень большую» — 3,9%, «довольно большую» — 11,8%), враждебные взаимоотношения между коренным местными жителями и приезжими (выбор варианта ответа «очень большую» — 6,6%, «довольно большую» — 13,2%).

Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне собственной социальной безопасности молодого населения региона. Большинство молодежи выбрало варианты ответов «полностью ощущаю себя в безопасности» (21,1%)

и «скорее ощущаю себя в безопасности» (42,1%). Треть респондентов отметили, что не очень ощущают себя в безопасности (32,6%), 2,6% — не ощущают себя в безопасности. Затруднились дать ответ 1,3% респондентов (рисунок 1).

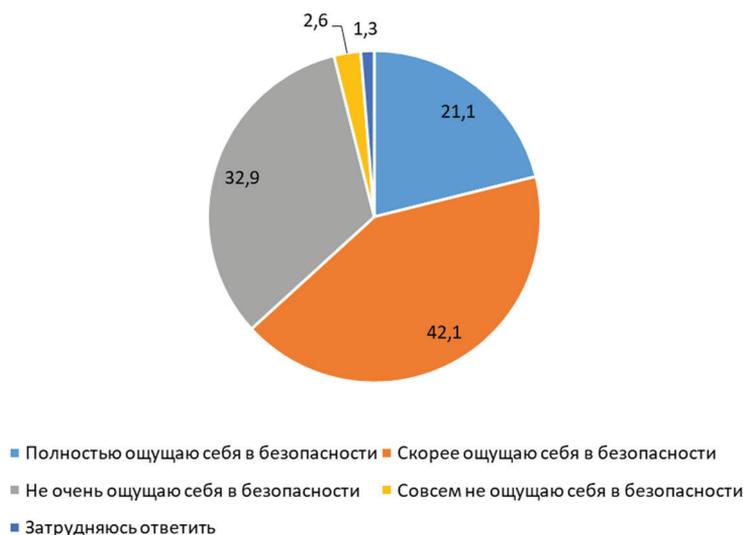

Рисунок 1 — Распределение ответов на вопрос «Насколько вы в целом ощущаете себя в безопасности?», %

В дополнение к личным оценкам безопасности следует представить оценки удовлетворенности молодежи региона разными аспектами жизни. Чаще всего респонденты удовлетворены личной безопасностью (78,7%), здоровьем (77,3%), возможностью сохранять, изучать и развивать национальную культуру и язык (76%), возможностью соблюдать свои национальные обычаи, традиции (75%), семейным положением (74,7%). Реже среди молодежи области отмечается удовлетворенность материальным положением (45,3%) (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов о степени удовлетворенности различными сферами жизни, %

Сфера жизни	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Не очень удовлетворен	Совсем не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Своей жизнью в целом в настоящее время	23,7	43,4	23,7	9,2	0,0
Своей работой в целом	18,7	37,3	21,3	9,3	13,3
Своим семейным положением	46,7	28,0	13,3	4,0	8,0

Сфера жизни	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Не очень удовлетворен	Совсем не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Своим материальным положением	17,3	28,0	34,7	20	0,0
Жилищными условиями	26,7	29,3	29,3	13,3	1,3
Своим здоровьем	37,3	40	14,7	6,7	1,3
Личной безопасностью	28	50,7	12,0	9,3	0,0
Свободой выражать религиозные взгляды и ценности	25,3	40,0	16,0	10,7	8,0
Возможностью соблюдать свои национальные обычаи, традиции	34,2	40,8	9,2	9,2	6,6
Возможностью сохранять, изучать и развивать национальную культуру и язык	37,3	38,7	10,7	5,3	8,0

Что касается мер со стороны властей, необходимых для обеспечения безопасности населения, то в первую очередь необходимо снизить число безработных в регионе (76%), повысить уровень жизни населения региона (74,7%) и улучшить деятельность правоохранительных органов (61,3%) (таблица 3).

Таблица 3

Распределение мнений респондентов относительно мер властей, необходимых для обеспечения безопасности населения региона, процент наблюдений

Меры	Наблюдения
Организовывать мероприятия по гражданскому воспитанию	26,7
Запретить деятельность экстремистских организаций	37,3
Улучшить работу правоохранительных органов и служб безопасности	61,3
Принять меры по повышению уровня жизни населения, доходов граждан	74,7
Наладить сотрудничество властей и населения в обеспечении безопасности	28
Снизить уровень безработицы	76
Изменить политический курс страны, улучшить работу власти	40
Проводить продуманную международную политику, сотрудничать с другими странами	21,3
Закрывать границы страны для трудовых мигрантов из стран СНГ	13,3
Противодействовать нелегальной миграции	37,3
Затрудняюсь ответить	1,3

Заключение

Несмотря на довольно высокие позиции Волгоградской области в рейтинге социально-экономического положения регионов России, значительная доля молодого населения области характеризует свой регион как слаборазвитый, депрессивный. Наиболее актуальными для своего региона респонденты указали проблемы социально-экономического и политического характера: отсутствие перспектив для молодежи, безработица, коррупция и произвол власти, низкий уровень жизни населения.

Результаты свидетельствуют о том, что большинство молодежи Волгоградской области положительно оценивает личную безопасность и степень удовлетворенности ею. Чтобы обеспечить социальную безопасность населения области, по мнению молодежи, следует уделить особое внимание проблемам материальной обеспеченности и качества жизни населения, снизить безработицу, повысить эффективность работы правоохранительных органов.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России» (2020–2021 гг.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисова О.В. Угрозы социальной безопасности населения приграничного региона России (на примере Амурской области). Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве, 2019, 2 (8), 148–153.

Горбунова А.А., Борисова О.В., Максимова С.Г. Социальная безопасность приграничных регионов России. Политика и Общество, 2019, No. 1, 36–45. doi: 10.7256/2454-0684.2019.1.28634

Горбунова А.А., Борисова О.В., Максимова С.Г. Социально-экономическое положение региона как фактор социальной безопасности населения (по материалам социологических исследований в Алтайском крае). Социодинамика, 2019, No. 1, 101–107. doi: 10.25136/2409-7144.2019.1.28452

Данилова З.А. Социальная безопасность региона: уровень угроз и тревожности населения. Russian Journal of Education and Psychology, 2016, No. 5, 745–752. doi: 10.12731/2218-7405-2015-5-60 URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6277> (дата обращения 18.07.2020).

Зеркалов Д.В. Социальная безопасность: монография. Киев: Основа, 2012.

Кашник О.И., Брызгалина А.А. Социальная безопасность: теоретические аспекты. Образование и наука, 2013, 3 (102), 98–110.

Кузнецов В.Н. Социология безопасности. Москва: Университет, 2009.

Лига М.Б., Павлова Н.С., Щеткина И.А. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение. Москва: Академия естествознания, 2012.

Луков В.А., Зубок Ю.А., Агранович М.Л. Молодежь в России: обзор литературы, 2010. URL: http://www.unrussia.ru/sites/default/files/doc/youth_in_Russia_Executive_Summary_rus.pdf (дата обращения 07.07.2020).

Никулина М.А., Колодиев М.Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения. Манускрипт, 2017, No. 1, 154–157.

Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. Восприятие социальной безопасности населением регионов азиатского приграничья России (на примере Алтайского края). *Society and security insights*, 2020, 3 (1), 13–36.

Шипунова Т.В. Студенческая молодежь о социальной безопасности. *Society and security insights*, 2019, 2 (2), 128–141.

Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999.

REFERENCES

Borisova, O.V. (2019). Ugrozy social'noj bezopasnosti naseleniya prigranichnogo regiona Rossii (na primere Amurskoj oblasti) [Threats to social security of the population of the border region of Russia (for example of the Amur Region)]. *Social'naya integraciya i razvitiye etnokul'tur v evrazijskom prostranstve* [Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space], 2 (8), 148–153.

Gorbunova, A.A., Borisova, O.V., Maximova, S.G. (2019). Social'naja bezopasnost' prigranichnyh regionov Rossii [Social security of border regions of the Russian Federation]. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], no. 1, 36–45. doi: 10.7256/2454-0684.2019.1.28634

Gorbunova, A.A., Borisova, O.V., Maximova, S.G. (2019). Social'no-ekonomicheskoe polozhenie regiona kak faktor social'noj bezopasnosti naseleniya (po materialam sociologicheskikh issledovanij v Altajskom krae) [Socioeconomic situation of the region as a factor of social security of the population (based on the materials of sociological research in Altai Krai)]. *Sociodinamika* [Sociodynamics], no. 1, 101–107. doi: 10.25136/2409-7144.2019.1.28452

Danilova, Z.A. (2016). Social'naya bezopasnost' regiona: uroven' ugroz i trevozhnosti naseleniya [Social security of region: the level of threats and anxiety of population]. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 5, 745–752. doi: 10.12731/2218-7405-2015-5-60

Zerkalov, D.V. (2012). *Social'naya bezopasnost'* [Social security]. Kiev: Osнова.

Kashnik, O.I., Bryzgalina, A.A. (2013). Social'naya bezopasnost': teoreticheskie aspekty [Social security: theoretical aspects]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], no. 3 (102), 98–110.

Kuznecov, V.N. (2009). *Sociologiya bezopasnosti* [Sociology of security]. Moscow: Universitet.

Liga, M.B., Pavlova, N.S., Shchetkina, I.A. (2012). *Social'naya bezopasnost' molodezhi: organizacionno-upravlencheskoe obespechenie* [Social security of youth: organizational and managerial provisions]. Moscow: Akademiya estestvoznaniya.

Lukov, V.A., Zubok, Yu.A., Agranovich, M.L. (2010). *Molodezh' v Rossii: obzor literatury* [Youth of Russia: literature review]. Available at: https://www.unrussia.ru/sites/default/files/doc/youth_in_Russia_Executive_Summary_rus.pdf (accessed 7 July 2020).

Nikulina, M.A., Kolodiev, M.Yu. (2017). Social'naya bezopasnost' v Rossijskoj Federacii: kriterii, ugrozy, napravleniya obespecheniya [Social security in the Russian Federation: criteria, threats, directions to secure]. *Manuskript* [Manuscript], no. 1, 154–157.

Omel'chenko, D.A., Maximova, S.G., Noyanzina, O.E. (2020). Vospriyatie social'noj bezopasnosti naseleniem regionov aziatskogo prigranich'ya Rossii (na primere Altajyskogo kraja) [Perception of social security in regions of the Russian-Asian borderland (on the example of the Altai region)]. *Society and security insights*, 3 (1), 13–36.

Shipunova, T.V. (2019). Studencheskaya molodezh' o social'noj bezopasnosti [Student youth about social security]. *Society and security insights*, 2 (2), 128–141.

Yanovskij, R.G. (1999). *Global'nye izmeneniya i social'naya bezopasnost'* [Global changes and social security]. M.: Academia.

УДК: 316.013

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГДЫ И ЧЕРЕПОВЦА)

Н.Н. Ясников

<https://orcid.org/0000-0003-1845-154X>

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Череповец, Россия,
e-mail: nyasnikov94@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-09

Современное информационное общество предоставляет каждому человеку такое количество возможностей, которое было немыслимо в любую предыдущую эпоху. Но вместе с этим оно предъявляет и определенные требования, несоблюдение которых не позволит воспользоваться основной частью современных благ. Примером такого требования является использование современных инновационных практик. При этом в последнее время все чаще можно услышать о том, что современные технологии деструктивно влияют на отношения между людьми, на человеческую близость. В связи с этим нами было решено на основании опроса, проведенного в 2019 г. среди населения Вологодской области, показать взаимосвязь готовности реализовывать инновационные практики с социальным капиталом, возможно, основным индикатором человеческой кооперации. Результатом исследования стало заключение о том, что человеческий капитал прямо и положительно связан с реализацией инновационных практик, а какого-либо отрицательного влияния обнаружено не было.

Ключевые слова: *социальный капитал, инновационные практики, Вологодская область, цифровизация, нематериальные ресурсы*

RELATIONSHIP BETWEEN INNOVATIVE PRACTICES AND SOCIAL CAPITAL OF THE EMPLOYED POPULATION OF THE VOLOGDA REGION (ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA AND TILES)

N.N. Yasnikov

 <https://orcid.org/0000-0003-1845-154X>

*Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Cherepovets, Russia,
e-mail: nyasnikov94@mail.ru*

The modern information society provides so many opportunities to every person that was unthinkable in any previous era. This may be due to certain requirements. An example of such a requirement is the use of modern innovative practices. These are modern technologies that affect the relationship between people, on human closeness. Interaction with the population of the Vologda Oblast will make it possible to demonstrate the relationship between successful practice and social capital. The result of the research was the conclusion that nothing was found to human capital.

Keywords: *social capital, innovation practices, Vologda oblast, digitalization, intangible resources*

Введение

Вопрос изучения социального капитала рассматривается исследователями в рамках самых разнообразных научных направлений. На текущий момент основная часть подобных исследований осуществляется за рубежом, а для отечественных исследователей это направление является сравнительно новым. Таким образом, в настоящий момент преждевременно говорить о существовании некой единой «концепции социального капитала». Новые исследования регулярно уточняют и дополняют существующие концепции, а ученые создают свои собственные, новые теоретические модели и понятийный аппарат для понимания сущности социального капитала. Изучением социального капитала занимались такие ученые, как М. Вебер (1990), Дж. Коулман (2001), Р. Патнем (Putnam, 1994), П. Сорокин (1992) и Ф. Фукуяма (Fukuyama, 1995).

Впервые теоретически разработанный социологический анализ социального капитала предпринял П. Бурдьё, он определил социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания или, другими словами, с членством в группе» и описал возможность его реализации внутри прочих, значимых видов капитала (Bourdieu, 1983). Интерес к работам Бурдьё вырос на закате 1980-х гг., после публикаций Дж. Коулмана, считающегося автором концепции социального капитала. Американский социолог говорил о том, что социальный капитал можно рассматривать как

сеть взаимосвязей, использующуюся в производстве товаров и услуг. При подобном подходе можно наблюдать воздействие неэкономического фактора на развитие экономики. С точки зрения Коулмана, социальный капитал есть не что иное, как культурный потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который создается внутри межличностных отношений (Коулман, 2001).

Роль социального капитала в жизни современного общества регулярно становится объектом интереса ученых. Заметную положительную связь социального капитала с производством общественных благ обнаружила в своем исследовании Э. Остром (Ostrom, 2000). Экономическую значимость социального капитала измерялась С. Нэком и Ф. Кифером (Knack, 1997), а о прямой связи кооперации в обществе с ростом стандартов, писал Г. Табеллини (Tabellini, 2010).

Основной интерес научного сообщества к информационному обществу проявился в нашей стране в конце XX в. Его осмыслением и созданием собственных концепций занимались такие исследователи, как Р.Ф. Абдеев (1994) или В.Л. Иноземцев (1998, 2000).

Современный крупный город предоставляет людям, проживающим в нем, множество возможностей. Однако в условиях информационного общества большая часть подобных возможностей завязана на использовании различных инновационных практик, например цифровых компетенций. В результате получается, что реализация себя и своих возможностей плотно связана с получением и использованием новых, современных навыков постиндустриального общества. Жизнь в современном обществе зачастую требует от человека цифровой грамотности, к элементам которой относятся цифровые компетенции, цифровое потребление и цифровая безопасность (Берман, 2017). Обладая подобными навыками, индивиды могут взаимодействовать с принципиально новыми инструментами, открывающими доступ к использованию различных онлайн-служб и ресурсов.

В связи с описанной важностью различного рода инновационных практик мы решили обратить внимание на некоторые их частные случаи, а также на общую доступность возможностей для их реализации. К таковым мы отнесли показатель обеспеченности населения услугами связи; участие в мероприятиях общественной и политической жизни внутри онлайн-групп; источники получения информации о деятельности общественных организаций, прочих гражданских инициативах; готовность обратиться за помощью к представителям интернет-сообщества, при возникновении проблемной жизненной ситуации; а также перечень основных инновационных практик, осуществляемых в повседневной жизни.

Методология

Источником информации, ставшим основой данного исследования, стал опрос общественного мнения, проведенный в Вологодской области в 2019 г. Выборка составила 1500 человек в возрасте от 18 лет. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов, соответствием половозрастной структуры участников опроса половозрастной структуре взрослого населения го-

родов и районов. В данном исследовании мы обратили внимание на такую группу носителей социального капитала, как работающее население крупных городов Вологодской области. Нами изучалось население Вологды, как города, являющегося административным центром области, и Череповца, являющегося промышленным центром.

В ходе анализа данных нами была использована индикаторная модель измерения социального капитала (Региональный социальный капитал ..., 2018), с помощью которой рассчитан его индекс для каждого респондента. В индекс вошло более 40 показателей. Это позволило выделить группы носителей социального капитала в зависимости от уровня его накопления. Люди с самым низким уровнем социального капитала, которые при ответе на вопросы в основном выбирали позицию типа «не доверяю» / «не участвовал» / «никак не могу повлиять» и т.п., вошли в первую группу, обозначенную как обладатели минимального социального капитала. Во второй группе оказались люди с более высоким индексом, обозначенные как люди с социальным капиталом низкого уровня. В третью группу вошли респонденты с социальным капиталом среднего уровня, в четвертую — носители относительно высокого уровня социального капитала. Респонденты с социальным капиталом высокого уровня попали в пятую группу. Описываемая модель была использована коллективом исследователей Вологодской области для изучения влияния кризиса на социальный капитал и обратного влияния социального капитала на протекание кризиса в регионе. После этого модель не раз использовалась для проведения анализа влияния социального капитала на различные сферы жизни общества (Ясников, 2019; Гужавина, 2019а, 2019б, 2019в). Таким образом, мы, принимая в расчет существующий опыт применения данной модели, сделали вывод о возможности применения этой методики для изучения взаимосвязи инновационных практик и социального капитала. Научная новизна работы заключается в использовании новой и современной индикаторной модели для выяснения того, каким образом накопление социального капитала связано с инновационными практиками работающего населения крупных городов.

Результаты исследования

В первую очередь нами был изучен состав работающего населения крупнейших городов Вологодской области на предмет соотношения обладателей социального капитала различного уровня (таблица 1). Анализ показал, что большая часть опрошенных обладает социальным капиталом среднего уровня, а отклонение наблюдается в сторону увеличения социального капитала (17% с более низким его уровнем против ~38% с более высоким).

Далее нас заинтересовала сама доступность инструментов инновационных взаимодействий для жителей города. Примечательными оказались два момента (таблица 2). Во-первых, в целом доступность основных инновационных услуг связи достаточно высока. Даже в группе с минимальной удовлетворенностью 75% опрошенных считают свою обеспеченность ими как минимум удовлетворительной. Во-вторых, можно заметить, что накопление социального капитала положитель-

но связано с самооценкой доступности современных средств связи, вплоть до 97% удовлетворенности в группе с максимальным уровнем социального капитала.

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала

Уровень социального капитала	Процент
1	2,0
2	15,0
3	45,3
4	27,0
5	10,7

Источник: Опрос общественного мнения «Барьеры гражданского участия, механизмы преодоления на региональном уровне», 2019 г.

Дополнительно заметим, что вопрос улучшения обстановки с доступом к интернету практически не входит в сферу интересов горожан. Позиция, касающаяся ожидания от муниципальных властей действий, направленных на «обеспечение доступа к скоростной сети Интернет», привлекла менее 6% опрошенных. Все это позволяет сделать вывод, что крупных городах Вологодской области достаточно комфортная обстановка с доступом к современным средствам связи, по крайней мере, с точки зрения самих жителей.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените положение вашего муниципального образования в 2018 г. по следующему параметру: Обеспеченность населения услугами связи (Интернет, мобильная связь)» (в зависимости от уровня социального капитала, %)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Очень плохое	13	3	3	0	0
Плохое	13	15	10	16	2
Удовлетворительное	25	44	45	38	64
Хорошее	50	37	43	46	33

Источник: Опрос общественного мнения «Барьеры гражданского участия, механизмы преодоления на региональном уровне», 2019 г.

Изучая вопрос включенности городских жителей в процесс участия в мероприятиях общественной и политической жизни, мы обратили внимание на активность респондентов в современном виртуальном пространстве (таблица 3). В результате получилась достаточно интересная картина. В целом такой формат

социального участия (в виртуальных группах) не пользуется особой популярностью у респондентов (меньше половины опрошенных в каждой группе занимается этим хотя бы «время от времени»). Однако можно заметить, что наибольшую активность проявляют две противоположные по уровню социального капитала группы. Мы предполагаем, что это может говорить о том, что возможности для участия в таком формате общественной жизни существуют у представителей каждой группы, однако мотив (и даже факт самого наличия мотива) для этого может различаться.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос
 «Принимаете ли вы участие в мероприятиях общественной и политической жизни
 „Какой-то группы, которая общается только через Интернет
 (например, «ВКонтакте», Instagram, «Одноклассники», Facebook)“?»
 (в зависимости от уровня социального капитала, %)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Регулярно	13	9	11	7	19
Время от времени	25	10	14	26	26
Один раз	0	3	5	7	10
Никогда	63	78	71	61	45

Источник: Опрос общественного мнения «Барьеры гражданского участия, механизмы преодоления на региональном уровне», 2019 г.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос
 «Из каких источников вы обычно получаете информацию о деятельности
 общественных (некоммерческих) организаций, прочих гражданских
 инициативах?» (в зависимости от уровня социального капитала, %)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Интернет	0	37	46	54	64

Источник: Опрос общественного мнения «Барьеры гражданского участия, механизмы преодоления на региональном уровне», 2019 г.

Достаточно однозначно, с нашей точки зрения, обстановку с применением инновационных практик в группах с различным уровнем социального капитала характеризует частота использования интернета для получения информации, в частности о деятельности общественных организаций, прочих гражданских инициативах (таблица 4). По мере увеличения уровня накопленного социального капитала респонденты все чаще склонны рассматривать интернет как средство получения

новой информации. Это свидетельствует о том, что накопление социального капитала положительно связано с подобной разновидностью инновационных практик.

Показательна и ситуация с готовностью использовать интернет-сообщества как источник помощи в проблемной жизненной ситуации (таблица 5). Ни один опрошенный с минимальным уровнем социального капитала даже не рассматривает интернет-сообщества как потенциальный источник помощи, и напротив, лица с социальным капиталом максимального уровня почти в 1/5 случаев готовы к ним без каких-либо проблем. Однако отметим также, что даже в группе с социальным капиталом максимального уровня половина опрошенных не считает такой вариант эффективным источником помощи.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Как часто вы сможете обратиться при возникновении проблемной жизненной ситуации к представителям „интернет-сообщества“?»
(в зависимости от уровня социального капитала, %)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Всегда	0		1	1	17
Часто	0	4	7	8	12
Редко	0	22	10	25	21
Никогда	100	74	83	67	50

Источник: Опрос общественного мнения «Барьеры гражданского участия, механизмы преодоления на региональном уровне», 2019 г.

Помимо прочего, мы проанализировали ответы респондентов, связанные непосредственно с частными случаями применения конкретных инновационных практик. Отметим, что применение некоторых практик не было специфичным для групп с различным уровнем социального капитала (распределение ответов было более-менее равномерным во всех), поэтому ниже представлены только те варианты ответа, в которых прослеживается определенная групповая специфика (таблица 6).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Что из перечисленного вам доводилось делать за последние 2–3 года?»
(в зависимости от уровня социального капитала, %)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Ездить за границу по делам работы, учебы	0	2	6	8	21
Иметь дело с иностранной валютой	0	12	23	28	36

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Пользоваться услугами домработницы, няни, гувернантки	0	0	3	2	14
Пользоваться услугами репетитора	0	10	14	11	24
Приобретать спортивные товары и/или туристическое снаряжение	0	12	29	38	48
Заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе	0	22	26	30	45
Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	0	9	15	14	31
Использовать интернет для получения информации, покупок, заказа билетов	0	39	48	61	71
Пользоваться Личным кабинетом на Госуслугах, налоговой инспекции, сайтах ЖКХ	0	32	49	56	81

Источник: Опрос общественного мнения «Барьеры гражданского участия, механизмы преодоления на региональном уровне», 2019 г.

Как можно заметить, в тех ситуациях, когда групповая специфика применения инновационных практик в принципе присутствует, большую активность всегда проявляют люди с большим уровнем социального капитала. Это относится как к повседневным действиям (оплата услуг ЖКХ, использование портала госуслуг), так и к более «экзотическим» практикам, как, например, поездки за границу, наем частных работников или приобретение редкого снаряжения.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можем заключить, что социальный капитал достаточно тесно связан с использованием различных инновационных практик. Высокий уровень социального капитала сопряжен с увеличенными возможностями по использованию современных информационных ресурсов и пространств, что представляют собой базу современного информационного общества, а также частные примеры проявления инновационных практик чаще наблюдаются именно среди подобных респондентов.

Таким образом, можно сказать, что если современное научное сообщество решит направить свои усилия на поиск путей по ускорению процессов формирования цифровой грамотности населения, то с высокой долей вероятности выполнение этой задачи будет сопряжено с решением большого числа вопросов, в том числе гуманитарного характера, связанных с доверием и социальным взаимодействием, как основными составляющими социального капитала. Отметим также, что социальный капитал, являясь одним из представителей нематериальных ресурсов, обретает особенное значение в периоды экономических потрясений, что дополнительно актуализирует проблему его накопления в современном беспокойном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994.
- Берман Н.Д. К вопросу о цифровой грамотности. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2017, 8 (6-2), 35–38.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гужавина Т.А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала. *Социологическая наука и социальная практика*, 2019а, 7 (1), 37–54. URL: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6268>
- Гужавина Т.А. Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец: ЧГУ, 2018.
- Гужавина Т.А. Социальный капитал в волонтерском движении. В кн.: *Социальная инженерия: как социология меняет мир: материалы IX Международной социологической Грушинской конференции 20–21 марта 2019 г.* М.: ВЦИОМ, 2019б. С. 398–401.
- Гужавина Т.А. Социальный капитал как стратификационный показатель. В кн.: *социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: сб. материалов XIII Международной научной конференции «Сорокинские чтения — 2019».* М.: МАКС Пресс, 2019в. С. 52–55.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia; Наука, 1998.
- Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос. 2000.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*, 2001, No. 3, 121–139.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Ясников Н.Н. Социальный капитал и семья: взаимосвязь и результаты. В кн.: *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук.* Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 200–203.
- Bourdieu P. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital.* In: R. Kreckel (ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2).* Goettingen: Otto Schwartz & Co., 1983. pp. 183–198.
- Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity.* New York: Free Press, 1995.
- Knack S., Keefer Ph. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, 112 (4), 1251–1288. URL: <https://doi.org/10.1162/003355300555475>
- Nannicini T., Stella A., Tabellini G., Troiano U. Social Capital and Political Accountability. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2013, 5 (2), 222–50. DOI: 10.1257/pol.5.2.222
- Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms. *Journal of Economic*

Perspectives, 2000, 14 (3), 137–158.

Putnam D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press, 1994.

REFERENCES

Abdeev, R.F. (1994). *Filosofiya informacionnoj civilizacii* [Philosophy of information civilization]. M.: VLADOS.

Berman, N.D. (2017). *K voprosu o cifrovoj gramotnosti* [On the issue of digital literacy]. Russian Journal of Education and Psychology, 8(6-2), 35–38.

Veber, M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M.: Progress.

Guzhavina, T.A. (2018). *Regional'nyj social'nyj kapital v usloviyah krizisa* [Regional social capital in a crisis]. Cherepovec: ChSU, 220 p.

Guzhavina, T.A. (2019a). Grazhdanskoe uchastie kak eksternaliya social'nogo kapitala [Civic participation as an externalization of social capital]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 7 (1), 37–54. Available at: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6268>

Guzhavina, T.A. (2019b) Social'nyj kapital v volonterskom dvizhenii [Social capital in the volunteer movement]. In: *Social'naya inzheneriya: kak sociologiya menyaet mir: materialy IX Mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii* [Social Engineering: How Sociology Changes. Proceedings of the IX International Sociological Grushinskaya Conference «Social Engineering: How Sociology Changes the World», 20–21 March 2019]. (pp. 398–401). Moscow: VCIOM, 2019.

Guzhavina, T.A. (2019c) Social'nyj kapital kak stratifikacionnyj pokazatel' [Social capital as a stratification indicator.]. In: *Social'naja stratifikaciya v cifrovuyu epohu: k 130-letiyu so dnya rozhdeniya Pitirima Sorokina: sb. materialov XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sorokinskie chteniya — 2019»* [Social stratification in the digital era: to the 130th anniversary of the birth of Pitirim Sorokin: XIII International scientific conference. «Sorokin Readings — 2019»]. (pp. 52–55). M.: MAKSS Press.

Inozemcev, V.L (1998). *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva* [Outside the economic society]. M.: Academia; Nauka.

Inozemcev, V.L. (2000). *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects]. M.: Logos.

Coleman, J. (2001). Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], no. 3, 121–139.

Sorokin, P.A. (1992). *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. M.: Politizdat.

Jasnikov, N.N. (2019). Social'nyj kapital i sem'ya: vzaimosvyaz' i rezul'taty [Social capital and family: relationship and results.]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'nyh issledovanij: materialy XVII Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh v oblasti gumanitarnyh i social'nyh nauk* [XVII All-Russian scientific conference of young scientists

«Actual problems of humanitarian and social research»: Proceedings] (pp. 200–203). Novosibirsk: The Novosibirsk State University Publishing House.

Bourdieu, P. (1983). Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital. In: R. Kreckel (Ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)* (pp. 183–198). Goettingen: Otto Schwartz & Co.

Fukuyama, F. (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press.

Knack, S., & Keefer, P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 112 (4), 1251–1288. Available at: <https://doi.org/10.1162/003355300555475>

Nannicini, T., Stella, A., Tabellini, G., Troiano, U. (2013). Social Capital and Political Accountability. *American Economic Journal: Economic Policy*, no 5 (2), 222–50. DOI: 10.1257/pol.5.2.222

Ostrom, E. (2000). Collective Action and the Evolution of Social Norms. *Journal of Economic Perspectives*, no 14 (3), 137–158.

Putnam, D. (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press.

УДК 316.47

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ К МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ В РЕГИОНЕ

Е.В. Шахова, Д.К. Щеглова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: EWS05@yandex.ru, daschul9@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-10

Проблема миграции на сегодняшний день является одной из самых актуальных. Внимание к процессам миграции в Российской Федерации возрастает в связи с их масштабами и последствиями, которые имеют как позитивный, так и негативный характер. Наибольшую значимость вопросы миграции приобретают в приграничных регионах России, где они тесно переплетаются с проблематикой межэтнических отношений. В статье приводятся результаты многолетних социологических исследований (2016–2020, n = 6250), направленных на изучение миграционной ситуации и социальной интеграции представителей разных этнических сообществ в Алтайском крае. Анализируется отношение жителей региона к миграции и к межнациональным отношениям, выявляются основные тенденции и аспекты, сопровождающие данные изменения.

Ключевые слова: миграция, миграционная ситуация, Алтайский край, приграничный регион России, межэтнические отношения

DYNAMICS OF ATTITUDES OF POPULATION LIVING IN THE ALTAI KRAI TOWARDS INTER-ETHNIC RELATIONS AND MIGRATION SITUATION IN THE REGION

E.V. Shakhova, D.K. Sheglova

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: EWS05@yandex.ru, daschul9@mail.ru*

Migration issues are today one of most discussed and acute. Attention towards migration processes increases with its growing magnitude and consequences, having positive and negative character. International migration has acquired greater prominence in border regions of Russia where it become related to inter-ethnic relations. The article presents the results of a multi-year sociological survey (2016-2020, n = 6250), aimed at studying the migration situation and the social integration of representatives of different ethnic groups living in the Altai region. Especial-

ly, attitudes of population towards migration, migrants and migration policy, ethnic relations, tendencies and different aspects of changes in these attitudes are in the focus of the analysis.

Keywords: *migration, migration situation, the Altai region, border region of Russia, inter-ethnic relations*

Введение

Миграционный процесс представляет собой достаточно сложное и многогранное явление. Сложность и противоречивость данного процесса заключается в том, что он оказывает неоднозначное воздействие на социально-экономическую ситуацию как на уровне отдельных регионов, так и на уровне государства в целом. С одной стороны, приток мигрантов оказывает положительный эффект на демографическую ситуацию путем увеличения численности населения, а также увеличивает количество трудоспособного населения, тем самым сглаживая нехватку рабочей силы и улучшая экономический потенциал региона. Однако миграции населения имеет и отрицательные стороны: нелегальная миграция, маргинализация социально уязвимых мигрантов, культурная трансформация регионального социума, утечка образованных и высококвалифицированных специалистов и другие проблемы (Максимова, Авдеева, Максимов, 2013).

Миграционная ситуация в современной России во многом определяется геополитической архитектурой, а также реалиями мировой экономической, социальной и политической конъюнктуры. Въезд и выезд мигрантов в Россию (численность, интенсивность, частота, состав) напрямую зависят от состояния экономики и финансовой системы, от курса национальной валюты, от состояния рынка труда и иных причин и факторов (Межэтнические отношения ..., 2019).

Миграционные процессы играют большую роль для социальной интеграции населения приграничных регионов. Вследствие миграции зачастую между местным населением и мигрантами образуется культурная дистанция (так, например, ученые отмечают, что для регионов, которые граничат с иноэтничными мусульманскими государствами, характерен высокий уровень межнациональной напряженности). Интеграция мигрантов в укоренившийся и определившийся социум подразумевает включение в культуру, систему норм, ценностей и традиций принимающей страны, обозначение направления взаимодействия и поиск компромисса по всем основным вопросам жизнедеятельности с институтами гражданского общества.

Интеграционная политика осуществляется на всех уровнях власти: федеральном, региональном и местном. Процессы миграции и интеграции имеют определенные точки пересечения (Reinprecht, Weiss, 2011). Сегодня в сфере политики интеграции в России имеется огромный ряд определенных социокультурных ограничений: особенности и стереотипы общественного сознания жителей России; негативный опыт взаимодействия мигрантов и коренного населения; очень низкие возможности адаптации мигрантов; низкий интеграционный потенциал принимающей среды и др. Все это свидетельствует о необходимости особых подходов и методов для бо-

лее полной адаптации и интеграции мигрантов как в стране в целом, так и в регионах (Бабинцев, Сапрыка, 2014).

Особую актуальность вопросы миграции приобретают в приграничных регионах России. Законодательство в сфере миграции здесь должно быть педантично проработано, модернизировано, направлено на продолжительную перспективу развития субъектов, на сохранение национальной безопасности, должно ориентироваться на преодоление отрицательных последствий миграции.

В статье рассматривается специфика межнациональных отношений и миграционной ситуации в Алтайском крае — одном из приграничных регионов России. Население данного субъекта имеет в своем составе представителей различных национальностей со своими особыми, уникальными обычаями, традициями, культурными компонентами. Миграция играет важную роль в формировании состава населения Алтайского края на протяжении долгого времени. Миграционные процессы оказывают несомненное влияние на принимающее общество — на численность населения, возрастную и этническую структуры, этнокультурную динамику, определяют специфику стратегии адаптации мигрантов, социальной интеграции всего населения (Чекрыжева, Тарасова, 2018).

Регион имеет обширные миграционные связи со странами ближнего и дальнего зарубежья, практически со всеми федеральными округами России. Наиболее тесные миграционные отношения край имеет с Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Украиной.

Таким образом, вопросы изучения особенностей миграции и межэтнических отношений в Алтайском крае, как приграничном регионе России, являются актуальными. Они позволяют выявить проблемы во взаимодействии приезжих и местного населения и соответственно определить возможности их преодоления, а главное — обозначить причину возможных конфликтов и разработать меры профилактики для проблемных ситуаций.

Методы исследования

Анализ особенностей миграции — «необходимый инструмент выработки обоснованной миграционной политики, предполагающий проведение комплексных, углубленных исследований с использованием статистических и социологических методов по специальным программам»¹.

При изучении миграционной ситуации в Алтайском крае было важно учитывать мнение самих жителей региона. Для этого в период с 2016 по 2020 г. был проведен ряд мониторинговых социологических исследований с целью изучения особенностей межнациональных отношений и миграционной ситуации.

Отбор респондентов производился на основе многоступенчатой выборки с использованием квотного отбора. Общее количество участников опросов составило 6250 человек (2016–2020 гг.). Количественные данные обработаны с использованием статистического пакета обработки данных SPSS 17.0.

¹ Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения. Социальный бюллетень. 2018. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/16766.pdf> (дата обращения 02.08.2020).

Основные результаты исследования

Было проанализировано отношение жителей региона к представителям других национальностей. В среднем за пятилетний период почти половина населения края (48,0%) испытывала к представителям других национальностей нейтральные чувства, 44,1% участников указывали на положительные чувства (24,2% — скорее положительные, 19,9% — определенно положительные), 4,9% — имели негативное отношение к представителям иных национальностей, 0,6% — описали свое отношение как определенно негативное. За весь период проведения исследования по данному вопросу происходили изменения в настроении населения по отношению к другим национальностям. Так, на нейтральность отношений чаще всего жители края указывали в 2017 г. (54,9%), при этом на положительные чувства в этот период указывали реже («скорее положительные» — 19,3%, «определенно положительные» — 18,3%). В 2019 г., по сравнению с другими периодами, население чаще указывало на «скорее положительные» (28,9%) и «скорее негативные» (6,3%) отношения. В целом к 2020 г. отмечается тенденция смены иноэтнических установок населения на положительные (на «определенно положительные чувства» в 2016 г. указывали 18,4% жителей региона, к 2020 г. их стало уже 22,5%; количество скорее негативно относившихся к другим национальностям сократилось с 6,3% в 2016 г. до 2,9% в 2020 г.) (рисунок 1).

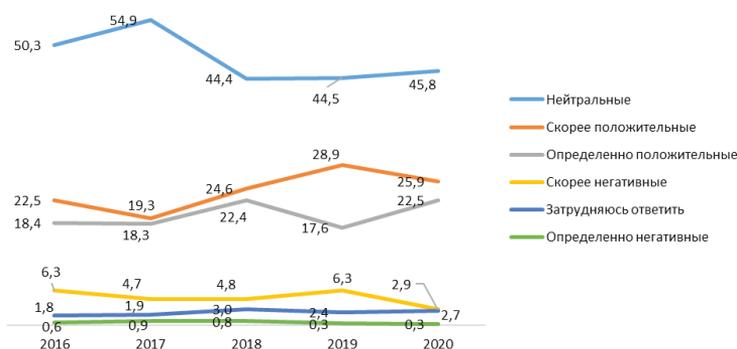

Рисунок 1 — Чувства по отношению к представителям других национальностей, %.

Полученное распределение оценок отношения жителей Алтайского края к представителям других национальностей достоверно разделяется по целому ряду оснований. Так, например, положительные чувства к лицам других национальностей (варианты ответов «определенно положительные» и «скорее положительные») чаще испытывают руководители организаций, отделов или подразделений. Среди положительно относившихся к другим народам больше тех, кто старше 50 лет, верующих и женщин. Люди с начальным профессиональным или средним профессиональным образованием чаще оценивают отношение к лицам других национальностей как «скорее положительное», а с неполным высшим образованием — как

«нейтральное». На «определенно положительное» отношение к представителям других народов чаще указывают люди, оценивающие свое материальное положение как «очень хорошее, богатое», на «скорее негативные» отношения — люди, живущие бедно и очень бедно. Кроме того, жители края, которые проживают в регионе менее года, также чаще отмечают определенно положительные отношения к представителям других национальностей, чем те, кто проживает в регионе дольше.

Насколько отношение к обобщенному «другому» отличается от этнических чувств, испытываемых к конкретным этническим группам? Какие именно нации и народности вызывают положительные или, напротив, отрицательные чувства у жителей региона? Согласно данным исследования за 2016 и 2017 гг., в ходе которых респондентам предлагалось выбрать из списка народов те, к которым они испытывали положительные чувства, наибольшую симпатию у населения Алтайского края вызывали русские (57,4%), славяне (29,2%) и европейцы (17,4%), однако жители края достаточно редко симпатизировали азиатам (5,5%), а также представителям народов Кавказа (5,5%) и народам Средней Азии (таджикам, узбекам, казахам и др.) (3,8%).

Стоит отметить, что указанные тенденции отмечаются на протяжении длительного времени. В 2014 г. одно из проведенных исследований также описывало факт отсутствия симпатии к народам Средней Азии, народам Кавказа и Закавказья (Горбунова, Максимова, 2015). Особенности восприятия межэтнических отношений, выявленные в Алтайском крае, не являются специфически региональными, они в значительной степени характеризуют отношение всего населения России. Так, согласно результатам социологических опросов ВЦИОМ, также отмечаются негативные эмоции у сограждан по отношению к представителям кавказских народов (29%), о любви к выходцам из Средней Азии на уровне страны говорят чуть реже (6%)¹.

В 2018 г. вопрос был трансформирован в табличную форму, в которой отношение к каждой национальности оценивалось по четырехбалльной шкале (от «очень хорошо» до «очень плохо»), что позволило получить более точные и дифференцированные оценки. Согласно полученным данным, жители Алтайского края лучше всего относились к русским (97,4%), славянам (92,2%), европейцам (90,2%), при этом к последним отношение меняется в лучшую сторону (в 2018 г. 87,8% жителей указали на хорошее отношение, в 2020 г. — 93,1%), к азиатам (81,2% в 2018 г., 85,1% в 2020 г.). Жители реже указывали на хорошее отношение к представителям народов Кавказа (2019 г. — 69,7%, 2018 г. — 75,1%, 2020 г. — 75,3%), и народов Средней Азии (2018 г. — 72,8%, 2019 г. — 67,7%, 2020 г. — 75,3%).

Антипатия к представителям некоторых национальностей имеет целый комплекс причин, имеющих субъективные и объективные основания. Большинство жителей недовольны манерой поведения представителей некоторых народов и считают, что они ведут себя слишком развязно, пренебрегая обычаями нашего государства (40,8% наблюдений), часто оправдывают свое негативное отношение угрозой терроризма (35,4%), враждебным отношением других этносов к русским (30,9%). В качестве других причин указывается, что вызывающие неприязнь этни-

¹ Этнические симпатии и антипатии россиян. Пресс-выпуск ВЦИОМ. Институт демографии НИУ ВШЭ. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/opros02.php> (дата обращения: 20.05.2018).

ческие группы «отнимают рабочие места у местного населения» (13,5%), осуществляют «контроль определенных сфер бизнеса» (12,3%), не желают учить русский язык (10,1%). При этом причины, связанные с некорректным поведением и манерами, преступной деятельностью, угрозой терроризма и с враждебным отношением к русским, имели наибольшую выраженность в 2018 и 2019 гг. По данным 2020 г. жителей, указавших эти причины, стало значительно меньше, их количество снизилось до уровня 2016 г. (рисунок 2).

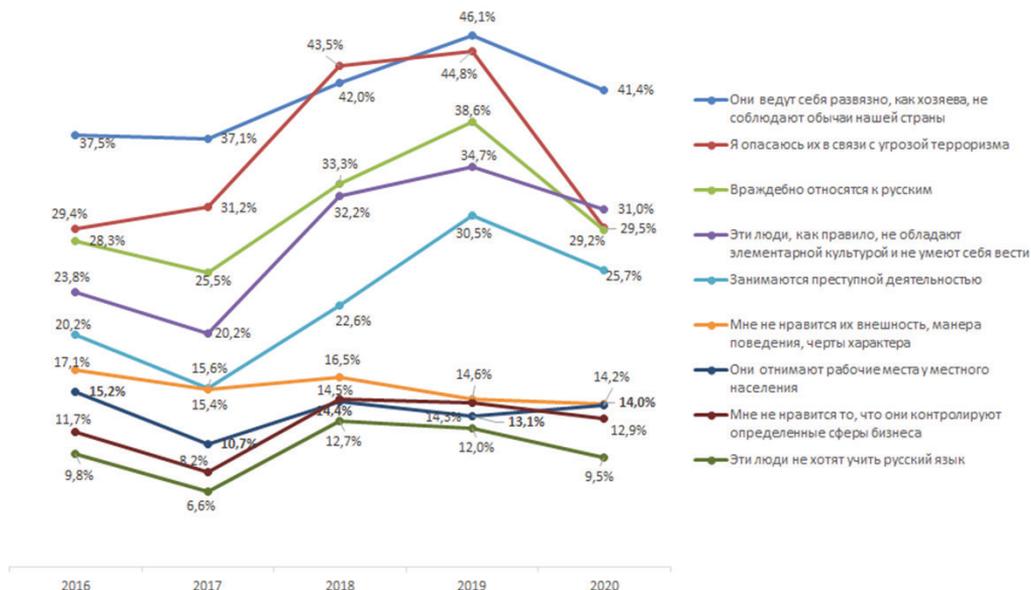

Рисунок 2 — Причины антипатии к представителям других национальностей, %.

Рисунок 3 — Распределения ответов на вопрос: «Как, на ваш взгляд, за последние годы изменились межнациональные отношения в России?», 2015–2017 (слева) и 2018–2020 (справа), %.

Изменяются, пусть медленно и постепенно, и оценки населения относительно динамики межнациональных отношений. На вопрос о том, как изменились отношения между национальностями в последние годы, на протяжении всего исследования жители чаще всего отмечали, что межнациональные отношения практически не изменились. Однако в 2016–2017 гг. население чаще указывало на то, что отношения стали более напряженными (31,7%), и реже на то, что они стали более терпимыми (15,8%). В 2018–2020 гг., напротив, чаще отмечали улучшение межнациональных отношений (27,2%), чем ухудшение (14,0%). В 2020 г. жители края стали чаще оценивать изменения отношений между представителями разных национальностей как улучшающиеся и более терпимые (рисунок 3).

Наметились и другие позитивные изменения. В 2020 г., особенно в сравнении с 2016 г., жители стали реже испытывать враждебность к людям других национальностей (80,4% в 2016 г., 84,7% в 2020 г.) и ощущать враждебность к себе с стороны других этносов (83,0% в 2016 г., 85,2% в 2020 г.). Наличие ощущения враждебного отношения к представителям других национальностей или чувство такого отношения к себе, на наш взгляд, является важным показателем, характеризующим межэтнические отношения и миграционную ситуацию в регионе.

Несмотря на положительную динамику межнациональных отношений, в статусных позициях этнических групп ситуация далека от идеальной и по-прежнему имеют место проявления неравенства и дискриминации. На протяжении всего исследования (2016–2020 гг.) только чуть больше половины жителей Алтайского края указывали на то, что представители разных национальностей имеют равные шансы при устройстве на хорошую работу (51,2%) и при открытии своего дела (54,1%). При этом только 34,5% населения отметили равные возможности занять высокий пост в органах власти (рисунок 4).

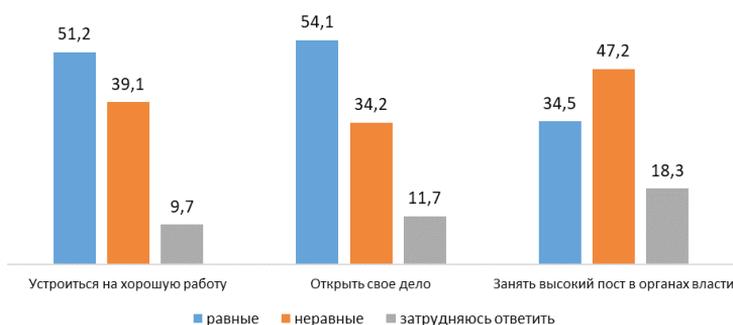

Рисунок 4 — Оценки равенства возможностей изменить социальное положение у представителей различных национальностей, %.

Сложившаяся ситуация отчасти связана с восприятием многонациональности российского государства, взаимоотношениями между доминирующими по численности русскими и другими национальностями. Почти половина респондентов

(52,3%) указывала на то, что Россия — общий дом многих народов, которые оказывают влияние друг на друга, а все народы, проживающие в стране, должны обладать равными правами. 33,5% жителей утверждали, что Россия — многонациональная страна, но, несмотря на это, основная ответственность за судьбу страны лежит на русских, так как они составляют большинство. Процент тех, кто характеризует Россию прежде всего как государство русских и для русских, в среднем за пять лет составил 8,5%. Хотя среди жителей края получают все большее распространение убеждения о равноправии всех народов, населяющих Россию (доля выбравших данный вариант ответа в 2016 г. составляла 44,6%, тогда как в 2020 г. — 58,3%) (рисунок 5), а радикальные националистические взгляды демонстрирует лишь незначительная часть (4,8% в 2020 г.), результаты исследования свидетельствуют об отсутствии единодушия и распространенности среди населения представлений об иерархичности национальной структуры, что само по себе может служить источником конфликтов и уязвимости представителей различных этносов.

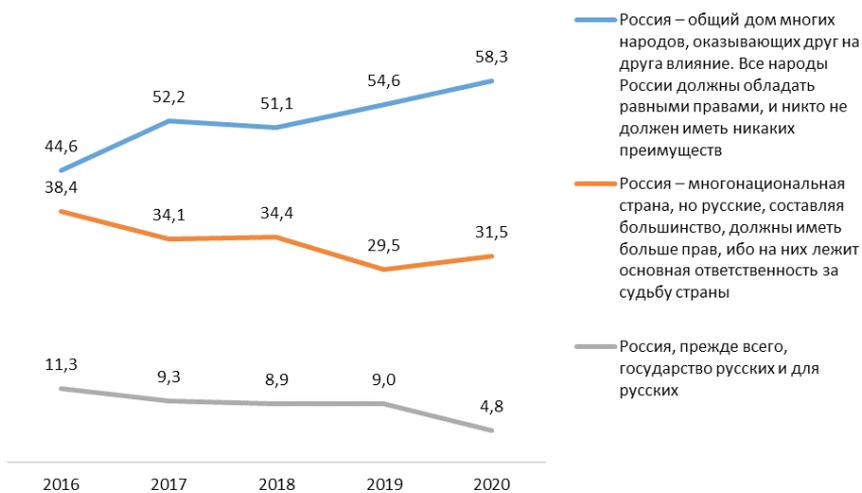

Рисунок 5 — Представления населения Алтайского края о многонациональности России, 2016–2020, %.

Далее нами были проанализированы вопросы, связанные с миграцией населения и миграционной политикой региона.

По официальным данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, количество мигрантов увеличивается: в 2016 г. прибывшие в регион составили 75 769 чел., а в 2019 г. их количество увеличилось до 79 649 чел.¹ Исследования показывают, что уровень образования и материального состоя-

¹ Миграция населения Алтайского края. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 02.08.2020).

ния населения во многом определяет его мнение об особенностях влияния притока мигрантов на сферы жизни общества (Максимова, Морковкина, Омельченко, 2018).

Как население региона воспринимает актуальную миграционную ситуацию и миграционную политику? Согласно полученным данным, больше половины жителей считают, что в их населенном пункте много мигрантов, которые приехали из-за рубежа или из других регионов страны (58,5%); на то, что их мало (или практически нет), указали 33,5% населения; 8,0% жителей затруднились ответить.

В большинстве случаев жители региона указывают на равнодушное отношение к мигрантам (54,1%). Однако стоит отметить, что к 2020 г. отмечается увеличение доли тех, кто испытывает скорее положительные, чем отрицательные чувства (с 9,4% в 2016 г. до 17,7% в 2020 г.) и дружелюбные (с 8,0% в 2016 г. до 11,8% в 2020 г.). Население указало на актуальные для них положительные и отрицательные стороны присутствия мигрантов. Положительными последствиями присутствия иностранных граждан население считает «выполнение работы, которую не хочет выполнять местное население» (27,5%), «доставку в регион дешевых продуктов и товаров, дешевые услуги (14,4%)», наиболее значимыми отрицательными эффектами выступают «рост преступности и незаконная деятельность» (22,1%), «занятие рабочих мест, необходимых для местных» (16,2%).

Население региона в ходе исследования выразило свое отношение относительно миграционной политики края: 25,6% жителей согласились с действующей в настоящее время политикой, 30,8% считают необходимым ужесточить контроль миграционных потоков. 21,9% указали на то, что необходима умеренность в проводимой политике поддержки и контроля, 7,1% населения указали на приемлемость политики, направленной на улучшение социальных условий жизни мигрантов и их полную легализацию.

Исторический процесс указывает на то, что присутствие мигрантов часто провоцирует обострение в обществе конфликтов на этнической почве (Блохина, Грачев, 2016). В связи с этим важно понимать, что население Алтайского края думает о возможности открытых конфликтов между местными жителями и приезжими в Алтайский край. Более половины жителей (62,9%) говорят об их невозможности («скорее невозможны» — 43,9%, «невозможны» — 19,0%). 15,9% населения затрудняются ответить на данный вопрос. Остальные указывают на возможность конфликта («возможны» — 6,9%, «скорее возможны» — 14,3%).

Отношения между мигрантами и местным населением зачастую воспринимаются в тесной связи с межэтническими взаимодействиями, что подтверждается сходством распределений ответов и на вопрос о возможности конфликтов на национальной почве: 37,8% жителей считают, что они скорее невозможны, 20,4% утверждают, что невозможны, 19,2% испытывают затруднение с ответом на данный вопрос. Оставшаяся часть населения указала на возможность возникновения конфликтов (15,4% — «скорее возможны», 7,3% — «возможны»). В данном случае мнение жителей Алтайского края соотносится и с мнением всего населения России, это подтверждается результатами исследования, проведенного Аналитическим центром «Левада-центр» в 2016 г. В ходе данного опроса было выяснено, что 25,0%

жителей России считают, что массовые конфликты на национальной почве в Российской Федерации, вероятно, могут произойти¹.

Больше половины жителей не участвовали в межнациональных конфликтах и не наблюдали ссор, перебранок, стычек, конфликтов, связанных с межнациональной неприязнью (69,7%). Почти каждый четвертый житель являлся наблюдателем таких конфликтов, но сам в них не участвовал (18,1%). Каждый двадцатый житель становился участником таких столкновений. В 66,8% случаев отношения между людьми различных национальностей оценивались жителями региона как нормальные, бесконфликтные, в 9,9% случаев — как доброжелательные, способствующие общественному согласию. На напряженность отношений указывают 8,7% жителей, на взрывоопасность — 1,0%; 13,6% жителей затрудняются с выбором ответа.

Заключение

Для Алтайского края, как приграничного региона Российской Федерации, вопросы изучения особенностей миграции и межэтнических отношений являются актуальными. Отношение к мигрантам у жителей региона в целом доброжелательное, однако в их присутствии в крае жители видят как положительные, так и отрицательные стороны. В целом ситуация в сфере межэтнических отношений в регионе характеризуется как стабильная, бесконфликтная, благоприятная, тем не менее отмечен определенный уровень нетерпимости. Наиболее часто негативное отношение жители края испытывают к народам Средней Азии и Кавказа, причинами неприязни выступают факты неподобающего поведения, несоблюдение обычаев нашей страны представителями других национальностей, угроза терроризма и враждебное отношение к русским, что согласуется с данными всероссийских исследований и мнением населения страны в целом.

За весь период исследования (2016–2020 гг.) в сфере межэтнических отношений в Алтайском крае были отмечены различные изменения. Однако в целом к 2020 г. отмечается тенденция улучшения чувств к мигрантам и представителям других национальностей.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России» (2020–2021 гг.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабинцев В.П., Сапрыка В.А. Вопросы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины в социальном хро-

¹ Интолерантность и ксенофобия. Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/1853820-echo/> (дата обращения: 02.03.2018).

нотопе. Государство и общество: вчера, сегодня, завтра, 2014, No. 13, 200–208.

Блохина А.Е., Грачев С.И. Миграционные процессы в новейшей истории: этническая конфликтность, региональная и национальная безопасность. Вестник ННГУ, 2016, No. 6, 24–28.

Горбунова А.А., Максимова С.Г. Регулирование межэтнических отношений (по материалам исследования в Алтайском крае). Известия АлтГУ, 2015, 3 (87), 163–166.

Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Максимов М.Б. Миграционные процессы и социально-экономическая безопасность приграничных регионов России. Вестник АГАУ, 2013, 11 (109), 123–127.

Максимова С.Г., Морковкина А.Г., Омельченко Д.А. Миграция в Алтайском крае: осведомленность населения и оценки миграционной обстановки. Society and Security Insights, 2018, No. 2, 68–84.

Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне Всероссийской переписи населения 2020 г. в регионах Северо-Кавказского федерального округа: Экспертный доклад. Пятигорск: ПГУ, 2019.

Чекрыжова О.И., Тарасова Е.В. Миграция населения Алтайского края: ретроспективный анализ. Известия АлтГУ, 2018, 2 (100), 145–149.

Reinprecht Ch., Weiss H. Migration und Integration: Soziologische Perspektiven und Erklärungsansätze. Migrations- und Integrationsforschung: Multidisziplinäre Perspektiven. Hrsg. von H. Fassmann, J. Dahlvik, Göttingen: V&R unipress, 2011, 13–2.

REFERENCES

Babincev, V.P., Sapryka, V.A. (2014). Voprosy formirovaniya kul'turno-civilizacionnyh identichnostej v prigranichnyh regionah Rossii i Ukrainy v social'nom hronotope [Issues of the formation of cultural and civilizational identities in the border regions of Russia and Ukraine in a social chronotope]. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra* [State and society: yesterday, today, tomorrow], no. 13, 200–208.

Blohina, A.E., Grachev, S.I. (2016). Migracionnye processy v novejshej istorii: etnicheskaya konfliktogennost', regional'naya i nacional'naya bezopasnost' [Migration processes in recent history: ethnic conflict potential, regional and national security]. *Vestnik NNGU* [NNSU Bulletin], no. 6, 24–28.

Gorbunova, A.A., Maksimova, S.G. (2015). Regulirovanie mezhetnicheskikh otnoshenij (po materialam issledovaniya v Altajskom krae) [Regulation of interethnic relations (based on research materials in the Altai Territory)]. *Izvestiya AltGU* [News of AltSU], 3 (87), 163–166.

Maksimova, S.G., Avdeeva, G.S., Maksimov, M.B. (2013). Migracionnye processy i social'no-ekonomicheskaya bezopasnost' prigranichnyh regionov Rossii [Migration processes and socio-economic security of the border regions of Russia]. *Vestnik AGAU* [AGAU Bulletin], 11 (109), 123–127.

Maksimova, S.G., Morkovkina, A.G., Omel'chenko, D.A. (2018). Migraciya v Altajskom krae: osvedomlennost' naseleniya i ocenki migracionnoj obstanovki [Migration in the Altai Territory: Awareness of the Population and Assessment of the Migration Situation].

Society and Security Insights, no. 2, 68–84.

Mezhetnicheskie otnosheniya i migracionnaya situaciya nakanune Vserossijskoj perepisi naseleniya 2020 g. v regionah Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: Ekspertnyj doklad. (2019). [Interethnic relations and migration situation on the eve of the All-Russian population census in 2020 in the regions of the North Caucasus Federal District]. Pyatigorsk: PGU.

Chekryzhova, O.I., Tarasova, E.V. (2018). Migraciya naseleniya Altajskogo kraja: retrospektivnyj analiz [Migration of the population of the Altai Territory: a retrospective analysis]. *Izvestiya AltGU* [News of AltSU], 2 (100), 145–149.

Reinprecht, Ch., Weiss, H. (2011). Migration und Integration: Soziologische Perspektiven und Erklärungsansätze. Migrations- und Integrationsforschung: Multidisziplinäre Perspektiven. Hrsg. von H. Fassmann, J. Dahlvik, Göttingen: V&R unipress, 13–32.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES
AND SECURITY

УДК 316.472.4

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Д.А. Ластовкина

 <https://orcid.org/0000-0001-7157-0906>

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
e-mail: dashyta.88@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-11

В настоящее время общество живет в условиях постоянного расширения коммуникационного пространства. Это проявляется в трансформации старых и появлении новых типов взаимодействия индивидов в экономической, политической, социальной, духовной сферах жизнедеятельности общества. Исследование социальных сетей — активно развивающееся направление в теоретической социологии. Это связано с тем, что концепция социальных сетей является наиболее естественной в описании и построении социальной структуры. В широком смысле под социальной сетью понимается множество точек (членов социальной системы), в той или иной степени связанных друг другом. В данной статье мы проиллюстрируем основные этапы эволюция понятия «социальная сеть» в работах зарубежных исследователей. Более

подробно остановимся на анализе зарубежных теоретических подходов к изучению социальных сетей как структурного элемента социального капитала. В заключение проведенного нами анализа будут перечислены основные характерные признаки социальной сети, на основе которых мы сформулируем обобщающее определение данного феномена.

Ключевые слова: социальные сети, социальный капитал, социальное взаимодействие, сетевые структуры, атрибуты социальной сети, сетевое взаимодействие, теория социальных сетей

SOCIAL NETWORKS IN THE CONTEXT OF SOCIAL CAPITAL: A REVIEW OF FOREIGN THEORETICAL APPROACHES

D.A. Lastovkina

 <https://orcid.org/0000-0001-7157-0906>

*Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
e-mail: dashyta.88@mail.ru*

Currently, society lives in the conditions of continuous expansion of the communication space. This is manifested in the transformation of old and the emergence of new types of interaction of individuals in the economic, political, social, spiritual spheres of society. The study of social networks is an actively developing area in theoretical sociology, and the concept of social networks is the most natural in the description and construction of a social structure. In a broad sense, a social network is understood as many points (members of a social system), to a greater or lesser extent, related to each other. In this article we will illustrate the main stages of the evolution of the concept of “social network” in the works of foreign researchers. Let’s take a closer look at foreign theoretic approaches to the study of social networks as a structural element of social capital. In the conclusion of our analysis, we will list the main characteristic features of a social network, on the basis of which we will formulate a generalized definition of this phenomenon.

Keywords: social networks, social capital, social interaction, network structures, social network attributes, network interaction, social networks theory

Введение

В развитии и функционировании современного общества важную роль играют коммуникации. Устойчивые социальные связи и отношения, которые существуют между акторами, рассматриваются в качестве социальных сетей. Социальные акторы могут быть представлены как отдельными индивидами, так и организациями, социальными группами, городами и даже странами. Относительно функционала

самых связей важно отметить, что кроме коммуникационного взаимодействия они могут быть использованы для обмена различными ресурсами, а также выступать площадкой конфликтных ситуаций. Разработка понятия социальной сети ведется в рамках субъективистской парадигмы в социологии, которая изучает взаимодействие людей, их поведение, мотивации и ценности.

Активное развитие исследований социальной сети как отдельной научной категории берет начало с середины XX в. Изучение данного феномена является одним из приоритетных направлений среди основополагающих исследований в социологической науке. В настоящее время в научном сообществе не сложилось единого определения понятия социальной сети. Однако многие исследователи, которые обращаются к изучению социального капитала, называют социальные сети его основной или важным составляющим элементом.

Цель данной статьи заключается в анализе зарубежного социологического опыта изучения социальных сетей в рамках концепции социального капитала.

Эволюция теории социальных сетей в социологической науке

Первые предпосылки и базу для развития теории социальных сетей создали классики зарубежной социологической мысли, которые активно занимались исследованием общественных отношений. К их числу можно отнести Э. Дюркгейма и Ф. Тенниса, которые в своих работах конца XIX в. впервые предприняли попытки представить сетевую структуру социальных отношений.

Э. Дюркгейм в своем понимании общества опирался на солидарность, как следствие разделения труда, и выделял два ее вида: органическую и механическую. В качестве базовой характеристики данных видов солидарности выступает степень включенности в общественную жизнь. Исследователь отмечает, что для общества с «органической солидарностью» преобладают разделение труда и тесные отношения между индивидами. В таком обществе человек сосредоточен на выполнении своей задачи, которая может выступать в роли начала или окончания в цепочке общественных взаимодействий. Из таких цепочек и состоит социальная реальность, в которой существуют явления, так называемые социальные факты, которые способны мотивировать индивидов на определенные действия. Важно отметить, что социальные факты могут носить объективный характер, в этом случае они выражаются в разных формах коллективного сознания, таких как верования, традиции, легенды. Социальным фактам присущи системные свойства, которые несут ответственность за порядок и связи между индивидами (численность и плотность населения, форма жилища, географическое положение и т. д.).

Ф. Теннис в своем труде «Общность и общество» (Tönnies, 1925) проводит разделение социальных связей индивидов на две группы. Первую группу составляют личные (Gemeinschaft) связи, которые базируются на ценностях и вере. Вторая группа — это безличные (Gesellschaft) связи, которые строятся на формальных, рыночных и экономических принципах. Автор указывает, что наличие в обществе разнообразных отношений и объединений индивидов является результатом деятельности человеческой воли. Образование социальной структуры общества происходит посредством объединения проявлений индивидуальной воли в коллективную волю.

Значительный вклад в становление теории социальной сети внес Г. Зиммель, который в своих работах начала XX в. определял общество как сложную паутину отношений множества индивидов, находящихся в постоянном взаимодействии друг с другом, где значимыми параметрами коммуникации выступают масштаб и характер возникающих между ними связей (Simmel, 1971, 1977).

Г. Спенсер в своей работе «Принципы социологии» (1876) впервые обращается к такому понятию, как «социальная структура». Надо отметить, что непосредственно под самой структурой исследователь понимает некую систему функционально связанных между собой элементов, которые в совокупности составляют внутреннюю структуру общества. В свою очередь, социальная структура рассматривается как стабильные взаимоотношения между социальным организмом и его компонентами.

В работах классиков, где зарождались первые идеи о теории социальной сети, предметом исследования выступали социальные связи между индивидами, с акцентом на порядок и взаимодействие элементов социальной структуры (системы). Безусловно, эти методологические наработки имели свое отражение в работах ученых, которые в дальнейшем занимались развитием теории социальных сетей.

Функциональный метод, который применял к первобытному обществу Дюркгейм, впоследствии получил развитие в работах А. Радклифф-Брауна. В процессе антропологического исследования «структур» традиционных обществ он актуализировал само понятие социальной сети. Следует отметить, что в значительной части своих работ исследователь обращался к вопросам изучения социальной структуры общества. Радклифф-Браун занимался разработкой методов исследования родственных отношений, определяя доминантный вектор влияния в социальной структуре, которую представлял в виде устойчивой системы отношений между людьми. Начиная с 1930-х гг. антропологи и социологи часто обращались к его концепции в процессе выявления специфических особенностей жизнедеятельности традиционных обществ. Новые методы применялись для анализа социальных стратификаций и структур, а также социальной коммуникации.

Важной заслугой Радклифф-Брауна является введение собственно сетевой терминологии. По его мнению, общество представляет собой «сеть социальных отношений». Как отмечалось ранее, изучение социальной структуры — одно из основных направлений в исследованиях автора. Радклифф-Браун указывал на необходимость анализа реального функционирования социальной структуры, а также активности ее участников. Эти два фактора обеспечивали эффективность в изучении данного феномена. В своем анализе социальной структуры Великобритании он опирался на два основных метода: морфологический и физиологический. В функциональный ряд первого входят определение, сравнение и классификация различных структур. В свою очередь, физиологический метод используется для изучения механизмов, которые отвечают за существование системы социальных связей. «Социальная физиология, — подчеркивает Радклифф-Браун, — имеет дело не только с социальными структурами, но со всеми видами социальных явлений. Мораль, закон, этикет, религия, управление и образование — все это части сложного механиз-

ма, благодаря которому социальная структура существует и сохраняется в целостности. Если мы примем структуралистскую точку зрения, то увидим, что изучаем все эти вещи не абстрактно и не изолированно, но в прямом и косвенном взаимодействии с социальной структурой, т.е. мы постоянно учитываем, как они зависят от социальных отношений между лицами и группами, а также как они на эти отношения влияют» (Рэдклифф-Браун, 2001: 227).

Подходы к изучению социальной структуры базировались на разных основах, например, у Б.К. Малиновского в этом качестве выступала культура. Для трактовки данного понятия автором использовался функциональный подход. Малиновский представлял культуру как систему взаимосвязанных и взаимозависящих элементов, которые подчинены определенным принципам. В качестве движущей силы в развитии культуры выступают человеческие потребности. Однако процесс удовлетворения данных потребностей обязательно происходит в рамках общественных институтов и норм, а также учитывает общественные потребности. Методологический подход, разработанный Малиновским, значительно отличался от методологии Рэдклифф-Брауна. Отличие заключалось в центральном объекте исследования, если у Рэдклифф-Брауна это человеческие взаимодействия, то Малиновский в этой роли рассматривает человека как такового. Для изучения общественных процессов и явлений, по мнению автора, следует обращаться к анализу мотивов и чувств индивидов. По мнению Малиновского, основа системы социальных взаимодействий в современном мире является неким прототипом отношений, сложившихся среди представителей традиционных культур.

Исследование социальной структуры общества является одной из магистральных тем в трудах П.А. Сорокина. По его мнению, ценностные установки, которые способствуют объединению индивидов в группы, могут быть использованы для определения первичных элементов социальной структуры. В книге «Система социологии» он проводит метафору между обществом и листком слюды. В качестве объяснения такого сравнения Сорокин указывает на то, что общество может состоять из множества не связанных между собой структур, однако внутри отдельного слоя может быть обнаружена очень тесная взаимосвязь между индивидами (Сорокин, 2008.). Важно отметить, что именно Сорокин впервые в теоретической социологии описывал сети социального взаимодействия (социальные сети). По его мнению, социальную сеть можно определить как сложную совокупность координат, определяющих социальное положение индивида (Сорокин, 1993: 33).

В 1930-х гг. были актуализированы вопросы значимости социальных сетей и их влияния на общественную жизнь. Значительный вклад в теорию социальных сетей в этот период внес Я.Л. Морено, написавший серию работ, посвященных социометрии. Автор представлял сети как многочисленные социальные атомы, а границы между ними определял как «социальный порог». Иными словами, в то время как индивид решает вступить в какого-либо рода отношения с другим индивидом, он переступает порог социального атома. Морено занимался систематическим учетом и анализом социальных взаимодействий в малых группах. По мнению Морено, социальная сеть всегда соотносится с конкретными людьми,

т.е. ее основу составляют непосредственно индивиды и отношения, сложившиеся между ними.

В своих исследованиях автор преследовал цель визуализации системы отношений, которые сложились между индивидами в конкретной группе. Для реализации поставленной задачи среди членов группы проводился своего рода опрос на тему, как они выстраивают свои взаимодействия друг с другом. Среди используемых вопросов можно отметить следующие: кто вам нравится, с кем вы хотите проводить время, с кем — работать. В результате анализа данных проведенного опроса Морено распределял всех индивидов по отдельным позициям, а их выбор, как позитивный, так и негативный, изображал стрелками. Итогом таких графических манипуляций выступали графы, вершинами которых были акторы, а стрелки, проведенные от них, выражали притяжение или отталкивание. Таким образом, автор путем анализа межличностных отношений предполагал за формальной структурой группы выявить глубинные отношения (Moreno, 1953). Автор предполагал, что его метод социометрии может помочь в решении социальных конфликтов, а также способствовать снятию социальной напряженности.

Методологической особенностью исследований, проводимых Морено, можно считать тот факт, что в процессе выяснения особенностей взаимодействия индивидов друг с другом фокус внимания был обращен к социально-психологическим составляющим поведения. Важным аспектом здесь выступало исследование связей между психологическим благополучием и формой социальной структуры группы. Морено полагал, что крупные социальные институты, к примеру государство и экономика, требуют значительных временных затрат на поддержание и воспроизводство в формате небольших моделей, тем самым создавая примеры разного характера отношений (дружелюбие, неприятие).

Среди представителей социометрического направления, которые предпринимали попытки формализации межличностных отношений, следует также отметить Т. Ньюкомба, Х. Левита, А. Бейвласа. Последние занимались анализом коммуникационных потоков в разных экспериментально заданных группах. Разработанные Х. Левитом, А. Бейвласом графические модели процесса коммуникации, которые визуально могут быть представлены в виде штурвала, колеса, цепи, игрека, и в настоящее время являются достаточно востребованными. Необходимо отметить, что объектом исследования у данных авторов выступают позиции сети, а не сами акторы. В этой связи имеет место и некоторая корректировка в понимании графа. Исследователи определяют его как совокупность позиций в вершинах и отношений между этими позициями.

Вместе с разработкой методов для исследования социальных структур Бейвлас обращался к уточнению самого понятия социальной сети. В своем определении данного понятия автор вновь делает акцент не на индивидах, а на совокупности их позиций. Тип структуры основывается на той модели отношений, которая выстраивается между этими позициями. Бейвлас утверждал, что в качестве связей между позициями выступает поток информационных ресурсов. Данный методоло-

гический принцип и в настоящее время является отправной точкой большей части современных исследований социальных сетей.

В научный оборот термин «социальная сеть» был введен в 1954 г. социологом Д. Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», вышедшей в сборнике «Человеческие отношения» (Barnes, 1954). Д. Барнс развил подход Дж. Морено к исследованию взаимосвязей между людьми с помощью социограмм. Формируя свое представление о социальных сетях, или, как он их называл, полях, исследователь описывал довольно актуальную и на сегодняшний день картину. В жизни каждого человека есть свой круг друзей, при этом допускается, что у друзей есть еще и свои друзья. Отдельные друзья индивида могут знать друг друга, а некоторые — оставаться неизвестными. Барнс графически представлял такую систему отношений как совокупность точек, которые соединены между собой. Непосредственно точки — это сами индивиды, а соединяющие их линии показывают, с кем взаимодействует конкретный человек. Надо отметить, что такое представление социальной сети иллюстрирует только дружеские и приятельские отношения. Сама же социальная структура имеет гораздо больше социальных конфигураций, которые формируются по сетевому принципу.

Использование термина «социальные сети» Барнсом значительно отличалось от употребления его предшественниками. Если в начальный период разработки концепции сетевого анализа представления о сетях имели преимущественно метафорический и интуитивный характер (например, в методах анализа родственных связей А. Радклиффа-Брауна) и использовались для обозначения сложных наборов отношений между членами социальных систем во всех проявлениях, то в 1954 г. Джон Барнс начал использовать термин аналитически, обозначая им образцы связей ограниченных групп (племена, семьи) и социальных категорий (пол, этническая принадлежность) (Сертакова, 2011).

Первые собственно социологические подходы к исследованию социальной сети были разработаны американским социологом П. Эмерсоном. Созданная им теория социальной сети базировалась на двух важных принципах. Во-первых, в сетевых отношениях устанавливаются специфические властные отношения, отличные от тех, которые существуют в обществе в целом. Здесь действуют собственно правила сети, и если индивид зависим от других акторов, то это в процессе социального взаимодействия приводит к утверждению над ним власти сети. Во-вторых, неопределенность, отложенность результатов взаимодействия, порой на длительный срок, порождает специфическую мотивацию, предполагающую необходимость учитывать риски того, что работа, услуги, осуществленные одним актором, могут, пройдя через значительное количество ячеек сети, оказаться без ответного вознаграждения вообще. В большой сети определить виновника дисфункциональности порой бывает затруднительно. Взятые вместе, эти специфичные моменты отношений приводят к тому, что возникает динамичное неравенство акторов в социальных сетях, что в дальнейшем ведет к конфликтам и постоянным рефлексиям относительно результатов взаимодействия (Брун, 2011: 236).

На сегодняшний день в обществе наблюдается достаточно высокий уровень распространения сетевых взаимодействий. Данный факт позволяет предполагать,

что имеет место стремление к хаотизации, она может влиять на важные принципы существования общества как системы, к которым относятся социальная стабильность и предсказуемость. Однако Эмерсон утверждал, что такая ситуация поддается регулированию. Подобные выводы он смог сделать в результате своих эмпирических исследований с привлечением сложных математических методов. Автор отмечал, что для этого потребуется контроль некоторых важных моментов. К их числу следует отнести синергетический эффект процессов в социальных сетях, сложные причинно-следственные факторы этих процессов, и наконец, самый важный аспект внимания — это доверие. Именно оно выступает фундаментом и собственно причиной образования и успешного функционирования социальной сети. В результате изучения динамики рисков и доверия в социальных сетях автор пришел к следующим выводам: в большей степени риску невыполнения обязательств подвержены такие практики взаимодействия в виде работ и услуг, основанные только на устных договоренностях, не имеющие письменно зафиксированных соглашений; в случае использования методов, усиливающих зависимость индивидов (политическая дискриминация), возрастает риск их обращения к незаконным приемам; положительная динамика в вероятности выполнения партнерских обязательств пропорциональна росту доверия между акторами.

Позицию Эмерсона относительно значимой роли доверия в функционировании социальной сети поддерживает Дж. Коулман, который утверждает, что доверие «не только облегчает определенные действия, но и сдерживает другие (негативные) тенденции» (Коулман, 2001). Следует отметить, что Коулман является одним из представителей направления, в котором социальные сети изучаются в рамках концепции социального капитала. Остановимся на более подробном его рассмотрении, так как анализ именно этого направления и является целью нашей статьи.

Исследование социальных сетей в рамках теории социального капитала

Одним из представителей данного направления является Джейн Джекобс, которая обращалась к понятию социального капитала в рамках анализа городского жизнеустройства населения и так называемого добрососедства. В 1961 г. в своей работе «Смерть и жизнь больших американских городов» (Джекобс, 2011) ею впервые декларируется мнение, что социальные сети выступают источником и формой социального капитала. Впоследствии данная позиция имела отражение в исследованиях специалистов по изучению социального капитала.

Гленн Лури в исследовании на тему различий в уровне дохода людей разных национальностей заявляет о высокой степени влияния социального капитала на уровень дохода. В его трактовке социального капитала как «естественно возникающих социальных отношений между людьми, которые развивают или помогают развитию определенного набора навыков или характеристик, ценных на рынке» (Loury, 1976) четко прослеживается экономическое основание.

Впервые систематический анализ социального капитала был проведен П. Бурдье. Под данным концептом исследователь понимал «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институализированные отношения взаимных обязательств или признаний» (Бур-

дье, 1994: 248). Подобное видение сконцентрировано на пользе, которую индивиды извлекают посредством участия в группах для создания определенных ресурсов. Одним из важных понятий в работах Бурдье было «социальное поле», которое он определял как «...многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными: таким образом, агенты в них распределяются в первом измерении — по общему объему капитала, которым они располагают, а во втором — по сочетаниям своих капиталов, т.е. по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности» (Бурдье, 1993: 22). Данное определение выступает яркой иллюстрацией концепции сплоченности в экономической социологии, применяемой для исследования социальных сетей в настоящее время. Данная концепция рассматривает социальную сеть как комплекс трех составляющих: сами отношения, узаконивающие их принципы, а также допустимые ими практики социального действия. Главным принципом, на котором базируются действия агентов, является доверие.

В ходе анализа формирования человеческого капитала Джеймс Коулман указывает, что социальный капитал в этом процессе выступает в роли определенного ресурса, который доступен актору и состоит из нескольких элементов. Коулман выделяет два обязательных свойства этих элементов: «они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация» (Coleman, 1988). Другими словами, социальный капитал дает возможность получать повышенные выгоды скорее от коллективного поведения, чем от действий отдельных индивидов. По мнению автора, базой формирования социального капитала выступают межличностные отношения. Немного позднее в работе «Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора» Коулман формулирует следующее определение социального капитала: «социальный капитал — это любое проявление неформальной социальной организации, которое выступает как продуктивный ресурс для одного или более акторов» (Коулман, 1994).

Важной заслугой Коулмана следует считать создание теории рационального выбора, обусловленной разнонаправленностью связей физических и юридических лиц, в рамках которой социальные сети исследовались более подробно. Методологический принцип, используемый в этой теории, основан на наличии конфликтной ситуации между рациональным выбором физических и юридических лиц, т.е. между отдельным индивидом и группой акторов. Пути разрешения подобного рода конфликтов напрямую зависят от учета следующих факторов: конкуренция, доверие, координация действий. Непосредственно всем акторам необходимо определять количественно-качественный состав участников сети, наличие определенных альтернатив у каждого отдельного актора, риски и вероятные последствия использования альтернативных выборов, поведение и ожидания друг друга (Coleman, 1990).

Важную нишу в исследовании социального капитала в контексте социальных сетей занимают работы Р. Берта. В своей теории он определяет социальный капитал как качество социальных сетей, структуры связей, позволяющее участникам этих

структур достигать благ и ресурсов (Burt, 1992: 8; 45). Распределение ресурсов между участниками социальной сети осуществляется посредством ее структуры. В этой связи акцентируется внимание на анализе следующих аспектов: кто и как связан отношениями в социальной сети, как часто и в какой форме поддерживаются контакты и каковы позиции участников сети. Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса неравенства позиций участников в социальной сети.

В качестве функции социальный капитал выступает у следующих аспектов социальных сетей: наличия в них структурных брешей и интенсивности связей-мостов, пролегающих через эти структурные бреши. Социальную сеть можно определить как систему контактов между индивидами, которой свойственна высокая интенсивность, устойчивость и относительная замкнутость. Все участники социальной сети регулярно контактируют друг с другом, а контакты с представителями других групп менее интенсивны и реализуются только некоторыми участниками сети. Замкнутый характер социальной сети дает возможность ее членам сохранить ресурсы и не допустить к ним аутсайдеров. В то же время наличие связей у отдельных участников социальной сети вне рамок собственной сети открывает доступ к ресурсам других социальных групп. Важным преимуществом замкнутой социальной сети является возможность поддержки эффективных санкций, которые обеспечивают соблюдение норм и взаимных ожиданий участников. Характерной чертой отношений участников социальной сети является реципрокность, которая проявляется в добровольном исполнении взаимных обязательств.

В рамках сетевого подхода возможности связей участников с другими сетями и их контакты внутри своей сети четко разграничены. Выше уже упоминалось, что замкнутые социальные сети способны сохранять имеющиеся ресурсы, но в то же время они не могут генерировать новые. Доступ к новым ресурсам обеспечивают социальные связи, которые преодолевают структурные бреши и соединяют участников различных социальных сетей. Именно тем представителям сети, которые поддерживают связи с участниками других сетей и групп, доступны ресурсы этих групп. К таким видам ресурсов можно отнести информацию и материальные средства. Индивиды, которые отвечают за контроль связей, преодолевающих структурные бреши, обладают весомыми преимуществами в получении информации и других ресурсов, в отличие от лиц, контактирующих только внутри собственной группы (Сарголдаи, 2015). Р. Бёрт интерпретирует такие контакты и предоставляемые ими возможности как объем социального капитала, доступный индивиду (Burt, 2000). Автор утверждает, что структурные бреши расширяют возможности доступа к ресурсам и тем самым увеличивают доступный для индивида объем социального капитала. В качестве главного способа приумножения социального капитала рассматриваются два аспекта: создание структурных брешей и посредничество между замкнутыми группами. Однако в вопросе сохранения социального капитала, безусловно, менее затратным будет поддерживать замкнутость социальной сети. В свою очередь, создание социальных брешей и посредничество потребует больших затрат, но в то же время обладает высоким потенциалом для увеличения объема социального капитала.

С увеличением числа индивидов, участвующих в посредничестве через одни и те же каналы, снижается способность связей с использованием социальных брешей наращивать социальный капитал. Как только члены социальной сети устанавливают связь с новой группой, их возможности получения новой информации и других ресурсов значительно возрастают, но в тот момент, когда к взаимодействию подключаются остальные участники сети, полученные выгоды от установленного контакта начинают снижаться. По истечении времени преимущества от такого контакта могут быть сопоставимы с затратами на его поддержание. В такой ситуации необходимо определить предельную полезность связей-мостов для индивидов, которые их установили. С целью наращивания объема социального капитала участникам социальной сети необходимо постоянно находиться в движении, создавая новые связи-мосты через структурные бреши. Р. Бёрт называет социальный капитал «созданным», если он образован за счет инициативы индивидов, которые воспользовались возможностями структурных брешей. Посредничество через структурные бреши дает возможность наращивать социальный капитал индивидов в краткосрочной перспективе, а поддержание замкнутости системы способствует сохранению уже имеющегося социального капитала группы в долгосрочной перспективе (Сарголгаи, 2015). В данном выводе ярко демонстрируются два концептуальных подхода к пониманию социального капитала. В первом случае в качестве источника наращивания социального капитала выступают контакты, которые открываются структурными брешами, внимание акцентируется на индивидуальных субъектах социальной сети и их роли в установлении подобных контактов, а также на размерах доступного им социального капитала. Второй подход предполагает накопление социального капитала путем сохранения замкнутости социальной группы, т.е. подчеркивается коллективная сущность социального капитала и групповой уровень его воспроизводства.

В теории, разработанной Р. Бёртом, признается значимость замкнутости социальных сетей, однако сама по себе замкнутость не является источником накопления социального капитала. Важная роль замкнутых социальных сетей заключается прежде всего в том, что они служат резервуаром для заимствования социального капитала. Индивид, который не входит в состав замкнутой социальной сети, имеет возможность получить доступ к ее социальному капиталу следующими способами: установка связи через структурную брешь или через спонсорство.

В первом варианте индивид испытывает трудности в процессе установления контакта, при этом объем затрат на создание и поддержание новой связи может быть довольно большим, а получение выгоды не гарантировано. Если использовать второй способ (спонсорство), процесс несколько упрощается. В роли спонсора выступает авторитетный участник той или иной социальной сети, который, в свою очередь, и рекомендует нового участника. В этом случае индивид не испытывает трудностей с установлением контакта, а самое главное — получает доступ к максимальному объему социального капитала, полностью избегая затрат.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что социальные сети в концепции Р. Бёрта выступают механизмом для создания и сохранения социального капи-

тала. Для воспроизводства социального капитала большое значение имеют неоднородная структура и статусные различия индивидов, которые являются активными инвесторами и пользователями социального капитала.

В рамках сетевого подхода к исследованию социального капитала можно выделить ресурсную теорию, разработчиком которой является Н. Лин. Социальный капитал в данной теории трактуется как совокупность возможностей социальных сетей предоставлять доступ индивидам к различным ресурсам. В работах Н. Лин в одном варианте социальный капитал напрямую отождествляется с ресурсами социальной сети, а в другом — определяется как социальные отношения, которые обеспечивают доступ к социальным ресурсам. «...Социальный капитал может быть определен как ресурсы, укорененные в социальной структуре и достигаемые и/или используемые в целеориентированных действиях» (Lin, 1999: 34). «Уточненное определение» социального капитала предлагает следующую формулу: «социальный капитал — это инвестиции индивидов в социальные отношения, посредством которых они получают доступ к укорененным в них ресурсам для повышения ожидаемых доходов от инструментальных и экспрессивных действий» (Lin, 1999: 39, 48). По мнению автора, строгое разграничение сетевого и ресурсного компонентов социального капитала не является целесообразным. Уточняя сущность ресурсного подхода, Н. Лин в своей работе указывает, что социальный капитал нельзя приравнивать только социальным сетям и отношениям, его масштаб гораздо больше. Посредством социального капитала создаются укорененные и оцененные ресурсы. Однако получение укорененных ресурсов напрямую связано с характеристиками сети и связей. Позиции в сети выступают как необходимые условия таких ресурсов.

В качестве основных компонентов социального капитала исследователь выделяет следующие: ресурсы, укорененные в социальной структуре; доступность этих ресурсов индивидам; использование или мобилизация этих ресурсов индивидами для определенных целей. Данные составляющие социального капитала соединяют структуру и социальное действие. Структурный компонент представляет собой укорененность ресурсов, доступность ресурсов обеспечивает возможность действий, каким способом будут использованы ресурсы, определяется самой направленностью на действие. Повышение результативности социальных действий есть главная функция социального капитала. Н. Лин выделяет четыре фактора, с помощью которых участники социальной сети имеют возможность увеличить результативность социальных действий. К ним относятся: информация, влияние, социальная репутация и подкрепление (усиление действенности существующих норм), при этом их источником и средой существования являются социальные сети.

Первые два фактора можно проиллюстрировать примерами возможных ситуаций на рынке труда. В условиях, когда социальные связи локализованы в определенных стратегических точках или иерархических позициях социальной сети, они смогут обеспечить информацией о существующих возможностях и альтернативах, которую нельзя получить другими способами. Процесс влияния социальных связей можно рассмотреть на примере деятельности специалистов по подбору персонала

или сотрудников, уполномоченных принимать решения в организации, в том случае, если их действия могут затронуть интересы того или иного актора на рынке труда.

Социальная репутация является отражением доступа индивида к ресурсам через социальную сеть, т.е. доступный индивиду социальный капитал. Наличие такой социальной репутации дает организациям уверенность, что индивид сможет предоставить для них дополнительные ресурсы, при этом не ограниченные его личным и экономическим капиталом, которые будут полезны для деятельности или развития организации.

Социальные связи индивида способствуют усилению его признания и единства с окружающими. Когда индивид получает признание своей значимости как индивида и как участника социальной группы, которая разделяет схожие интересы, это служит для него эмоциональной поддержкой, а также общественным признанием его прав на определенные ресурсы. Н. Лин полагает, что такое подкрепление значимо для поддержания душевного здоровья и прав на ресурсы. Выделенные факторы — информация, влияние, социальная репутация и подкрепление — способны объяснить, почему социальный капитал реализуется в виде специфических социальных действий (инструментальных и экспрессивных действий в терминологии Н. Лин), чего не происходит в случае с формами личного капитала, такими как экономический и человеческий капитал (Сарголзаи, 2015).

В своей теории Н. Лин разделяет ресурсы социальных сетей на два типа: сетевые и контактные. Такая типология отождествляется с двумя аспектами социального капитала. Первый тип ресурсов сосредоточен непосредственно среди участников социальной сети, а второй тип предполагает ресурсы контактов, которые задействует индивид для определенных целей. Сетевые ресурсы являются доступными ресурсами, тогда как контактные ресурсы — это мобилизуемые ресурсы. Показателями для измерения контактных ресурсов могут выступать власть, богатство или профессиональный статус контактных лиц, через которых мобилизуются те или иные ресурсы.

Необходимо отметить, что классификация типов ресурсов социальных сетей непосредственно связана с концепциями экспрессивного и инструментального действия. Первый вид действий (*expressive actions*) направлен на сохранение социального капитала, который находится в распоряжении социальной сети, а также на укрепление отношений внутри замкнутой сети. Данный тип поведения свойствен привилегированным социальным группам, которые стараются оберегать свои ресурсы от внешних посягательств. Получение новых и наращивание объема уже имеющихся ресурсов через установление контактов основано на инструментальных действиях. По мнению автора, не каждые связи-мосты и контролирующие их сетевые позиции смогут обеспечить доступ к дефицитным ресурсам или к их увеличенному объему. В этом утверждении четко прослеживается отличие подхода Н. Лин от подхода Р. Бёрта. Возможности, которые откроются с использованием ресурсов, напрямую зависят от ожиданий индивидов в отношении желаемых ресурсов. Например, если установленный контакт дает доступ к информации (выступает в роли ресурса), которая важна для индивида и которой он не владеет в настоящее время, тогда это

контакт становится ценным, так как увеличивает объем доступного ресурса. Однако ситуация может сложиться по-иному: в том случае, если контакт откроет доступ к информации, которой он располагает и которую не считает значимой, то ценность контакта будет снижена. Таким образом, можно утверждать, что социальный капитал нельзя рассматривать только через призму позиций индивидов в социальных сетях. Важно отметить, что положения, которые занимают индивиды в стратегических точках структурных брешей, являются внешними показателями социального капитала, тогда как сам он не заключен только в социальных сетях.

В выделении сетевых и контактных ресурсов прослеживается связь с двумя существующими концепциями трактовки источников социального капитала. Н. Лин предпринимает попытку соединить эти трактовки. Дж. Коулман в качестве источника социального капитала рассматривал замкнутость социальной сети, данная традиция синхронизирует с сетевым капиталом. В разработанной Р. Бёртом концепции социальных брешей, которые являются источником наращивания объема и качества социального капитала, прослеживается идея контактного капитала. В теории Н. Лин инструментальные действия направлены на получение новых и увеличение объема имеющихся ресурсов, тем самым приводят к овладению контактными ресурсами. Экспрессивные действия, в свою очередь, сохраняют накопленный капитал, т.е. отвечают за удержание сетевых ресурсов.

Эти два вида социальных действий представляют две составляющие процесса получения прибыли за счет использования или инвестирования социального капитала. В данном контексте понятие «прибыль» интерпретируется в широком смысле, включая в себя политические, экономические, социальные блага, а в некоторых случаях и определенные социально-психологические вознаграждения, которые обладают собственной ценностью.

Н. Лин предполагает, что инструментальные действия ведут к получению таких видов прибыли, как экономические блага, повышение статуса в структуре позиций группы, повышение репутации. Выгода, получаемая в результате экспрессивных действий, выражается в консолидации ресурсов и предотвращении их утраты.

В совокупности оба вида действий обеспечивают взаимный подкрепляющий эффект. Инструментальные действия приводят к получению новых видов ресурсов. В дальнейшем соответственно требуется сохранение ресурсов внутри сети и ограждение внешних воздействий. Взаимно узаконенные права участников сети на ресурсы можно рассматривать как результат экспрессивных действий. Они, в свою очередь, повышают уровень качества социальной жизни у членов социальной сети. В дальнейшей перспективе это приводит к более организованным инструментальным действиям.

Подводя некоторый итог, отметим, что данная концепция социального капитала в процессуальном отношении представляет собой модель из трех казуально связанных компонентов: predispositions участников социальной сети, капитализация социального капитала, получение эффекта (прибыли). Состав первого компонента представляет собой совокупность из неравенства позиций акторов и системы нормативно-ценностных установок, которым они следуют. Неравенство участников выражается в уровне доступности для них ресурсов сети, а нормативно-цен-

ностная система включает те способы, которые они используют для мобилизации контактов и ресурсов. Различия в доступности ресурсов и в подобранных способах наращивания объема социального капитала отражаются в результатах экспрессивных и инструментальных действий, т.е. каждый из индивидов получает разные по объему и содержанию выгоды. В итоге социальный капитал на индивидуальном уровне трактуется Н. Лин как объем благ, который доступен индивиду посредством его включенности в сеть социальных связей.

Р. Патнем радикально переосмыслил значение понятия «социальный капитал», а также ракурс его исследования. В качестве основы социального капитала он выделяет доверие, источниками которого служат добровольные ассоциации, а также деятельность общественных объединений. Измерение социального капитала может осуществляться на основе оценки численности таких объединений или общностей (communities). Термин «общность» (community) используется как центральное понятие для объяснения процессов формирования и накопления социального капитала в концепции Р. Патнема. Важно отметить, что именно объединения и общности (communities) выступают в качестве главных источников социального капитала и в то же время являются исходной единицей его анализа.

Важно отметить, что в работах Р. Патнема фокус исследования сместился в сторону использования социального капитала как общественного блага, которое является достоянием общества в целом. В ранее рассмотренных теориях акцент был поставлен на возможности отдельных субъектов использовать социальный капитал для определенных целей. Однако Р. Патнем солидарен с другими представителями сетевого подхода в вопросе существования неоднородных социальных связей, задействованных в наращивании социального капитала.

Связывающие контакты (bonding), которые существуют внутри групп, а также соединяющие контакты (bridging) между ними являются прямым выражением двух конфигураций социального капитала. Р. Патнем утверждает, что в процессе создания социального капитала в равной степени задействован каждый вид контактов. «Многие группы одновременно объединяют вдоль одних социальных измерений и соединяют, пересекая другие социальные измерения» (Putnam, 1995:67).

Роберт Патнем в своем труде, посвященном анализу гражданской вовлеченности и существования эффективных правительств, за основу использует трактовку социального капитала, которая была выработана Коулманом. Но в то же время несколько корректирует и дополняет его содержание. Автор полагает, что социальный капитал представляет собой «черты социальной организации, такие как сети, нормы и доверие, которые способствуют координации и кооперации для взаимной выгоды» (Putnam, 1993). В этой работе исследователь проводит сравнительный анализ деятельности общественных движений и добровольных организаций в Северной Италии. Такой анализ позволяет ему сделать вывод о том, что между вовлеченностью индивидов в общественные объединения, уровнем доверия в обществе в целом существует сильная причинно-следственная связь с экономическим развитием и эффективностью деятельности демократического правительства.

В ходе исследования социального капитала А. Портес обозначил важный аспект данного феномена, связанный с внутренними ресурсами сети. Он определял социальный капитал как «способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или более широкой социальной структуре... Способность к накоплению социального капитала не является индивидуальной характеристикой личности, она является особенностью той сети отношений, которую выстраивает индивид» (Portes, 1998: 24). Таким образом, важным источником социального капитала выступает социальная сеть. Причем в равной степени могут быть задействованы и слабые, и сильные связи, а также структурные дыры или независимость от связей. Именно взаимоотношения, существующие в сети, порождают социальный капитал. В этой связи он не может быть рассмотрен как характерная черта отдельного индивида. Вышеизложенное позволяет выделить важное свойство социальной сети — способность к преобразованию социального капитала.

Эти выводы позволяют выделить такой важный признак социальной сети, как способность к конвертации капитала. Наличие данного свойства открывает возможность для ответа на следующие вопросы: циркуляция каких ресурсов происходит в сети, по какой системе производится их распределение, а также есть ли факторы, ограничивающие распределение ресурсов в сети.

Отдельного внимания заслуживает подход Мартина Палдама, в нем он постарался аккумулировать основные аспекты социального капитала, которые обнаруживаются в различных его трактовках. По мнению автора, основополагающими элементами социального капитала следует считать доверие, кооперацию и сети. В одной из своих статей Палдам указывает, что социальный капитал выполняет функцию социального клея. Таким образом он содействует активизации дополнительных ресурсов, которые базируются на доверии между индивидами (Paldam, 2000: 269).

Заключение

Анализ зарубежных теоретических подходов, иллюстрирующих эволюцию понятия «социальная сеть», а также позицию социальных сетей в структуре социального капитала, позволяет сформулировать некоторые выводы, которые способствуют пониманию смысла и содержания данной научной категории.

В структуре социальных сетей ключевой единицей является индивид в совокупности со всеми своими статусами и ролями. В зависимости от содержания статусного набора у индивида выстраиваются цепочки различных связей, которые разделяются по сферам: дружба, родственные отношения, связи в рабочем коллективе и т.п. Такой ход событий позволяет говорить о том, что социальные роли и статусы являются основой сетевого взаимодействия. Важно отметить, что социальные сети могут иметь под собой базу разной направленности. В большинстве случаев описываются сети с позитивным посылом, например взаимная поддержка и помощь. Но в то же время существуют примеры взаимодействий, которые имеют негативные последствия, например терроризм и коррупция.

На основе вышеизложенного материала можно утверждать, что понятие «социальная сеть» довольно многогранно, имеет множество авторских интерпретаций. Однако представляется возможным выделить основные методологические подходы к определению данного феномена. В первом варианте социальная сеть трактуется со структурных позиций и представляет собой систему стабильных социальных связей между акторами, которые объединены общей коммуникацией. К принципиальным особенностям данного методологического подхода необходимо отнести ряд аспектов. Во-первых, социальные акторы — это не обязательно конкретные индивиды, в этой роли также могут выступать социальные общности. Во-вторых, коммуникационные взаимодействия могут рассматриваться как обмен ресурсами и деятельностью. И в-третьих, отношения акторов в социальной сети характеризуются постоянным потоком информации и ресурсов. Второй подход предполагает несколько иные структурные компоненты социальной сети. В их состав входят: комплекс позиций, отношения между этими позициями и циркуляция ресурсов. Отличительной чертой подобного понимания социальной сети является то, что в исследовательском фокусе находятся именно связи между позициями акторов, а не они сами. Вследствие чего система сетевого взаимодействия и обозначение себя в сетях являются ключевыми свойствами актора, которые, в свою очередь, обуславливают его место среди других акторов и влияют на самоидентификацию.

Зарубежная социологическая наука богата различными исследовательскими подходами к определению феномена социальной сети. Данный факт значительно усложняет процесс выработки единой и универсальной трактовки этого понятия. Содержательный анализ научных взглядов на социальные сети позволяет описать ряд особенностей, которые свойственны данному феномену. К ним следует отнести следующие: невозможность выделения четких границ социальной сети; персонифицированный характер отношений в сетях; каузальность природы и структуры социальных связей между акторами сети экономическими факторами; значительное влияние уровня доверия на функционирование социальной сети; циркуляция ресурсов и обмен ими среди участников сети; частое отсутствие иерархии в отношениях между членами социальной сети; стремление акторов сети к извлечению выгоды разного характера (материальной, нематериальной); взаимосвязь преобразования социального капитала с участием в социальной сети.

Исходя из описанных характеристик, социальную сеть можно трактовать как некую систему персонифицированных, не имеющих иерархии, зависящих от уровня доверия отношений, которые отличаются невозможностью обозначения четких границ, а участники таких отношений в процессе взаимобмена ресурсами стремятся к получению материальной и нематериальной выгоды.

Анализ концепций социального капитала, в которых социальные сети выступают одним из его элементов, раскрыл потенциал данного феномена в вопросах формирования, наращивания объема социального капитала, а также в конвертации его форм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Брун О.Е. Развитие теории социальной сети. Вестник МГИМО Университета, 2011, No. 1, 235–240.
- Бурдые П. Социология политики. М.: Logos, 1993.
- Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
- Веселкин Е. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии. Концепции зарубежной этнологии. М., 1976.
- Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. Новое издательство, 2011.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Коулман Д. Капитал социальный и человеческий. Общественные науки и современность, 2001, No. 3, 121–139.
- Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора. Экономическая социология, 2004, 3 (5), 35–44.
- Морено Я. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2001.
- Сарголзаи А.Р. М. Феномен социального капитала: философско-методологический анализ: дисс. ... канд. филос. наук. Душанбе, 2015. URL: http://new.ifppanrt.tj/dissertatsii/07-Sargolzai_Ali.pdf (дата обращения: 21.06.2020).
- Сертакова Е.А. Понятие «сеть» Джона Барнса как аналитический подход в познании системы социальных отношений. Молодежь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section7.htm> (дата обращения: 25.06.2020).
- Сорокин П.А. Система социологии. Вступ. статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2008.
- Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993.
- Barnes J. Class and committees in a Norwegian Island Parish. Human Relations. 1954, No. 7, 39–58.
- Burt R. S. Models of Network Structure. Annual Review of Sociology, 1980, No. 6, 79–141.
- Burt R. Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge, Harvard University Press, 1992.
- Burt R.S. The Network Structure of Social Capital. Research in Organizational Behavior, 2000, Vol. 22, 345–423.

- Coleman, J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
- Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 1988, Vol. 94, 95–120.
- Emerson R. M. Power-Dependence Relations: Two Experiments. *Sociometry*, 1964, No. 27, 31–41.
- Lin N. Building a Network Theory of Social Capital. *Connections*, 22 (1), 1999, 28–51.
- Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge University Press, 2002.
- Loury G.C. Dynamic Theory of Racial Income Differences. *Discussion Papers*, 1976, No. 225, 153–186.
- Malinowski B. *Argonauts of the western pacific*. London: George Routledge & Song, 1932.
- Merton R.K. *Social theory and social structure*. New York: Free Press, 1968.
- Moreno J.L. *Who shall survive? Foundations of sociometry, group psychotherapy and sociodrama*. London: Beacon House, 1953.
- Paldam, M. Social Capital: One or Many? Definition and Measurement. *Journal of Economic Surveys*, 2000, 14 (5), 629–753.
- Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*, 6 (1), 1995, 65–78.
- Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Simmel G. *On Individuality and Social Forms: Selected Writings*. Chicago, University of Chicago Press, 1971.
- Simmel G. *The Problems of the Philosophy of History: An Epistemological Essay*. New York: Free Press, 1977.
- Spencer H. *The principles of sociology: In three volumes*. Transaction Publishers, 2002.

REFERENCES

- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social'noe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. M.: Medium.
- Brun, O.E. (2011). Razvitie teorii social'noj seti [The Development of the Theory of the Social Network]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO University Bulletin], no. 1, 235–240.
- Bourdieu, P. (1993). *Sociologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Logos.
- Bourdieu, P. (1994). *Nachala* [Beginnings]. M.: Socio-Logos.
- Veselkin, E. (1976). *Ponyatie social'noj seti v britanskoj social'noj antropologii. Konceptii zarubezhnoj etnologii* [The concept of a social network in British social anthropology].

Concepts of foreign ethnology]. M., 1976.

Jakobs, J. (2011). *Smert' i zhizn' bol'shix amerikanskix gorodov* [The Death and life of Great American Cities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Dyurkheim, E. (1991). *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka.

Dyurkheim, E. (1995). *Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon.

Coleman, J. (2001). Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], no. 3, 121–139.

Coleman, J. (2004). Ekonomicheskaya sociologiya s tochki zreniya teorii racional'nogo vybora [Economic sociology from the point of view of rational choice theory]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology], 3 (5), 35–44.

Moreno, Ya. (2001). *Sociometriya: eksperimental'nyj metod i nauka ob obshchestve* [Sociometry: an experimental method and the science of society]. Moscow: Academic project.

Sargolzai, A.R. M. (2015). *Fenomen social'nogo kapitala: filosofsko-metodologicheskij analiz* [The social capital phenomenon: philosophic and methodological analysis] (PhD thesis). Dushanbe. Available at: [http:// new.ifppanrt.tj/dissertatsii/07-Sargolzai_Ali.pdf](http://new.ifppanrt.tj/dissertatsii/07-Sargolzai_Ali.pdf) (accessed 21 June 2020).

Sertakova, E.A. (2011). Ponyatie «set'» Dzhona Barnsa kak analiticheskij podhod v poznanii sistemy social'nyh otnoshenij [The notion of the «network» of the John Barnes as analytic approach in cognition of the system of social relations]. In: *Molodezh' i nauka: Sbornik materialov VI Vserossijskoj nauchno-tehnicheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh* [Youth and science: Collection of papers of the VI All-Russian scientific and technical conference of students, post-graduate students and young scientists]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Available at: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section7.htm> (accessed 25 June 2020).

Sorokin, P.A. (2008). *Sistema sociologii. Vstup. stat'ya i kommentarii V.V. Sapova* [System of sociology. Articles and comments V. V. Sapova]. Moscow: Astrel'.

Sorokin, P.A. (1993). *Sistema sociologii. T. 2. Social'naya analitika: Uchenie o stroenii slozhnyh social'nyh agregatov* [System of sociology. T. 2. Social analytics. The doctrine of the structure of complex social aggregates]. Moscow: Nauka.

Barnes, J. (1954). Class and committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, no. 7, 39–58.

Burt, R.S. (1980). Models of Network Structure. *Annual Review of Sociology*, no. 6, 79–141.

Burt, P. (1992). *Structural Holes: The social structure of competition*. Cambridge, Harvard University Press.

Burt, R.S. (2000). The Network Structure of Social Capital. *Research in Organizational Behavior*, no. 22, 345–423.

Coleman, J.S. (1990). *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

- Coleman, J.S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, no. 94, 95–120.
- Emerson, R.M. (1964). Power-Dependence Relations: Two Experiments. *Sociometry*, no. 27, 31–41.
- Lin, N. (1999). Building a Network Theory of Social Capital. *Connections*, 22 (1), 28–51.
- Lin, N. (2002). *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge University Press.
- Loury, G.C. (1976). Dynamic Theory of Racial Income Differences. Discussion Papers, no 225, 153–186.
- Malinowski, B. (1932). *Argonauts of the western pacific*. London: George Routledge & Song.
- Merton, R.K. (1968). *Social theory and social structure*. New York: Free Press.
- Moreno, J.L. (1953). *Who shall survive? Foundations of sociometry, group psychotherapy and sociodrama*. London: Beacon House.
- Paldam, M. (2000). Social Capital: One or Many? Definition and Measurement. *Journal of Economic Surveys*, 14 (5), 629–753.
- Putnam, R.D. (1995). Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*, 6 (1), 65–78.
- Putnam, R. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Simmel, G. (1971). *On Individuality and Social Forms: Selected Writings*. Chicago. University of Chicago Press.
- Simmel, G. (1977). *The Problems of the Philosophy of History: An Epistemological Essay*. New York: Free Press.
- Spencer, H. (2002). *The principles of sociology: In three volumes*. Transaction Publishers.

УДК 314.44

ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА

Л. Н. Нацун

 <https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
e-mail: leyla.natsun@yandex.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)3-12

Здоровье женщин репродуктивного возраста является основой формирования здоровья новых поколений населения. Снижение предотвратимой смертности, заболеваемости женщин болезнями, снижающими репродуктивный потенциал, а также мотивация их к ведению здорового образа жизни — актуальные задачи в сфере укрепления демографического потенциала страны. Целью данной работы выступает анализ основных показателей, характеризующих здоровье женщин репродуктивного возраста в России, а также характеристика поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья данной категории населения. Информационную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов, статистические данные, материалы выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на здоровье населения (за 2018 г.), проведенного Федеральной службой государственной статистики. Показано, что, несмотря на улучшение отдельных показателей здоровья женщин репродуктивного возраста, актуальную угрозу для него представляет рост заболеваемости новообразованиями, бесплодием. Анализ данных выборочного наблюдения позволил расширить число проблем, выявленных по данным статистики. Установлено, что в разных возрастных группах женщин репродуктивного возраста по-разному сочетаются поведенческие факторы, оказывающие влияние на здоровье. В перспективе планируется расширить полученные результаты, дополнив их анализом данных региональных социологических исследований.

Ключевые слова: *здоровье женщин, репродуктивный возраст, поведенческие факторы, влияющие на здоровье*

WOMEN'S OF REPRODUCTIVE AGE HEALTH

L.N. Natsun

 <https://orcid.org/0000-0002-9829-8866>

*Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
email: leyla.natsun@yandex.ru*

The health of women of reproductive age is the basis for forming the health of new generations of the population. Reducing preventable mortality and morbidity of women with diseases that reduce their reproductive potential, as well as motivating them to lead a healthy lifestyle are urgent tasks in the field of strengthening the demographic potential of the country. The purpose of this work is to analyze the main indicators that characterize the health of women of reproductive age in Russia, as well as the characteristics of behavioral factors that affect the health of this category of population. The information base of the study was made up of the works of domestic and foreign authors, statistical data, and materials of selective observation of behavioral factors affecting the health of the population (for 2018), conducted by the Federal state statistics service. It is shown that, despite the improvement of individual indicators of health of women of reproductive age, an actual threat to it is an increase in the incidence of neoplasms and infertility. Analysis of sample observation data allowed to expand the number of problems identified in the statistics. It was found that different age groups of women of reproductive age have different combinations of behavioral factors that affect health. In the future, it is planned to expand the results obtained by adding an analysis of regional sociological research data.

Keywords: *women's health, reproductive age, behavioral factors affecting health*

Введение

Здоровье женщин репродуктивного возраста рассматривается, как правило, в контексте обсуждения проблематики воспроизводства населения, репродуктивного поведения, рождаемости и здоровья новорожденных. Отдельные показатели, характеризующие здоровье женщин репродуктивного возраста, включаются в систему параметров, описывающих репродуктивное здоровье населения (Шабунова, Калачикова, 2009; Калачикова, Шабунова, 2016). Широкое обсуждение получила тематика взаимосвязи здоровья, репродуктивного поведения, медицинской активности женщин, качества предоставляемой им медицинской помощи со здоровьем детей. Состояние здоровья матери прямо коррелирует с числом успешно завершенных беременностей: при отсутствии у женщины хронических заболеваний выше вероятность нормального протекания беременности и родов, рождения здоровых детей (Бреусов и др., 2019). Взаимосвязь здоровья женщин и их детей нашла подтверждение и в мониторинговых социологических исследованиях (Шабунова, Кондакова, 2014). В рамках медико-социальных исследований подтверждено влияние ряда медицинских, поведенческих и социальных факто-

ров на репродуктивное здоровье женщин (Сергейко, 2014), продемонстрировано негативное влияние абортов на последующие беременности (Чернов, Коновалов и Шевлякова, 2012). Подробно исследовано влияние медико-биологических факторов на здоровье беременных женщин и их детей (Петриченко и Баркова, 2015; Богданова и Ширяева, 2015; Щербина и Выговская, 2017). Рассматриваются также более узкие темы, касающиеся здоровья женщин репродуктивного возраста: особенности питания (Гамзаев, 2014; Елгина, Захаров и Рудаева, 2019), проблемы выявления новообразований (Тюков и др., 2017), влияние репродуктивного здоровья женщин на планирование семьи (Артюхов и др., 2017). В то же время работы, посвященные анализу состояния здоровья женщин репродуктивного возраста как одной из социально-демографических групп населения, встречаются редко (Магомедов, 2012). Данный аспект и определил выбор цели настоящего исследования — проанализировать состояние здоровья женщин репродуктивного возраста в России, а также поведенческие факторы, оказывающие влияние на него. В данной работе мы не будем останавливаться на подробном рассмотрении репродуктивного здоровья женщин, а сосредоточим внимание на рассмотрении общего состояния здоровья изучаемой группы населения, которое в конечном итоге также влияет и на репродуктивное здоровье.

Материалы и методы

Объект исследования — женщины репродуктивного возраста как одна из социально-демографических групп населения Российской Федерации. Возрастные границы репродуктивного возраста у женщин, как правило, ограничивают интервалом 15–49 лет (Тузов, 2010). В данной работе если приводимые статистические данные будут характеризовать исследуемую группу с другими возрастными границами, это будет указано в тексте. При использовании данных выборочного наблюдения мы будем рассматривать группу женщин репродуктивного возраста в границах 18–49 лет.

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, публикации Министерства здравоохранения Российской Федерации, микроданные выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения (за 2018 год)¹.

Задачи исследования:

- 1) на основе статистических данных рассмотреть смертность и заболеваемость женщин репродуктивного возраста в России;
- 2) на основе данных выборочного наблюдения проанализировать здоровье женщин репродуктивного возраста в России и поведенческие факторы, влияющие на него;
- 3) сформулировать рекомендации, направленные на снижение влияния негативных факторов на здоровье рассматриваемой категории населения.

¹ В выборочном наблюдении принимали участие респонденты от 15 лет и старше, но в данной работе мы рассматриваем только ответы женщин в возрасте 18–49 лет.

Результаты***Здоровье женщин репродуктивного возраста (по данным статистики)***

Одним из показателей общественного здоровья выступает смертность населения. Рассмотрим ее показатели для женщин изучаемой группы, сопоставив их с показателями для мужчин тех же возрастов. Динамика коэффициента смертности среди женщин репродуктивного возраста в период 1990–2018 гг. была неравномерной. Значения показателя для самых младших возрастов (15–19 лет и 20–24 лет) росли до 2000 г., а затем начали снижаться. Для более старших групп женщин рост прекратился после 2005 г. Значения коэффициента смертности в 2018 г. по отношению к значениям 1990 г. были выше в возрастных группах от 25 до 44 лет. При этом максимальное различие значений наблюдалось в группах женщин 35–39 лет (в 2018 г. на 35% выше, чем в 1990 г.), 30–34 лет (на 24% выше) и 40–44 лет (на 18% выше). Следует отметить, что среди мужчин только в группах 35–39 лет и 40–44 лет значения коэффициентов смертности в 2018 г. превышали значения, зафиксированные в 1990 г. Причем это различие было менее выраженным, чем среди женщин тех же возрастных групп (таблица 1). Представленные данные свидетельствуют о том, что на смертность женщин и мужчин репродуктивного возраста оказывают влияние различные факторы.

Таблица 1

Возрастные коэффициенты смертности среди женщин и мужчин 15-49 лет, промилле

Возрастные группы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2018 г. к 1990 г., %
Женщины										
15–19 лет	0,63	0,85	0,8	0,68	0,53	0,4	0,4	0,4	0,4	–37%
20–24 лет	0,71	1,04	1,13	1,04	0,78	0,6	0,5	0,5	0,5	–30%
25–29 лет	0,77	1,27	1,34	1,61	1,3	1	0,9	0,8	0,8	4%
30–34 лет	1,05	1,76	1,73	2,2	1,93	1,7	1,6	1,4	1,3	24%
35–39 лет	1,55	2,54	2,33	2,94	2,41	2,4	2,3	2,1	2,1	35%
40–44 лет	2,37	3,86	3,37	4,04	3,15	2,9	2,8	2,7	2,8	18%
45–49 лет	3,77	5,78	5,08	5,55	4,17	3,7	3,6	3,4	3,5	–7%
Мужчины										
15–19 лет	1,62	2,43	2,12	1,63	1,19	1	0,9	0,9	0,8	–51%
20–24 лет	2,61	4,37	4,95	3,88	2,55	1,9	1,7	1,5	1,4	–46%
25–29 лет	3,31	5,55	5,99	6,46	4,49	3,1	2,7	2,4	2,2	–34%
30–34 лет	4,29	7,44	7,02	8,2	6,81	5,1	4,6	4	3,7	–14%
35–39 лет	5,57	10,15	9,12	10,3	7,93	7,3	6,9	6,1	5,9	6%

Возрастные группы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2018 г. к 1990 г., %
40–44 лет	7,66	14,29	12,7	14,35	9,78	8,6	8,3	7,7	7,9	3%
45–49 лет	11,71	19,54	17,86	19,39	13,35	10,8	10,3	9,4	9,6	–18%

Источник: Возрастные коэффициенты смертности / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974#>

Действительно, помимо гендерных различий в масштабах и динамике смертности имеются различия и в ее структуре. Если рассматривать показатели смертности трудоспособного населения¹ в относительном выражении, то среди мужчин ее ведущей причиной выступают болезни системы кровообращения, тогда как среди женщин — новообразования. Внешние причины у мужчин в структуре причин смертности находятся на втором месте, тогда как у женщин — на третьем (таблица 2).

Таблица 2

Причины смерти женщин и мужчин трудоспособного возраста в России в 2017 г.

Причины смерти	Тыс. чел.		На 100 тыс. чел.	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
	16–54	16–59	16–54	16–59
Болезни системы кровообращения	18963	101955	48	236,3
Внешние причины смерти	15874	86509	40,2	200,5
Новообразования	19688	42028	49,9	97,4
Болезни органов дыхания	2566	12309	6,5	28,5
Болезни органов пищеварения	9248	26043	23,4	60,4
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	8175	20925	20,7	48,5
Другие болезни	8134	27655	20,7	64,1

Примечание: Лица в трудоспособном возрасте: женщины в возрасте 16–54 лет; мужчины 16–59 лет.

Источник: Женщины и мужчины России — 2018 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_50/Main.htm

О том, что новообразования представляют серьезную угрозу здоровью женщин, свидетельствуют и данные о заболеваемости. В 2018 г. по сравнению с 1990 г. значительно выше стали регистрируемые показатели заболеваемости женщин злокачественными новообразованиями (ЗНО). На 84% выросла заболеваемость ЗНО шейки и тела матки, плаценты, на 126% — молочной железы, на 41% — яичника² (таблица 3).

¹ Приводятся данные по трудоспособному населению, поскольку не удалось найти открытых статистических данных о возрастных коэффициентах смертности мужчин и женщин по причинам смерти.

² Приводятся данные о заболеваемости женщин всех возрастов, поскольку по рассматриваемой в работе возрастной группе статистический учет заболеваемости в настоящее время отдельно не ведется, за исключением заболеваемости некоторыми нарушениями в репродуктивной сфере.

Таблица 3

Заболееваемость женщин, на 100 тыс. женщин

Заболеевания	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2018 г. к 1990 г, %
Злокачественные новообразования:	246,9	262,9	302,4	327,2	363,1	406,4	413,9	425,7	430,6	74,4
молочной железы	39,6	48,0	58,3	64,8	74,5	84,8	87,1	89,6	89,8	126,8
шейки и тела матки, плаценты	30,9	31,8	35,8	39,4	45,1	52,5	53,9	55,6	56,9	84,1
яичника	12,9	13,7	15,3	16,1	17	17,9	17,8	18,5	18,2	41,1
Активный туберкулез	19,6	28,5	40,7	44,8	43,7	34,2	32	28,9	26,7	36,2
Алкоголизм и алкогольные психозы	37,1	50,0	48,1	56,5	46,4	30,6	28,9	25,1	24	-35,3
Эрозия и эктропион шейки матки*	711,3	646,3	645,8	797,6	...	526,4	515,4	476,8	542,7	-
Расстройства менструаций**	126,1	306,1	520,4	1230,1	1365,6	1371	1382,5	1516,8	1556,7	-
Бесплодие***	53,2	52,1	64,9	146,6	201,3	280,3	278,8	280,6	273,8	-
Осложнения беременности, родов и послеродового периода****	3653,4	3792,0	5364,5	6299,7	7722,8	7361	6948,2	6739,3	6354,3	73,9

Примечания:

* в 2005–2018 гг. — на 100 тыс. женщин в возрасте 18 лет и более. Ранее — на 100 тыс. женщин;

** в 2005–2018 гг. — на 100 тыс. женщин в возрасте 10–49 лет; ранее — на 100 тыс. женщин;

*** в 2005–2018 гг. — на 100 тыс. женщин в возрасте 18–49 лет. Ранее — на 100 тыс. женщин;

**** на 100 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет; в 1990, 1995 и 2000 г. учитывалась причина «беременность, роды и послеродовой период».

Источник: Заболееваемость женщин отдельными болезнями. Здравоохранение в России — 2019. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/IssWWW.exe/Stg/02-32.doc

Рост заболееваемости бесплодием (в группе 18–49 лет на 87%) в 2005–2018 гг. свидетельствует о снижении здоровья женщин репродуктивного возраста. Среди по-

зитивных изменений следует указать снижение распространенности эрозии шейки матки (на 32%). С 2010 г. наблюдается заметное снижение распространенности осложнений беременности и родов, однако значение показателя в 2018 г. все еще превышало значение 2005 г. (таблица 3).

Здоровье женщин репродуктивного возраста (по данным выборочного наблюдения)

Данные выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения (2018 г.), показывают, что здоровье женщин ухудшается от более младших к более старшим возрастам. Среди девушек 18–19 лет 77,2% не имели недомоганий или заболеваний, тогда как в группе женщин 30–34 лет таких было только 51,6%, а в группе 45–49 лет доля здоровых составляла лишь 25,3%. Распространенными нарушениями здоровья среди женщин репродуктивного возраста были гипертоническая или ишемическая болезнь сердца, которыми страдали от 1,6% девушек 18–19 лет и 1,3% молодых женщин 20–24 лет до 23% женщин в возрасте 45–49 лет. Высокой распространенностью характеризовалось и такое заболевание, как остеохондроз. Уже среди девушек 18–19 лет 3% имели данную проблему со здоровьем, а среди женщин 30–34 лет доля страдающих остеохондрозом достигала 13%. Следует отметить, что уже в «молодых» группах начинают проявляться такие заболевания, как патологии щитовидной железы, бронхит, холецистит (таблица 4).

Таблица 4

Распространенность отдельных заболеваний
среди женщин репродуктивного возраста,
процент от численности опрошенных соответствующих возрастных групп

Заболевания	Возрастные группы женщин						
	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	35–39 лет	40–44 лет	45–49 лет
Артрит	0	0,9	0,9	1,5	2,3	3,7	8,0
Астма	1,6	0,4	1,0	0,7	1,3	1,3	2,2
Бронхит	1,6	3,1	3,6	3,2	3,5	4,9	6,1
Гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	1,6	1,3	3,2	6,3	10,1	12,6	23,0
Диабет	0	0,2	0,4	0,6	0,5	1,2	3,3
Мочекаменная болезнь	0	1,1	1,9	3,4	3,5	4,6	4,8
Остеохондроз	3,1	4,4	9,6	13,3	19,6	27,3	35,2
Патология щитовидной железы	1,6	2,9	4,0	5,5	6,0	9,9	8,6

Заболевания	Возрастные группы женщин						
	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	35–39 лет	40–44 лет	45–49 лет
Холецистит	0,8	1,3	2,6	4,4	6,3	6,1	9,5
Язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	0,8	1,3	1,3	4,0	4,1	4,3	5,2
Другие заболевания	12,6	13,7	12,3	13,8	14,9	13,5	15,2
Нет никаких недомоганий (болезней)	77,2	69,7	63,0	51,6	44,8	35,5	25,3
Затрудняюсь ответить	1,6	3,5	4,5	5,3	3,3	3,9	5,2

Примечание: 100% по столбцам.

Источник здесь и далее: Данные Выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения (за 2018 год). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html

В числе «других» заболеваний респондентки чаще всего отмечали такие проблемы, как заболевания глаз (в том числе сопровождающиеся снижением зрения), аллергии, заболевания почек, гастрит и гастродуоденит, цистит, заболевания женских половых органов (в том числе 0,14% женщин 18–49 лет отметили, что страдают миомой матки), варикозное расширение вен, болезни желчного пузыря.

В структуре заболеваемости населения одну из лидирующих позиций занимают нарушения обмена веществ, в том числе такая проблема, как ожирение. Среди женщин репродуктивного возраста распространенность избыточного веса увеличивается от более «младших» к более «старшим» возрастным группам (таблица 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой у вас вес?», процент от числа опрошенных соответствующих возрастных групп

Вес	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	35–39 лет	40–44 лет	45–49 лет
Избыточный	4,0	2,9	5,2	8,9	12,0	12,7	16,6
Скорее избыточный	5,6	11,7	15,9	16,4	16,6	22,0	22,8
Нормальный	78,6	74,8	70,1	69,2	64,6	60,4	57,0
Скорее недостаточный	5,6	7,3	5,8	4,1	3,9	3,4	1,9
Недостаточный	5,6	2,7	2,2	1,1	1,9	0,4	0,7
Затрудняюсь ответить	0,8	0,5	0,8	0,4	1,1	0,9	0,9

Примечание: 100% по столбцам.

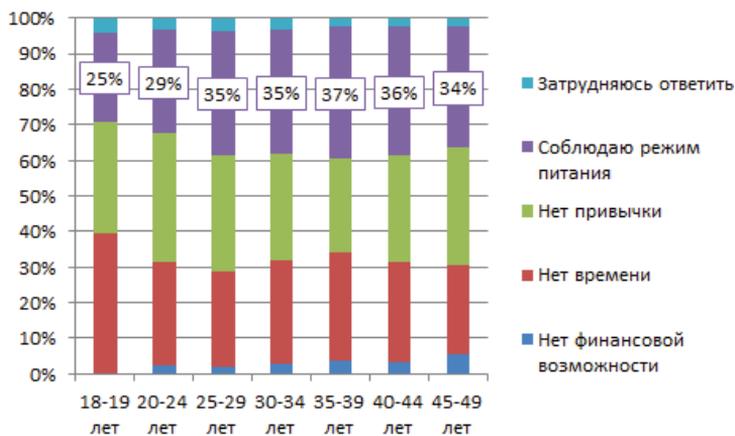

Рисунок 1 — Распределение ответов женщин на вопрос: «Соблюдаете ли вы режим питания? Если нет, то почему?», процент от числа ответивших соответствующих возрастов.

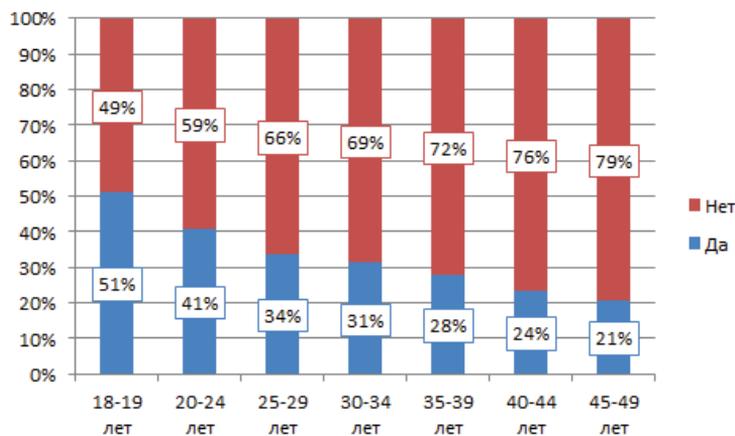

Рисунок 3 — Распределение ответов женщин на вопрос: «Проходили ли вы в течение последних двух лет диспансеризацию (медицинское обследование с участием разных специалистов) с целью контроля над состоянием вашего здоровья?», процент от числа ответивших соответствующих возрастов.

Источник здесь и далее: Данные Выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения (за 2018 год). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html

В зависимости от возраста привычки женщин в области питания и физической активности различаются. Наиболее ответственны в вопросе соблюдения режима питания женщины 35–39 лет — такой привычки придерживаются 37% из них. В наименьшей мере режим питания соблюдают молодые девушки 18–19 лет. В чис-

ле причин этого они чаще всего указывают нехватку времени (40%). На отсутствие финансовых возможностей как причину несоблюдения режима питания указывали лишь некоторые респондентки. Их максимальный удельный вес наблюдается в самой старшей из рассмотренных групп (45–49 лет) — 6% (рисунок 1).

Приверженность спортивным занятиям снижается от младших к более старшим возрастным группам женщин. Так, если среди девушек 18–19 лет в свободное время спортом и физкультурой занимаются более половины опрошенных, то в группе женщин 45–49 лет таких уже только 21% (рисунок 2).

Низкая физическая активность и неправильное питание сопутствуют набору избыточной массы тела и развитию хронических заболеваний сердечно-сосудистой системы. Избыточный вес сопутствует хроническим заболеваниям сердечно-сосудистой системы у 49,8% страдающих ими женщин. Для сравнения, в целом среди женщин 18–49 лет доля имеющих избыточный вес составляла 26,9%. Регулярные занятия спортом способствуют нормализации веса: доля страдающих избыточным весом среди тех, кто регулярно занимается спортом, составляет 22% против 29% среди тех, кто этого не делает (таблица 6).

Таблица 6

Вес женщин 18–49 лет и регулярность спортивных занятий,
процент от числа ответивших

Занимаются спортом регулярно	Вес					
	Избы- точный	Скорее избыточ- ный	Нор- мальный	Скорее недоста- точный	Недоста- точный	Затруд- няюсь ответить
Да	6,6	15,6	71,2	4,3	1,7	0,6
Нет	11,0	18,0	64,2	4,4	1,6	0,8

Примечание: 100% по строкам.

В свою очередь, среди женщин, которые ответили, что их вес «избыточный» или «скорее избыточный», доля тех, кто соблюдает режим питания, составляет 23% и 28% соответственно, тогда как среди женщин с нормальным весом такую привычку имеют 38%. Следует отметить, что среди женщин, имеющих недостаточный вес, также больше тех, кто соблюдает режим питания, чем среди женщин с избыточным весом (таблица 7).

Еще одним фактором, определяющим здоровье, выступает медицинская активность. В выборочном обследовании респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, проходили ли они в течение последних двух лет диспансеризацию. Распределение ответов женщин и в этом отношении зависит от принадлежности к определенной возрастной группе. Так, наибольшая доля проходивших диспансеризацию присутствует среди девушек 18–19 лет, что, вероятно, обусловлено тем, что прохождение диспансеризации контролировалось со стороны образовательной организации, где они обучались, а также со стороны их родителей (два года назад

эти респонденты еще были детьми). В более старших группах женщин доля прошедших диспансеризацию несколько ниже, но все же указывает на высокую медицинскую активность в отношении профилактики нарушений здоровья (рисунок 3). Высокая медицинская активность женщин репродуктивного возраста отмечалась и в других исследованиях (Турбина, Полунина и Полунин, 2019).

Таблица 7

Вес женщин 18–49 лет и соблюдение ими режима питания, процент от числа ответивших

Вес	Соблюдение режима питания				
	не соблюдают:			соблюдают	затруднились ответить
	нет финансовой возможности	нет времени	нет привычки		
Избыточный	5,3	34,7	34,4	22,7	2,9
Скорее избыточный	2,5	31,1	34,8	28,2	3,3
Нормальный	2,9	26,6	29,4	38,2	2,9
Скорее недостаточный	6,3	29,5	34,7	27,9	1,6
Недостаточный	4,3	30,0	28,6	35,7	1,4

Примечание: 100% по строкам.

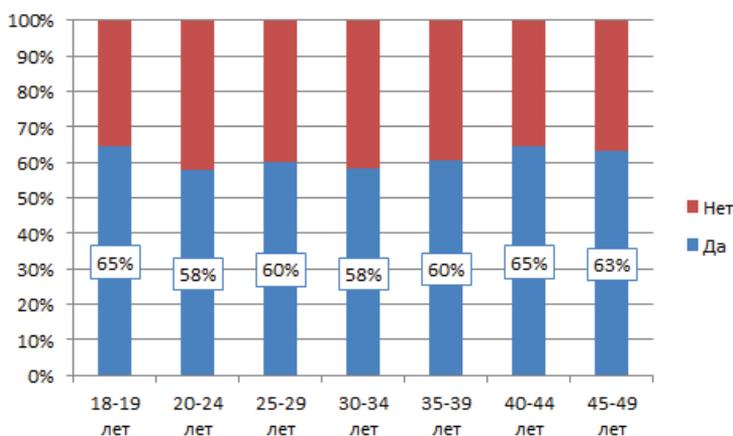

Рисунок 3 — Распределение ответов женщин на вопрос: «Проходили ли вы в течение последних двух лет диспансеризацию (медицинское обследование с участием разных специалистов) с целью контроля над состоянием вашего здоровья?», процент от числа ответивших соответствующих возрастов.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в настоящее время для здоровья женщин 15–49 лет в России основную угрозу представляют новообразования, в том числе злокачественные опухоли, локализованные в органах женской репродуктивной системы. Актуальной остается и проблема женского бесплодия. На основании данных выборочного наблюдения показано, что среди женщин репродуктивного возраста также распространены сердечно-сосудистые заболевания, остеохондроз, заболевания почек, глаз, щитовидной железы. Распространенность нарушений здоровья поступательно возрастает от более молодых к более старшим возрастным группам женщин. Среди поведенческих факторов, оказывающих негативное влияние на здоровье женщин, следует отметить снижение их физической активности с возрастом и слабую приверженность соблюдению режима питания во всех возрастных группах. В то же время правильная организация профилактической работы с женщинами репродуктивного возраста в медицинских организациях может способствовать значительному улучшению показателей их здоровья, поскольку данная категория населения демонстрирует высокую медицинскую активность. В связи с этим можно предложить развивать тематические программы комплексного обследования здоровья различных систем организма для женщин репродуктивного возраста. Эту работу можно проводить на базе центров здоровья. Также можно предусмотреть несколько видов диагностических программ для женщин в зависимости от их текущих потребностей: для женщин (и их партнеров), планирующих рождение детей, для женщин после родов, для женщин, занятых на производствах с вредными условиями труда. Реализация подобного подхода позволит, с одной стороны, повысить информированность людей о своем здоровье, востребованность профилактических медицинских мероприятий, с другой — увеличить показатели ранней выявляемости опасных заболеваний.

Выводы и рекомендации настоящего исследования могут представлять интерес для специалистов, занимающихся исследованиями общественного здоровья в России. В перспективе предполагается углубить полученные в исследовании результаты с использованием данных репрезентативных региональных социологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артюхов И.П., Капитонов В.Ф., Шурова О.А., Павлов А.В. Планирование деторождения, темпов формирования семьи и репродуктивное здоровье беременных. Социальные аспекты здоровья населения, 2017, 6 (58), 7–15. doi: 10.21045/2071-5021-2017-58-6-7

Богданова Р.Ф., Ширяева Г.П. Современные аспекты влияния гипертонической болезни беременных на состояние здоровья плода и новорожденного. Медицинский вестник Башкортостана, 2015, 10 (1), 103–107.

Бреусов А.В., Коновалов О.Е., Харитонов А.К., Харченко В.В., Бреусов Р.А. Социально-демографическая характеристика и состояние здоровья женщин фертильного

возраста Московской области. Саратовский научно-медицинский журнал, 2019, 15 (1), 72–77.

Гамзаев М.А. Социально-гигиенические аспекты питания женщин репродуктивного возраста. Российский медицинский журнал, 2014, 20 (5), 9–12.

Елгина С.И., Захаров И.С., Рудаева Е.В. Репродуктивное здоровье женщин и особенности пищевого поведения. Фундаментальная и клиническая медицина. 2019, 4 (3), 48–53.

Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное здоровье и поведенческие факторы его формирования (на материалах социологического исследования в Вологодской области). Проблемы развития территории, 2016, 1 (81), 115–129.

Магомедов О.М. Заболеваемость и смертность от рака молочной железы у городских женщин репродуктивного возраста (до 49 лет) Республики Дагестан. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки, 2012, 1 (18), 57–62.

Петриченко Н.В., Баркова Э.Н. Влияние дефицита железа на состояние здоровья беременной женщины и новорожденного. Университетская медицина Урала, 2015, 1(2-3), 47–49.

Сергейко И.В. Медико-социальные факторы, влияющие на репродуктивное здоровье женщин. Социальные аспекты здоровья населения, 2014, 1 (35). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/544/30/lang,ru/>

Тузов Д.А. Женщины репродуктивного возраста как объект статистического исследования. Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО, 2010, No. 1, 121–126.

Турбина Ю.О., Полунина Н.В., Полунин В.С. Социально-гигиеническая характеристика женщин репродуктивного возраста и ее роль в развитии гинекологической патологии. Российский медицинский журнал, 2019, 25 (2), 89–91.

Тюков Ю.А., Маркина А.Ю., Матвеева Е.С., Ворошина Н.В. Особенности выявления злокачественных новообразований репродуктивной системы у женщин фертильного возраста. Дневник казанской медицинской школы, 2017, 4 (18), 114–118.

Чернов А.В., Коновалов О.Е., Шевлякова Т.В. Медико-социальная характеристика женщин активного репродуктивного возраста и их семей. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 2012, No. 1, 23–25.

Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Репродуктивное здоровье как фактор качества воспроизводства населения. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2009, 3 (7), 73–81.

Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2014, 5 (35), 33–54.

Щербина Н.А., Выговская Л.А. Распространенность урогенитальных бактериальных инфекций у беременных и их влияние на состояние новорожденных. Вестник проблем биологии и медицины, 2017, 1 (3), 93–94.

REFERENCES

- Artyuhov, I.P., Kapitonov, V.F., Shurova, O.A., Pavlov, A.V. (2017). Planirovanie detorozhdeniya, tempov formirovaniya sem'i i reproduktivnoe zdorov'e beremennyh [Family planning, rates of family making and reproductive health of pregnant women]. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of population health], 6 (58), 7–15. doi: 10.21045/2071-5021-2017-58-6-7
- Bogdanova, R.F., Shiryaeva, G.P. (2015). Sovremennyye aspekty vliyaniya gipertonicheskoy bolezni beremennyh na sostoyanie zdorov'ya ploda i novorozhdennoy [Current aspects of hypertension in pregnancy impact on health status of fetus and newborn]. *Medicinskij vestnik Bashkortostana* [Bashkortostan Medical Journal], 10 (1), 103–107.
- Breusov, A.V., Konovalov, O.E., Haritonov, A.K., Harchenko, V.V., Breusov, R.A. (2019). Social'no-demograficheskaya karakteristika i sostoyanie zdorov'ya zhenshchin fertil'nogo vozrasta Moskovskoy oblasti [Social and demographic characteristics and health status of women of fertile age in Moscow region]. *Saratovskij nauchno-meditsinskij zhurnal* [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 15 (1), 72–77.
- Gamzaev, M.A. (2014). Social'no-gigienicheskie aspekty pitaniya zhenshchin reproduktivnogo vozrasta [The social hygienic aspects of diet of women of reproductive age]. *Rossijskij medicinskij zhurnal* [Medical Journal of the Russian Federation], 20 (5), 9–12.
- Elgina, S.I., Zaharov, I.S., Rudaeva, E.V. (2019). Reproaktivnoe zdorov'e zhenshchin i osobennosti pishchevogo povedeniya [Women's reproductive health and features of eating behavior]. *Fundamental'naya i klinicheskaya medicina* [Fundamental and Clinical Medicine], 4 (3), 48–53.
- Kalachikova, O.N., Shabunova, A.A. (2016). Reproaktivnoe zdorov'e i povedencheskie faktory ego formirovaniya (na materialah sociologicheskogo issledovaniya v Vologodskoy oblasti) [Reproductive health and behavioral factors in its formation (on the materials of sociological research in the Vologda Oblast)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 1 (81), 115–129.
- Magomedov, O.M. (2012). Zabolevaemost' i smertnost' ot raka molochnoj zhelezy u gorodskih zhenshchin reproduktivnogo vozrasta (do 49 let) Respubliki Dagestan [Incidence and mortality from breast cancer in urban women of reproductive age (up to 49 years) of the Republic of Dagestan]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Estestvennye i tochnye nauki* [Dagestan State Pedagogical University Journal. Natural and Exact Sciences], 1 (18), 57–62.
- Petrichenko, N.V., Barkova, E.N. (2015). Vliyanie defitsita zheleza na sostoyanie zdorov'ya beremennoy zhenshchiny i novorozhdennoy [The impact of iron deficiency on the health of pregnant women and newborns]. *Universitetskaya Medicina Urala* [University medicine of the Urals], 1 (2), 47–49.
- Sergejko, I.V. (2014). Mediko-social'nye faktory, vlijajushhie na reproduktivnoe zdorov'e zhenshchin [Medical and social factors affecting female reproductive health]. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of population health], 1 (35), 11. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/544/30/lang.ru/>
- Tuzov, D.A. (2010). Zhenshchiny reproduktivnogo vozrasta kak ob'ekt statisticheskogo issledovaniya. Ekonomika, statistika i informatika [Women of fertile age as an object of sta-

tistical research. Economics, statistics and informatics]. *Vestnik UMO* [Bulletin of UMO], no 1, 121–126.

Turbina, Yu.O., Polunina, N.V., Polunin, V.S. (2019). Social'no-gigienicheskaya karakteristika zhenshchin reproduktivnogo vozrasta i ee rol' v razvitii ginekologicheskoy patologii [Socio-hygienic characteristics of women of reproductive age and its role in the development of gynecologic pathology]. *Rossijskij medicinskij zhurnal* [Medical Journal of the Russian Federation], 25 (2), 89–91.

Tyukov, Yu.A., Markina, A.Yu., Matveeva, E.S., Voroshina, N.V. (2017). Osobennosti vyyavleniya zlokachestvennyh novoobrazovaniy reproduktivnoj sistemy u zhenshchin fertil'nogo vozrasta [Features detection of malignant tumors of the reproductive system in women of childbearing age]. *Dnevnik Kazanskoj medicinskoj shkoly* [Diary of the Kazan Medical School], 4 (18), 114–118.

Chernov, A.V., Konovalov, O.E., Shevlyakova, T.V. (2012). Mediko-social'naya karakteristika zhenshchin aktivnogo reproduktivnogo vozrasta i ih semej [The medical social characteristics of women of active reproductive age and their families]. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny* [Problems of social hygiene, public health and history of medicine], no. 1, 23–25.

Shabunova, A.A., Kalachikova, O.N. (2009). Reproductivnoe zdorov'e kak faktor kachestva vosproizvodstva naseleniya [Reproductive health as a factor in quality of population reproduction]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 3 (7), 73–81.

Shabunova, A.A., Kondakova, N.A. (2014). Zdorov'e i razvitie detej: itogi 20-letnego monitoringa [Children's health and development: results of a 20-year monitoring]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 5 (35), 33–54.

Shcherbina, N.A., Vygovskaya, L.A. (2017). Rasprostranennost' urogenital'nyh bakterial'nyh infekcij u beremennyh i ih vliyanie na sostoyanie novorozhdennyh [The incidence of urogenital bacterial infections in pregnant and their impact on the state of newborns]. *Vestnik problem biologii i mediciny* [Bulletin of problems biology and medicine], 1 (3), 93–94.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Айтиев Шухрат Анварович** — аспирант, Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан), e-mail: sayatiev@yahoo.com
- Борисова Ольга Владимировна** — старший преподаватель, кафедра психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: olya333es@mail.ru
- Кайгородцев Александр Александрович** — доктор экономических наук, академик Российской академии естествознания, профессор, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан), e-mail: kay-alex@mail.ru
- Кайгородцева Татьяна Федоровна** — магистр наук, преподаватель, Ярославский колледж индустрии питания (Ярославль, Россия), e-mail: tanya19651@mail.ru
- Каминский Вадим Сергеевич** — младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия), e-mail: fbcde56b@yandex.ru
- Каримова Кундуз** — аспирант, Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан), e-mail: kunduz.karimova.70@mail.ru
- Косыгина Ксения Евгеньевна** — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия), e-mail: sene4ka.87@mail.ru
- Ластовкина Дарья Александровна** — старший лаборант, Вологодский научный центр Российской академии наук (Череповец, Россия), e-mail: dashyta.88@mail.ru
- Максимова Светлана Геннадьевна** — доктор социологических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: svet-maximova@yandex.ru
- Нацун Лейла Натиговна** — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия), e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
- Ноянзина Оксана Евгеньевна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: noe@list.ru
- Омельченко Дарья Алексеевна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: daria.omelchenko@mail.ru
- Салморбекова Рита Бобуевна** — доктор социологических наук, профессор, ОО «Соцантро» (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: r.salmorbekova@mail.ru
- Сарыглар Сылдысмаа Артуровна** — аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: syldysma93@mail.ru
- Суртаева Ольга Валерьевна** — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: bubuka_s@mail.ru

Ходаковский Евгений Андреевич — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), e-mail: khodakovsky@bk.ru

Шахова Екатерина Владимировна — аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: EWS05@yandex.ru

Щеглова Дарья Константиновна — аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: daschul9@mail.ru

Ясников Николай Николаевич — аспирант, Череповецкий государственный университет, инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Череповец, Россия), e-mail: pyasnikov94@mail.ru

---

ABOUT AUTHORS

- Aytiev Shukhrat A.** — Postgraduate student, Osh State University (Osh, Kyrgyzstan), e-mail: saytiev@yahoo.com
- Borisova Olga V.** — Senior Lecturer at the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Institute of Social Sciences, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: olya333es@mail.ru
- Kaigorodtsev Alexander A.** — Dr. Sci. (Economics), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor, S. Amanzholov East Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan), e-mail: kay-alex@mail.ru
- Kaigorodtseva Tatiana F.** — Master of Science, Lecturer at the Yaroslavl College of Food Industry (Yaroslavl, Russia), e-mail: tanya19651@mail.ru
- Kaminsky Vadim S.** — Junior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia), e-mail: fbcde56b@yandex.ru
- Karimova Kunduz** — Postgraduate student, Osh State University (Osh, Kyrgyzstan), e-mail: kunduz.karimova.70@mail.ru
- Khodakovskiy Evgeny A.** — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities (RSUH) (Moscow, Russia), e-mail: khodakovskiy@bk.ru
- Kosygina Ksenia E.** — Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia), e-mail: sene4ka.87@mail.ru
- Lastovkina Darya A.** — Senior Laboratory Assistant, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Cherepovets, Russia), e-mail: dashyta.88@mail.ru
- Maximova Svetlana G.** — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Vice-Rector for Scientific and Innovative Development, Head of the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: svet-maximova@yandex.ru
- Natsun Leyla N.** — Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia), e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
- Noyanzina Oksana E.** — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: noe@list.ru
- Omelchenko Daria A.** — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: daria.omelchenko@mail.ru
- Salmorbekova Rita B.** — Dr. Sci. (Sociology), Professor, OO «SOTSANTRO» (Bishkek, Kyrgyzstan), e-mail: r.salmorbekova@mail.ru
- Saryglar Syldysmaa A.** — Postgraduate student, Institute of Social Sciences, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: syldysmaa93@mail.ru
- Shakhova Ekaterina V.** — Postgraduate student, Institute of Social Sciences, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: EWS05@yandex.ru
- Sheglova Daria K.** — Postgraduate student, Institute of Social Sciences, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: daschul9@mail.ru

Surtaeva Olga V. — Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer, the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University, (Barnaul, Russia), e-mail: bubuka_s@mail.ru

Yasnikov Nikolay N. — Postgraduate student, Chereposets State University, Research engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Cherepovets, Russia), e-mail: nvasnikov94@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал Society and Security Insights является научным периодическим изданием, публикующим результаты оригинальных исследований, аналитические обзоры, ранее не опубликованные переводы научных работ зарубежных ученых, рецензии и короткие сообщения по проблемам фундаментальных и прикладных исследований в социальных науках, связанных с тематикой риска и безопасности, особенностей их социального конструирования, восприятия и интерпретации, воздействия на общественное сознание, социальные институты и процессы.

К рассмотрению для публикации в журнале принимаются статьи докторов и кандидатов наук, преподавателей, аспирантов и докторантов, специалистов-практиков в области государственного и муниципального управления, социологии, философии, психологии, экономики, менеджмента и других отраслей знаний. Публикации магистрантов принимаются только в соавторстве с научным руководителем.

К публикации принимаются статьи, соответствующие тематике журнала и ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Публикация бесплатная.

Журнал выходит четыре раза в год как в печатном варианте, так и в режиме непрерывной публикации (continuous publication). Это означает, что статьи публикуются сразу после прохождения рецензирования и утверждения редакционной коллегией, что значительно сокращает сроки публикации и повышает уровень цитируемости статьи. Статьи размещаются в режиме открытого доступа, каждой статье присваивается индекс DOI.

Редакция журнала принимает исследовательские статьи и аналитические обзоры объемом до 1,0 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами), краткие научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами), включая сведения об авторах, иллюстрации и список литературы. К рассмотрению принимаются материалы, подготовленные на русском и английском языках.

При наличии рисунков, диаграмм, графиков в статье они сохраняются в формате *.jpg в отдельной папке и передаются вместе с текстом статьи.

После независимой научной и технической экспертизы статья либо возвращается на доработку, либо принимается к публикации, о чём сообщается автору по электронной почте.

Для отправки статей необходимо зарегистрироваться на сайте <http://journal.asu.ru>. При регистрации обязательно указать в последнем пункте, что Вы являетесь автором и/или рецензентом. При регистрации нужно использовать английский вариант фамилии и имени.

Далее войти со своей учетной записью, на Странице пользователя, выбрать пункт

Новая статья и начать процесс отправки, состоящий из пяти последовательных шагов.

Требования к оформлению статей, описание процедуры рецензирования и дополнительную информацию о журнале можно найти на официальном сайте <http://journal.asu.ru/index.php/ssi>.

Тематика журнала

1. Международная, национальная и региональная безопасность.
2. Безопасность в странах Азиатского региона.
3. Теоретические и методологические вопросы исследования общества и безопасности.
4. Риск, угрозы и безопасность: социальные и психологические аспекты.
5. Социология безопасности.
6. Социальные исследования и мониторинг безопасности.
7. Демография, миграция и безопасность общества.
8. Безопасность информационного пространства.
9. Образовательное пространство безопасности.
10. Информация и образовательное пространство безопасности.
11. Исторические аспекты безопасности.
12. Национальная политика, межнациональные отношения.
13. Государство, гражданское общество и стабильность.
14. Рецензии.

RULES FOR AUTHORS

«Society and Security Insights» is a scientific periodical journal, publishing results of original researches, analytical surveys, unpublished translations of works of foreign researches, reviews, and case studies on problems of fundamental and applied researches in social sciences, related to risk and security, aspects social constructing, perception and interpretation, influence for public consciousness, social institutes and processes.

Journal welcomes papers by doctors and candidates of sciences, lecturers, post-graduates and doctoral students, specialists and practitioners in the field of state and municipal administration, sociology, philosophy, psychology, economy, management and other fields of sciences. Masters publish their articles only with co-authorship.

Journal accept unpublished papers, related to relevant issues.

The publications is free.

The journal is quarterly printed journal and provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge (continuous publication). This means publishing open access articles soon after double-blind peer review and accepting by editorial staff, promotes to distribution and citing of articles. All articles are open-accessed and have DOI index.

Editorial board accept research papers and reviews no longer than 1.0 author's sheet (40 000 characters, spaces included), brief reviews no longer than 0.4 author's sheet (16 000 characters, spaces included), other materials no longer than 0.15 author's sheet (6 000 characters, spaces included), including information about authors, pictures and references. Papers in Russian and English are welcomed.

If the article contains figures, they should be provided as individual files in *.jpg format together with the manuscript. After independent scientific and technical expertise the article is rejected, returned for revision or accepted for publication, then authors are informed by e-mail.

To submit a paper authors should register the online author submissions system <http://journal.asu.ru>. Registration as an author and / or reviewer is strongly required. While registering, please indicate the English version of last and first name. Authors should login the User Page and choose "New paper" to submit an article.

Paper requirements, templates, reviewing process, and guide on paper selection and reviewing process are available of journal web-site <http://journal.asu.ru/index.php/ssi>.

This journal provides a forum for researchers and academics to debate internationally relevant issues that fall within the scope of social sciences, including but not limited to:

1. International, national and regional security.
2. Security in Asian region.

3. Theoretical and methodology questions of research about society and security.
4. Risk, threats and security: social and psychological aspects.
5. Sociology of security.
6. Social researches and monitoring of security.
7. Demography, migration and security of society.
8. Security of information area.
9. Educational area of security
10. Information and educational area of security.
11. Historical aspects of security.
12. National policy, international relations.
13. State, civil society and stability.
14. Reviews.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2020. № 3. Том 3

Литературный редактор

Н.Ю. Ляшко

Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки

Ю.В. Плетнева

Подписано в печать 24.08.2020.

Дата выхода в свет 26.08.2020.

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 15,3

Тираж 300 экз. Заказ 235

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77-74389.

Дата регистрации 23.11.2018

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Адрес редакции и издателя:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография ФГБОУ ВО Алтайского государственного университета

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66